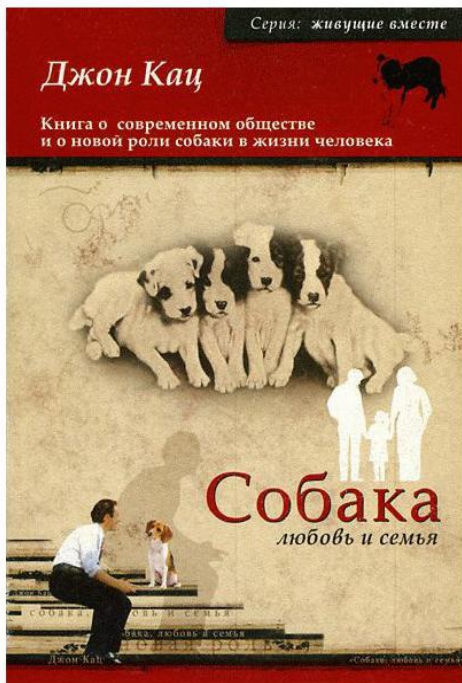

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Джон Кац
Собака, любовь и семья

Всё о собаках –

Джон Кац

Собака, любовь и семья

Всё о собаках –

Серия: живущие вместе

Джон Кац

**Книга о современном обществе
и о новой роли собаки в жизни человека**

Scan, OCR, spellcheck, создание
документа — TaKir, 2009

<http://epaper.ru.googlepages.com/home>

«Джон Кац. Собака, любовь и семья»: Софион; Москва; 2004

ISBN ISBN 5-9668-0003-0

Аннотация

В книге известного американского писателя Джона Каца рассказывается о жизни собаки в современной семье и обсуждается ее новая роль в условиях цивилизованного общества. Любителей домашних животных привлечет живой и непосредственный рассказ о взаимоотношениях людей со своими

собаками, а также тонкое понимание автором психологии своих героев.

Тот, кто читал «Год собаки» того же автора, найдет в этой книге продолжение истории двух собак — героев этой книги.

Для широкого круга читателей.

Джон Кац

Собака, любовь и семья

*Кэролин
Уилки —
верному другу и
страстному*

борцу за
улучшение
отношений
между
человеком и
собакой.

«Это
началось с моей
собаки, — ее
уже нет в
живых, но всю
свою долгую
жизнь она
смотрела на
меня карими
глазами моего
отца —
любящими,
понимающими,
проницательным

и скорбными; ее глаза ничем не отличались от отцовских, если не считать способности светиться в темноте».

**Из
«Возвращения»
Максима
Кумина**

Введение

Густо заросший Национальный парк Миллз протянулся вдоль гребня холма, что служит северо-западной

границей Монтклера, Нью-Джерси. По парку, словно паутина, разбегаются сотни тропинок, а из некоторых уголков открывается вид на Манхэттен, расположенный восточнее, всего в получасе езды отсюда. Парк, спроектированный прославленным Фредериком Лоу Олмстедом, занимает площадь в 157 акров.

На севере Нью-Джерси каждый уцелевший уголок природы подвергается настойчивой осаде застройщиков. Каждый месяц на краю парка вырастает, как из-под земли, очередной уродливый, пугающе дорогой дом. Да и в самом

парке становится все многолюднее — в Миллз дружно стекаются родители с детьми и пенсионеры, стремящиеся насладиться моционом на лоне природы и найти тихое местечко, где можно посидеть и посмотреть на величественный горизонт, открывающийся над Гудзоном.

Помимо всего прочего, Миллз — неофициальная резиденция процветающей собачьей общины Монтклера. Первая волна начинает прибывать на рассвете: это одиночки, ограничивающиеся обществом своего четвероногого приятеля; это хозяева крупных или

непредсказуемых собак, которых нужно вывести на прогулку, пока парк еще безлюден; это те, кому необходимо управиться с прогулкой до ухода на работу; это группы собаководов, обвешанных сумками с лакомствами, игрушками и бутылками с водой (для собак), собирающиеся вместе для того, чтобы дать животным возможность поиграть и побегать друг с другом.

Спасатели придерживаются узких, менее оживленных тропинок и зорко приглядывают за собаками, недавно взятыми из приютов или подобранными на улице; этих собак спасли от смерти, жестокости,

предательства, и теперь они проходят курс реабилитации — как физической, так и эмоциональной. Спасатели постоянно разговаривают со своими подопечными, — особенно с теми, кто отличается повышенной нервозностью, — оценивают состояние вновь поступивших, наблюдают, не проявятся ли признаки болезни или других нарушений; они приучают собак к новым кличкам и командам.

Час пик наступает после окончания рабочего дня, и до самой темноты воздух в парке звенит от несмолкающего лая. Собаководы прохаживаются по тропинкам и

знакомят своих собак между собой, хотя не обязательно знакомятся при этом сами. Тем не менее, при встречах эта публика дружелюбно обменивается информацией о своих открытиях — озерах, тропинках и рощицах, где можно отпустить собаку побегать. После нескольких визитов в парк собаки начинают приветливее относиться к посторонним, карманы которых до отказа набиты печеньем.

Миллз, словно микрокосм, отражает весь собачий мир Америки: собак становится все больше, а мест, где им можно гулять, все меньше, так

же, как и возможностей вступить в контакт с окружающим миром.

Всех собаководов, за исключением новичков, можно считать закаленными ветеранами непрекращающейся войны, ведущейся между любителями собак, «гражданским» населением и местными властями, периодически предпринимающими тщетные попытки потеснить собак и их хозяев или, по крайней мере, сдержать их наступление. В наших мегаполисах все естественные проявления собачьей природы — желание побегать на свободе, пообщаться с себе подобными, поиграть друг с

другом в догонялки, проявить свою сексуальность либо вывалиться в дурно пахнущих отбросах — считаются незаконными или вызывают неодобрение.

По оценке Общества защиты животных США — на мой взгляд, это наиболее точные данные — количество семей, в которых нет собак, превышает численность семей собаководов в соотношении шестьдесят к сорока. Вероятно, именно этот факт и следует считать причиной, по которой любители собак постоянно проигрывают сражения беспощадной войны,

ведущейся вокруг поводков,
намордников и прочих ограничений.

Впрочем, владельцы собак — упрямый народ, и Миллз — один из их последних редутов. Сдав его, они лишат своих собак возможности бегать на свободе и играть с другими собаками. Миллз принимает всех — лабрадоров, терьеров, грейхаундов и уиппетов, пуделей и питбулей, ротвейлеров и дворняжек неизвестного происхождения. Здесь чистокровные и выставочные животные бегают и играют вместе с двортерьерами, а натасканные рабочие собаки обнюхиваются с комнатными любимчиками.

В Миллзе вы всегда можете встретить глухую Джинни — породы питбуль, — выжившую после выстрела в голову. Ее хозяин, адвокат по имени Джон, терпеть не может собак. Джинни попала под его автомобиль, когда, раненая, бродила по улицам Белльвиля. Он взял собаку себе — к собственному изумлению и неопишуемому ужасу жены и соседей, — а теперь души в ней не чает. Впрочем, сам он продолжает твердить, что ненавидит собак еще больше, просто любит Джинни.

Понаблюдайте за тем, как Джон общается с Джинни — он топает ногой по земле, поскольку она

чувствует вибрацию, и затем старательно жестикулирует, а она не сводит с него любящих глаз и, повиливая хвостом, учится выполнять команды «сидеть» и «стоять», причем реагирует быстрее, чем большинство собак с нормальным слухом, — и перед вами приоткроется окно в целую вселенную эмоций, в которой живут эти люди и их питомцы.

Вы познакомитесь с Сади — одноглазой дворнягой, метисом овчарки и хаски — ее скинули с моста на шоссе. Собаку отбросило автомобилем, и она приземлилась на капот БМВ, за рулем которого сидел

продюсер компании «АВС Ньюс». Этот человек не пожалел 4000 долларов на хирургическую операцию, — Сади спасли, а место, где находился утраченный глаз, заклеили фосфоресцирующим пластырем; — теперь собаку прекрасно видно во время вечерней прогулки, правда ее облик порой нервирует прохожих. Сади и Джинни подружились. Тот, кто хотя бы раз видел, как они бок о бок трусят по тропинке парка, едва ли сможет забыть это зрелище.

Еще сюда приходит Шэдоу — английская овчарка, прибывшая из Европы. Она церемонно вышагивает

на поводке, гордясь многочисленными розетками, украшающими ее ошейник, — это призы, полученные на полевых испытаниях пастушьих собак. А как не упомянуть Дитца, — так зовут крошечного чихуахуа, невозмутимо семенящего между лапами Муза, мощного, мудрого бульмастиффа. Муза не следует путать с другим бульмастиффом, появляющимся в Миллз в сопровождении ярко-красного попугая, который, сидя у него на ошейнике, осыпает ругательствами встреченных собак.

Однако зерна идеи, породившей эту книгу, посеяли во мне Рашмор и

его хозяйка Кейт ДеЛанд. На эту пару я наткнулся ясным осенним утром, когда пришел в парк с двумя своими бордер-колли, — собака и ее хозяйка стояли на опушке в явном замешательстве.

Рашмор — классически красивый, голубоглазый пес породы немецкая овчарка — даже не взглянул на моих собак и, как мне показалось, сосредоточенно рассматривал нечто, находящееся прямо у меня за спиной.

— Извините, — обратилась ко мне Кейт, оказавшаяся храбрее своей собаки. — Мы здесь впервые, и я не

знаю, как себя вести. Здесь существуют какие-нибудь правила?

Ее наряд — отлично сидевшие шерстяные брюки и дорогой свитер — выглядел довольно неуместно, к тому же при ней не было обычной экипировки, без которой в Миллзе не появляется ни один истинный собаковод.

Кейт не ошиблась: — жизнь в Миллзе подчинялась сложному уставу, состоящему из множества негласных правил и условностей, знание которых необходимо каждому собаководу, проживающему в перенаселенном городе или пригороде. Во имя собственного

благополучия сознательные
владельцы собак придерживаются
этого сурового кодекса.

Для начала я рассказал ей, что
жильцам богатых домов, стоящих на
краю парка, не нравится, когда такое
количество собак бегает поблизости
от их владений, поэтому они
частенько обращаются с жалобами в
полицию.

Полиция, в свою очередь,
периодически предпринимает набеги
на собаководов — полицейские
прячутся за деревьями и внезапно
возникают прямо у вас перед носом.
Заметив собаку без поводка, они
пугают хозяина предупреждениями

или выписывают штраф на 150 долларов. Весь парк утыкан табличками, запрещающими выгул собак.

Впрочем, собаководы проявляют стойкость и никогда не сдаются. Они считают, что для тех, кто не любит собак, существуют другие парки. Им известно, что местные копы работают в напряженном режиме и не смогут надолго отвлекать резервы на патрулирование парка. К тому же любители собак давно привыкли к военному положению.

При виде полиции они свистят в свисток или подают сигнал криком. Две группы даже обзавелись

рациями и стационарными передатчиками, с помощью которых извещают единомышленников о прибытии сотрудников шерифа, чтобы каждый собаковод успел взять на поводок своего питомца.

Я объяснил Кейт, что основным критерием следует считать безопасность, — с поводка спускают только собак, доказавших свою благонадежность: они не должны представлять угрозы для окружающих, в том числе и для других собак, быть послушными и знать основные команды. Хозяева должны убирать за своими собаками и по возможности не собираться

группами в людных уголках парка. При встрече со стариками, инвалидами, маленькими детьми или людьми, проявляющими даже самое незначительное беспокойство, необходимо взять собаку на поводок или отойти подальше от тропинки. Хозяин, знающий, что его собака может укусить другую собаку, — я не говорю о безобидной возне, являющейся обычным компонентом собачьего общения, — не должен отпускать ее с поводка.

Собаководы не церемонятся с людьми, восклицающими в подобных случаях: «Ах, он никогда раньше так не делал!» или относящихся к

дрессировке как к пустой трате времени и денег, хотя их собаки постепенно превращаются в настоящих невротиков и ведут себя все более шумно и агрессивно. Такие люди навлекают неприятности на добропорядочных, воспитанных собак, поэтому, если они не хотят возиться с обучением своей собаки, им придется подыскать себе другое место для прогулок.

Впрочем, я предупредил Кейт о том, что некоторые хозяева — на самом деле, их довольно много — не отличаются ответственностью. Они не убирают за своими собаками, вынуждая остальных ходить по

ароматным кучам, приводят в парк неуравновешенных животных, которые пугают родителей с детьми и велосипедистов. Однажды я столкнулся с мужчиной, который привел четырех собак, только что спасенных из приюта. Он отпустил их побегать, и они напали на бигля.

Но Кейт по-прежнему выглядела испуганной и несчастной, она с трудом пристегнула поводок Рашмора к ошейнику и дала ему для игры футбольный мяч, слишком большой для его пасти. Я посоветовал ей купить мяч поменьше, чтобы пес мог носить его в зубах.

В конце концов, она призналась, что Рашмор — не ее собака, вернее, не совсем ее, и она не считает себя настоящим собаководом. Пса она купила мужу в подарок на день рождения, незадолго до того как его увезли в больницу с сердечным приступом. Вскоре он скончался; ему было всего сорок четыре. Кейт подумывала вернуть щенка в питомник, но не смогла. Она решила оставить собаку, считая, что муж, успевший привязаться к щенку, одобрил бы ее поступок. Но сама Кейт производила впечатление человека, взвалившего на себя тяжелую обязанность.

Рашмор обладал героической внешностью и достоинством, свойственным его породе. Однако при первом же взгляде на него сразу было понятно, что не все ладится в его жизни. Казалось, Кейт едва выносит присутствие собаки. Возможно, вид Рашмора вызывал у нее болезненные воспоминания.

Я пригласил ее присоединиться к нашей компании, чтобы она привыкла к ритуалам Миллза. Она согласилась с явным облегчением.

Рашмор не проявлял интереса ни к чему из того, что обычно так любят собаки, — он не подбирал с земли объедки, не валялся в пахучих

отбросах, не обнюхивал других собак или людей. Пес величественно шагал между деревьями и неизменно отвергал предложенное ему угощение.

Тропинка сделала поворот, и нам навстречу с лаем бросились три дворняжки; Рашмор бесстрастно позволил им обнюхать себя и так же невозмутимо удалился.

Кейт сказала, что решила довести дело до конца и научиться всем необходимым премудростям, чтобы правильно обращаться с Рашмором. Она считала, что таким образом сохранит память о муже, и

часть его души останется с ней. «Неважно какая», — добавила она.

Итак, ввязаться в сражение — уже половина успеха. Кейт было нелегко справиться с чувствами: говоря о собаке, она едва сдерживала слезы. Женщина совершенно не представляла, что с ним делать и как заполнить пустоту, образовавшуюся в жизни пса после смерти хозяина, но решила попытаться — хотя бы ради того, чтобы оправиться от утраты и попытаться заново склеить свою жизнь.

Мы договорились встречаться в Миллза по средам, — чтобы за время совместных прогулок Кейт смогла

познакомиться со всеми местными завсегдатаями. Всего за пару месяцев с ней произошла настоящая метаморфоза. Честно говоря, я ожидал, что пройдет неделя-другая, и она просто исчезнет, но Кейт не пропустила ни одной среды. Она не только подолгу гуляла с Рашмором утром и вечером, но сделала еще один важный шаг — наняла дрессировщика. Многим собаководам Монтклера не приходит в голову, что, купив дорогую рабочую собаку весом около сорока килограммов, глупо экономить три-четыре сотни долларов на ее обучение. Они не удосуживаются

даже почитать специальную литературу, чтобы справиться с дрессировкой самостоятельно. Как правило, такая недальновидность приносит плачевные результаты: начиная с проявлений агрессии и непрерывного лая и заканчивая изжеванной одеждой.

Но Кейт водила Рашмора в специальный тренировочный центр на Мэдисон. Центр носил имя Святого Губерта и пользовался хорошей репутацией. Там они проходили курс послушания и общей дрессировкой. Кейт научила пса носить поноску, и теперь он

появлялся в парке с маленьким красным мячом в зубах.

Для закрепления достигнутых успехов она применяла лакомства, игрушки и похвалу, — у Рашмора пробудился живейший интерес к вяленой говядине, которую он получал в награду за выполнение команд «ко мне», «сидеть» и «стоять». Поначалу его — такого же серьезного, как большинство немецких овчарок, — не особенно увлекала шумная возня, но через некоторое время он с удовольствием устраивал «кучу-малу» вместе с несколькими ретриверами. Однако я считал самым главным достижением

то, что он начал интересоваться Кейт, живо оборачивался, когда она окликала его по имени, и подходил к хозяйке.

К зиме она с гордостью сообщила, что Рашмор «стал смыслом ее жизни», что без его поддержки ей не удалось бы пережить смерти Стэна, что пес отвлек ее от переживаний и до сих пор заставляет работать над собой; он скрасил ее одиночество и придал ее существованию осмысленность.

— Сначала Рашмор напоминал мне о смерти мужа, и мне было тяжело даже смотреть на него, — призналась Кейт. — Он до сих пор

напоминает мне о муже, но по-другому. Каким-то образом он сделал так, что я пришла в себя.

Кейт рассказала, что сначала испугалась, когда психотерапевт, которого она посещала, предложил ей приводить с собой Рашмора, однако последовала его совету.

— Я говорила и плакала, а он сидел у моих ног. Этот пес стал для меня лекарством. А потом мы научились радоваться жизни вместе. У меня чудесные подруги, которые изо всех сил старались меня поддержать. Но ведь они не могли свернуться со мной в клубочек холодной зимней ночью, когда я

лежала у себя на диване, окаменев от горя. Они не могли разделить со мной опустевший дом.

Мне уже приходилось наблюдать, как отношения между хозяином и собакой перерастали привычные рамки отношений человека к домашнему животному. Знакомство с этой парой навело меня на мысль написать о нетипичных отношениях между американцами и их собаками.

В последние годы мне приходилось беседовать с сотнями собаководов, — не говоря уже о заводчиках, спасателях, инструкторах, специалистах по

поведению животных и зоопсихологах. Наши дискуссии проходили в самой разной форме — от получасового обмена мнениями во время прогулки до продолжительного интервью дома или во дворе у моих собеседников. В некотором смысле эти встречи были очень показательными.

Героями данной книги стали несколько человек и их собак, живущие в Монтклере или поблизости от него. Их истории наилучшим образом подтверждают разработанную мной теорию, согласно которой новое поле деятельности для собак —

эмоциональная сфера человека. Люди в наше время все больше отдаляются друг от друга и все сильнее страдают от взаимной отчужденности и одиночества.

Разумеется, это объяснение нельзя считать универсальным. Некоторые заводят собак по более незамысловатым причинам — в качестве компаньона или сторожа, помощника на охоте или в служебной деятельности — словом, никаких психологических мотивов. Но все чаще человек, сталкивающийся с серьезными жизненными проблемами, видит в собаке партнера или, по крайней мере, его суррогат.

Изучая предмет, я — как журналист и автор книги — знакомился с множеством людей, открывавших передо мной двери в свои дома и даже жизни. Иногда для того чтобы составить представление о моем герое, мне хватало одной-единственной встречи, в других случаях наша дружба затягивалась на месяцы, поскольку мне хотелось увидеть самому, как развивались отношения моего персонажа с собакой, когда она была щенком, в период обучения и так далее.

Вместе с этими людьми я ездил в питомники выбирать щенков, сопровождал их во время прогулок и

визитов к ветеринару. Посещал приюты вместе со спасателями, провожал собак в дома к новым хозяевам, где их ждала новая жизнь — иногда счастливая, иногда не очень.

Готовя книгу к публикации, я добросовестно штудировал труды социологов, специалистов по дрессировке, по поведению животных, зоопсихологов, психиатров и психоаналитиков, особенно тех, что специализируются на теории привязанности и изучают взаимоотношения человека с животными.

Впервые теория привязанности была выдвинута британским психиатром Джоном Боулби, вслед за которым ее подхватили и другие профессионалы, изучающие психические процессы у человека; по их мнению, то, как складываются (или не складываются) отношения человека с его первым воспитателем на ранних этапах жизни, определяет его дальнейшее эмоциональное развитие.

Процесс формирования привязанности накладывает неизгладимый отпечаток на человеческую личность. Зная его особенности, можно понять

проблемы, возникающие в отношениях (прежде всего эмоциональных) в течение всей жизни. В их числе и неразрывные узы, связывающие человека с его собакой.

Первым, кто обратил мое внимание на связь между теорией привязанности и новой ролью собаки, стала Дебра Кац — психиатр из Университета в Кентукки. Она связалась со мной по электронной почте после того, как прочла мою предыдущую книгу «Год собаки», в которой я рассказывал о своих отношениях с проблемным бордер-колли. «Может быть, я вмешиваюсь

не в свое дело, — писала она, — но работа, которую вы проделали с вашим Девоном, имеет сходство с нашим курсом психотерапии для родителей и детей, основанным на теории привязанности. Я дала вашу книгу одному из наших сотрудников, и тот пришел к выводу, что у вашей собаки наблюдалось «нарушение привязанности», но вы справились со своей задачей не хуже профессионального психотерапевта».

Наша переписка продолжалась, коллеги Дебры присылали мне стопки книг и научных трудов, и, наконец, у меня будто открылись глаза. Я понял, что именно наблюдал

изо дня в день: люди сильно привязывались к своим собакам, но, отдавая себе отчет в серьезности своих чувств, редко осознавали причину их возникновения. По моему мнению, собака получила свою новую работу как раз из-за проблем с привязанностью, возникающих у человека, и теперь дает ему шанс переиграть прежний сценарий, а иногда даже залечить старые раны. Неожиданно в историях, разворачивающихся у меня на глазах, начал проступать интеллектуальный контекст. Постепенно я все больше убеждался в том, что именно теория

привязанности способна объяснить проблемы, связанные с жизнью собак в Америке. Так же, как и проблемы социальной разобщенности людей.

Наличие эмоциональной подоплеки в отношениях человека с собакой доказано убедительно и исчерпывающе. Поразительно, насколько прочны эти эмоциональные связи, впрочем, как и тенденция видеть в собаке члена семьи и партнера. Большинство собаководов не считает нужным скрывать такое отношение к своим питомцам. То же можно сказать и о ветеринарах, инструкторах, владельцах, питомниках,

представителях зооиндустрии, рекламирующих товары для собак так же, как другие торговцы рекламируют одежду и игрушки для детей. Согласно проведенным исследованиям, количество людей, рассчитывающих получить эмоциональную поддержку от собаки, а не от супруга или родителей, неуклонно возрастает.

Однако этот эмоциональный перекос порождает неожиданные осложнения. Осознав и изучив свои чувства к собаке, люди немедленно прекращали откровенно говорить о близких: о родителях, братьях, детях, супругах. Некоторые считали глупым

признаваться в том, насколько сильна их любовь к собаке и зависимость от нее, считая, что тем самым делают себя мишенью для насмешек и открывают уязвимые места. Члены групп защиты животных очень боялись, что местные власти ограничат количество собак в одной семье и запретят прогулки без поводка.

Поэтому по просьбе героев этой книги я изменил некоторые имена и другие детали, сделав этих людей неузнаваемыми. Впрочем, я ничего не выдумал и не внес принципиальных изменений: в

каждой новелле описаны реальные люди и их собаки.

Некоторые из этих историй заканчиваются счастливо для собак и людей, какие-то — наоборот. Беседуя со своими героями, читая о других людях и их собаках, я поражаюсь явной недостаточности наших представлений о том, как эволюция отразилась на собачьей работе. Собаки выступают в роли чистого холста, на котором мы вольны написать любую картину, не всегда во благо холсту.

Всем известна масса поразительных, ярких примеров того, как собаки оказывают неоценимую

поддержку людям. Однако мне —
впрочем, и другим тоже —
приходилось видеть, как собакам
создают невыносимые условия и
подвергают невероятному давлению,
вынуждая играть сложную
эмоциональную роль в жизни
владельцев.

В каком-то смысле эта книга
призвана напомнить о том, что
собака не имеет права голоса,
поэтому ее хозяин обязан относиться
к своей роли ответственно, научиться
понимать своего подопечного и, в
случае необходимости, уметь
высказываться и действовать в его
пользу.

И снова Рашмор живо напомнил мне о драме взаимоотношений. Прошло несколько месяцев, и они с Кейт исчезли из Миллза. Видимо, у них уже отпала нужда в компании или советах по дрессировке.

Отчасти это оказалось правдой. Примерно через год после нашего знакомства я с удивлением увидел Рашмора, трусившего по тропинке следом за моими собаками. На этот раз он, казалось, обрадовался встрече с нами и моими туго набитыми угощением карманами. Он приветливо лизнул моих собак и повилял хвостом.

Позади него шла Кейт с долговязым парнем, которого представила как своего жениха. Она объяснила, что несколько месяцев не появлялась в Миллзе, поскольку в ее жизни появились «новые отношения».

Пока мы болтали, Рашмор отошел с тропинки к кустам, не обращая на нас ни малейшего внимания. Очевидно, он перестал быть «смыслом жизни» для Кейт, теперь не он заставлял ее жить и спасал от душевной боли и одиночества.

Хэнк, — так звали молодого человека, — . показался мне

неплохим парнем, но был абсолютно равнодушен к собакам. Он даже не взглянул на моих бордер-колли, чего не сделал бы ни один настоящий любитель собак, и несколько раз отпускал шутки по поводу дурного запаха из пасти Рашмора, линяющей шерсти и капающей слюны, — что каждый собаковод воспринимает как должное и не удостоивает внимания. Кейт вместе с Рашмором жила у него, и этот факт не внушал мне оптимизма относительно будущего собаки. Хэнк намекнул, что присутствие пса не способствует поддержанию порядка в доме, где без него было бы чище и уютнее. Я с

ужасом понял, что если Кейт останется с Хэнком, Рашмору придется уйти.

Я опустился на колени и окликнул пса. Рашмор подошел, я почесал его за ухом, а он лизнул мне лицо, помахивая длинным хвостом. С последней нашей встречи он заметно прибавил в весе; Кейт объяснила, что у нее не хватает времени на тренировки.

Откровенно говоря, я не знал, как относиться к этим переменам. Я был рад за Кейт, добрую и милую женщину, оправившуюся, наконец, от тяжелой утраты. Она поступила так, как на ее месте следовало бы

поступить каждому — нашла новый объект привязанности. Но как быть с Рашмором? Не станет ли он теперь лишним? Что если она отдаст его, отправит в приют или к спасателям?

— Рашмор, пошли, — нетерпеливо прикрикнул Хэнк. Казалось, пес его не слышал. Он галопом помчался в лес вслед за проходившим мимо золотистым ретривером и даже не оглянулся.

I

Догвилль, США

При всей красоте тенистого Монтклера, невозможно оставить без внимания тот факт, что он расположен в самом сердце Нью-Джерси, подобно земле обетованной среди безбрежного океана уродливых пригородов и индустриальных пейзажей, составляющих лицо штата.

Несмотря ни на что, Монтклер по-прежнему остается оазисом старой застройки, а его улицы по-прежнему украшают гигантские дубы и клены, высаженные восемьдесят лет назад; впрочем, после каждой сильной грозы их количество заметно сокращается. Кинотеатров здесь значительно больше, чем

хозяйственных магазинов, а тайские и японские рестораны встречаются чаще забегаловок «фаст фуд». Основной заботой жителей городка является воспитание и всестороннее развитие многообещающего подрастающего поколения.

Монтклер, возникший как дачная местность для состоятельных жителей Нью-Йорка, ненавязчиво отражает имущественное неравенство, ставшее отличительной чертой современной Америки. Из гостиных просторных, ухоженных особняков, венчающих гряды Ватчунг-Хиллз, открывается чудесная панорама Манхэттена.

Неимущее население ютится в тесных квартирках и крошечных домишках южных окраин.

Никто уже не вспомнит, когда именно Монтклер окончательно разделился на две половины — Верхний Монтклер и Старый, или Нижний, Монтклер, расположенный на равнине. Их объединяет общая администрация, муниципальные службы и сеть учебных заведений, но Верхний Монтклер остается фешенебельным районом с торговым центром, славящимся запредельными ценами и собственным почтовым индексом.

Отчасти из-за близости к расположенным на Манхэттене очагам культуры и массовой информации в Монтклер стекаются толпы богемной публики: писатели, художники, издатели, журналисты и TV-продюсеры. Самые незначительные городские происшествия немедленно находят отражение на страницах «Нью-Йорк Таймс» — ведь здесь проживает добрая половина сотрудников газеты, во всяком случае, такое складывается впечатление.

Многие видят в Монтклере некий суррогат Манхэттена — место, где можно посмотреть очередной

«бессмертный» фильм или отведать новомодное блюдо.

Столкнуться с журналистом из «Нью-Йоркера» или звездой мыльной оперы — в церкви или супермаркете, торгующем экологически чистыми продуктами, — или присутствовать при том, как Йоги Берра, легенда «Нью-Йорк Янки», получает из ремонта свой автомобиль, для здешних обитателей обычное дело.

Менее именитые жители ежедневно отправляются на службу на Манхэттен или в пригородные бизнес-комплексы, коих множество в этой местности. Однако с каждым

днем все больше становится тех, кто целыми днями не встает из-за компьютера в своем домашнем кабинете, выходя во двор лишь для того, чтобы встретить почтовый фургон или грузовичок, доставляющий на дом продукты, — чьих водителей они давно знают по имени.

Новички — привлеченные реконструкцией железной дороги, постоянно возрастающей возможностью удовлетворить самые изысканные культурные потребности и общеизвестной терпимостью (все цены на недвижимость давно парят за облаками) — на всех парах мчатся

сюда из Бруклина и Манхэттена, обогащая общественную жизнь города, и без того интенсивную, воинственной, политически выдержанной нотой.

Помимо всего перечисленного, Монтклер выполняет роль некоей социальной лаборатории, где каждое новое веяние проходит обкатку, прежде чем распространиться по всей стране. Матери бросают хозяйство и выходят на работу, оставив детей на попечение нянек, а отцы сидят дома; через некоторое время мамы, расставшись с иллюзиями, возвращаются домой и вновь берутся за воспитание

подростающего поколения, — все эти пертурбации хорошо заметны каждому собаководу. Мы наблюдали и приток семей из двух отцов или двух матерей. На наших глазах Монтклер стал настоящей Меккой и для представителей смешанных браков. Укрепил свои позиции преуспевающий класс чернокожих профессионалов, — на местных Уолл-Стрит не пройти из-за их «БМВ» и «мерседесов».

Монтклер принимает все и вся. Члены местных отделений WSPA [\[1\]](#) живут в относительной гармонии с евреями и черными, профессионалы с Манхэттена мирно сосуществуют с

лоботрясами из Бруклина, либеральная профессура ухитряется поладить с консерваторами и республиканцами, супружеские пары голубой и розовой окраски поселяются по соседству с иммигрантами из Азии.

На 38 977 жителей в Монтклере насчитывается 23000 белых и 13000 афро-американцев. Согласно переписи 2000 года, в городе проживает 73 индейца, уроженца Аляски, 1300 азиатов и около 2000 испанцев.

Может быть, их мирное сосуществование объясняется наличием в Монтклере культа детей.

Именно ради них большинство обитателей города переселилось сюда или не выехало отсюда; именно ради о благе подрастающего поколения заставляет их до хрипоты спорить на школьных собраниях и рыскать в поисках лучших учителей математики и футбольных тренеров с тем же азартом, с каким археологи просеивают песок пустынь, надеясь обнаружить кости динозавра.

День и ночь между жилыми кварталами и хоккейными площадками, секциями каратэ и студиями живописи курсируют автомобили. Перегруженным детям Монтклера редко удастся провести

день без пользы — с точки зрения образования или социального опыта; впрочем, едва ли им вообще выпадает такая удача.

Одну из первых строк в списке приоритетов этого городка-полиглота занимают — сразу за недвижимостью — собаки.

Откровенно говоря, Монтклер давно пора бы переименовать в Догвилль. По данным Ассоциации американских ветеринаров, Монтклер являет миру превосходный образец современного американского собаководства — образованного, состоятельного, чадолюбивого

представителя крепкого среднего класса.

Любовь к собакам возрастает одновременно с ростом доходов семьи. Около 40% американских семей с годовым доходом более 60000 долларов имеет собаку, тогда как среди семей с доходом, не превышающим 25 000, таких меньше четверти.

Более 75% собаководов являются домовладельцами и, как правило, имеют образование выше среднего. Таков Монтклер.

Изо дня в день телевизионные программы убеждают нас в том, что собака стала частью американской

мечты, — таким же символом счастья и процветания, как и другие ее компоненты: собственный дом с лужайкой, дети, автомобиль, или даже два. Для полноты картины к ним следует добавить бескорыстную собачью преданность.

По количеству внимания со стороны жителей Монтклера собаки почти не уступают детям, с той лишь разницей, что собаки — к счастью для них — не занимаются спортом, не берут уроков музыки и не сдают экзаменов в колледже.

Я сам — уже почти двадцать лет — выгуливаю своих собак по улицам Монтклера и его окрестностям.

Сначала я бродил здесь с золотистым ретривером Кларенсом, затем с Джулиусом и Стэнли — двумя белыми лабрадорами, теперь с двумя бордер-колли, Девонем и Гомером.

Мне, так же как множеству других людей, живущих в подобных городках, приходится улаживать бесчисленные дипломатические проблемы, связанные с содержанием собак: Можно ли спустить собаку с поводка? Можно ли отпустить ее побегать в парке? Может быть, туда вообще нельзя приводить собак? Как часто собака имеет право залаять, чтобы соседи не сочли это за беспокойство? Можно ли разрешать

людям заводить так называемые опасные породы, например питбулей? Что делать, если человеку хочется завести не одну, а двух или даже трех собак?

Такие вопросы стали настолько актуальны, что некое должностное лицо, уклончиво названное в одной крупной газете «полицейским чиновником высокого ранга», согласилось обсудить их со мной лишь на условиях полной анонимности. Кроме того, этот человек настоял на том, чтобы наша встреча состоялась за пределами его юрисдикции, поэтому для беседы мы

выбрали ресторанчик в соседнем Вест-Орандже.

— Моя должность, — прошептал он, согнувшись как вопросительный знак над чашкой кофе, — не дает мне права высказываться о собаках публично. Каждый вызов по поводу собаки заканчивается неприятностями. Вечно оказывается, что кого-то покусали, или чья-то собака сбежала, или какие-то собаки подрались между собой, или соседская собака лаяла поздно ночью. Что бы я ни сказал, всегда найдутся те, кому это не понравится. За своих собак люди

готовы стоять насмерть, не то, что за самих себя.

В 2001 году город выдал 1049 лицензий на собак, однако, по мнению властей, их требуется еще, по крайней мере, втрое больше, — по расчетам, именно такое количество граждан заводит собак без лицензии. Несмотря на то, что местные правила требуют вакцинации и лицензирования, нарушение этого предписания не считается серьезным проступком. Владельцы знают об этом и предпочитают игнорировать закон.

Разумеется, приведенные цифры колеблются. Инструкторы,

приходящие помощники и собачьи парикмахеры ждут «Рождественских собак» — так называют симпатичных щенков, украшенных ленточками — которых сажают под елки в качестве подарков. Через несколько месяцев после праздников легионы этих «подарков» надежно обеспечат их бизнесу процветание.

Зарегистрированное собачье население городка не менее разношерстно, чем основные его обитатели. Лицензии по всей форме получили около 50 биглей, 150 золотистых ретриверов, 200 лабрадоров и метисов лабрадора, 20 пойнтеров и дюжина керн терьеров, а

также сотни метисов и представителей неустановленных пород.

Поскольку возможность наслаждаться любовью к собакам коррелирует с классовой принадлежностью — ведь это удовольствие не из дешевых, — в Монтклере, вероятно, больше чистокровных собак, чем в других городах, — несмотря на смешанный состав, его население преимущественно относится к верхушке среднего класса. Впрочем, любовь хозяев к их подопечным не зависит от уровня доходов.

Поразительно, как изменилось отношение к собакам за последние десятилетия. Раньше человек, решивший завести себе собаку, отправлялся в питомник или брал щенка у приятеля или соседа. Владельцы чистопородных или редких собак составляли привилегированное меньшинство, а их высокородные собаки считались вызовом обществу.

Дрессировка представлялась малоизученным и не самым необходимым занятием, поскольку большая часть собак просто бродила по соседним участкам и часто не знала, что такое поводок. Время от

времени детям и почтальонам приходилось залечивать укусы, но такие происшествия считались заурядными. Бойцовые породы были малоизвестной, почти неслыханной диковиной. Разумеется, хозяева любили своих собак, но, по современным стандартам, тратили на них минимум времени и денег. В этой композиции собаки образовывали задний план, на фоне которого разворачивалась другие события семейной жизни. На ночь их запирали в подвале или — что сегодня представляется немыслимым — сажали в конуру на заднем дворе; они гонялись за автомобилями и

другими собаками и питались
объедками с хозяйского стола.

Собаки приходили и уходили.
Одни попадали под колеса
автомобиля, другие убегали или
погибали от хозяйской руки, если
заболевали или становились
слишком старыми. Когда это
случалось, люди шли в питомник за
очередной собакой. Они редко
раскошеливались на лечение своих
питомцев и ветеринарный уход,
ограничиваясь начальным курсом
щенячьих прививок.

Люди любили своих собак и
часто вспоминали о них, но не
считали членами своей семьи, — к

такому выводу пришли специалисты по поведению животных, изучающие отношения между человеком и собакой. И уж, разумеется, им не устраивали праздников, которые в последнее время стали так популярны в Монтклере. В недалеком прошлом человека, рискнувшего утверждать, что общение с собакой является неотъемлемой частью его эмоционального опыта, не посчитали бы особенно умным.

Вот что вспоминают старожилы Монтклера:

— Лет тридцать назад у нас жил пес, вот в этом самом доме, — как-

то после обеда рассказывал мне Ирвин, вышедший на пенсию учитель начальной школы. — Мы выпускали его по утрам, в течение дня он пару раз заглядывал домой, а потом возвращался на ночь. Мы кормили его остатками от обеда. Никто из нас понятия не имел, где наш пес шатается целыми днями. Обычно мы шутили, что у него где-то есть подружка, а может и целая семья.

Он имел привычку рыться в мусорном бачке у соседей, поэтому мне приходилось ходить туда и убирать за ним. Как-то он погнался за почтальоном, но это было в

порядке вещей, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь поднимал шум из-за собачьего укуса. Конечно, тогда здесь не было этих злобных собак, которые теперь шастают повсюду, так что никому и в голову не приходило, что собака может кого-то загрызть или изувечить. И если бы вы предложили мне расхаживать с мешочком лакомств для пса, я бы надавал вам тумачков. Собаки бегали без привязи по всему городку. А теперь в таких случаях люди звонят в полицию.

Однажды он просто вышел утром из дома и больше не вернулся. Хороший был пес.

Впрочем, если верить результатам моих исследований, такие отношения остались в прошлом. Нынешние обитатели Монтклера проявляют сознательность и, согласно утверждениям местных ветеринаров, владельцев зоомагазинов и приютов, предпочитают «спасти» собаку, а не покупать ее в питомнике или зоомагазине. У меня сложилось впечатление, что каждая вторая собака в городе — из спасенных, из тех, с кем, по выражению их новых владельцев, «плохо обращались». В последнее время популяризация идеи «спасения собак от плохого

обращения» становится все более распространенным явлением.

Многих экспатриантов из Нью-Йорка увлекает идея спасения беззащитного существа, в особенности, если животное пострадало от «плохого обращения». Дрессировщики и специалисты по поведению скажут вам, что на свете существуют тысячи таких собак, однако даже самая здоровая и благополучная собака может демонстрировать те же симптомы — прятаться и дрожать от страха, — оказавшись в непривычной обстановке.

Подобная мотивация, так же, как фантазии на тему спасения, знакомы психотерапевтам: — такие проявления свойственны людям, пережившим жестокое обращение или стремящимся преодолеть одиночество и разобщенность. Иногда идея спасти кого-нибудь возникает как выход из состояния фрустрации. Проблемы наваливаются ворохом, до правительства не докричаться, законы сложны и запутаны. Поэтому многие рассуждают так же, как живущий со мной по соседству издатель: «Не уверен, что в моих силах сделать что-нибудь для своих

сограждан, но, по крайней мере, я могу спасти собаку».

А кандидатов на спасение, согласно данным Общества защиты животных США, предостаточно. Ежегодно в приюты США попадает от 8 до 10 миллионов собак, из которых около 4–5 миллионов подвергают эвтаназии, — они не находят себе дома в нашей стране.

В таких городках, как Монтклер, где из всего делаются выводы, а детям постоянно прививают опыт социального взаимодействия, «спасти» собаку представляется более достойным, чем просто пойти и купить ее.

Нередко глубоко скрытая потребность вмешиваться в судьбы животных, свойственная многим американцам, заставляет их видеть в объекте спасения жертву жестокого обращения. Кто может возразить? Собаки не дадут показаний.

Не исключено, что этот эмоциональный настрой поможет нам найти ответ на вопрос: почему собак становится все больше? Номер «Вашингтон Пост» конца 1950-х свидетельствует о том, что в те годы в Америке насчитывалось 12–15 миллионов собак. В 1991 году Ассоциация американских ветеринаров сообщила о 51

миллионе. Еще через одиннадцать лет Общество защиты животных США привело новые данные — теперь количество собаководов в Америке возросло до 68 миллионов. Сорок процентов семей в США имеет по одной собаке, двадцать процентов из них взяли пса в одном из приютов для животных.

Не думаю, что расцвет телевидения и рост численности собак прились на одно и то же время благодаря простому совпадению.

Социологи полагают, что американцы, легко осваивающие технологические новинки,

испытывают все большие затруднения, пытаясь вступить в контакт с окружающими. Традиционные места отдыха — парки отдыха, кафе и кегельбаны — переживают упадок и отошли на задний план из-за возросшей мобильности населения.

Интересно, что мой сосед Ирв, заставший совсем другое отношение к собакам, знал всех соседей по кварталу, включая детей, и мог рассказать историю каждой семьи. Теперь вы едва ли найдете человека, который назовет имена своих ближайших соседей. Мы почти не вступаем в контакт с местными

властями и ходим на выборы лишь время от времени. Вечера и выходные дни проводим взаперти и без конца напоминаем детям о том, как опасно заговаривать с посторонними.

Дошло до того, что муниципалитет одного из пригородов Кливленда разработал программу, призванную помочь жителям познакомиться с соседями. Два-три вечера в неделю им предлагалось выходить на крыльцо и называть друг другу свои имена.

— Это не означает, что в обществе царит враждебность, — пояснил один из них в интервью для телевидения. — Просто мы

настолько заняты на работе, что не имеем возможности встречаться.

Разобщенность становится всеобщей проблемой. Социологи Тэда Скокпол и Морис Фиорина сообщают о том, что миллионы американцев отошли от увлечения политикой и утратили социальную активность. С ними соглашается их коллега Роберт Путман, автор книги «Крах и возрождение американского общества». Он отмечает, что технологии развлечения, в частности, телевидение удерживают людей дома по вечерам и в выходные дни, препятствуя общению. В среднем современный американец

проводит перед телевизором более 4 часов в день.

Другие наблюдения свидетельствуют о том, что почти все американцы, имеющие доступ к интернету, все больше времени просиживают за компьютером. В зависимости от возраста они проводят в сети от 2 до 5 часов ежедневно — с перерывом на работу.

Через сеть они ведут переписку, делают покупки, находят себе развлечения.

Тем временем Путман, Сьюзан Фат и Рассел Долтон сообщают, что в США и других демократических странах неуклонно снижается

доверие к главе государства и институтам власти. Участники опросов — в частности, практически ежегодного опроса, проводимого Харрисом Поллом с 1966 года, — убеждены, что чиновникам и политикам, стоящим у рычагов управления, безразлична судьба рядовых граждан. По их представлениям, люди, облеченные властью, извлекают из нее личную выгоду, богатые становятся еще богаче, а бедные в результате еще беднее, — «наше мнение никого не интересует».

Путман и др. утверждают, что с каждым годом все чаще слышат такие

ответы, — вероятно, этот факт можно считать еще одной причиной, вынуждающей людей искать общения, дружбы и ощущения стабильности.

Почти одновременно с повсеместным распространением телевизоров и компьютеров эмоциональная и семейная жизнь американцев заметно осложнилась. Большие семьи начали распадаться. Количество разводов резко подскочило и удерживается на высоком уровне. Современный прогресс медицины приводит к росту количества одиноких и беспомощных стариков. Американцы

все чаще переезжают, расставаясь с привычным окружением. Увеличивается количество бездетных пар и людей, живущих в одиночку.

Радикально изменилась и природа рабочего места. За два последних десятилетия миллионы людей расстались со своей работой. Ричард Сеннет, социолог и автор книги «Коррозия личности как побочный эффект нового капитализма», утверждает, что характеристики современного рабочего места оказывают непосредственное влияние на эмоциональную жизнь человека. Борьба за выживание в условиях

НОВОЙ ЭКОНОМИКИ ВЫХОЛОСТИЛИ ТАКИЕ ПОНЯТИЯ, КАК ЛОЯЛЬНОСТЬ, ДУШЕВНОЕ СПОКОЙСТВИЕ, УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ. ЗАТРАТЫ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ПЕНСИЯ СТАЛИ ОСНОВНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПРОБЛЕМОЙ ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ НАС.

В интервью, которые я проводил с владельцами собак, речь об указанных переменах заходила снова и снова. Некоторые говорили, что относятся к своим собакам как к детям. Другие признавались, что чувствуют себя одинокими в браке или после развода и хотят иметь рядом живое существо, чтобы заботиться о нем. Третьи

чувствовали себя оторванными от людей и нуждались в эмоциональной поддержке; четвертым хотелось иметь возможность выйти на прогулку в компании.

Полвека назад такие мотивы не упоминались в качестве причины, по которой люди заводят собак. У меня сложилось впечатление, что мои собеседники чувствуют себя одинокими и надеются, что собака поможет им заполнить вакуум.

Сегодня мы относимся к своим собакам совсем не так, как относились к ним наши деды и прадеды. По сообщению журнала «American Demographics», владельцы

животных нередко именуют себя «мамочками» и «папочками».

Согласно анализу доходов зооиндустрии за 2001 год американцы потратили на своих питомцев 29 миллиардов долларов — против 17 миллиардов, потраченных на те же цели в 1994 году. По предварительным расчетам к 2005 году эта сумма достигнет 34 миллиардов.

Опрос, проведенный Американской Ассоциацией ветеринарных клиник, свидетельствует о том, что три четверти владельцев животных

ГОТОВЫ ВЛЕЗТЬ В ДОЛГИ РАДИ
БЛАГОПОЛУЧИЯ СВОИХ ПИТОМЦЕВ.

Почти треть — а это примерно половина всех одиноких владельцев — заявили, что любовь и дружбу в основном адресуют домашним животным. Четыре процента считает, что животные способны на верность и преданность в большей степени, чем люди, в том числе близкие друзья опрошенных, а 2 процента доверяют животным больше, чем собственным родителям.

В ходе своих исследований этот журнал выяснил, что шестьдесят пять процентов владельцев животных по крайней мере раз в

месяц берут с собой своих подопечных, отправляясь по личным делам. Двадцать восемь процентов привозят своих питомцев на работу. Пятьдесят процентов собак ночуют в спальнях своих хозяев, и половина из них — в хозяйских постелях.

А это уже новая для собак территория.

Узы, связывающие собак и людей, сформировались тысячи лет назад, в первую очередь, потому, что похожая на волка первобытная собака могла защитить человека от других хищников. Наши отношения претерпели эволюцию, и теперь между собакой и человеком

установился самый тесный эмоциональный контакт. В частности, психотерапия, основанная на общении с животными, приобретает все большую популярность и успешно применяется при лечении рака и других тяжелых болезней — присутствие собаки снижает чувство страха и одиночества у пациентов.

Однако Сэйбл отмечает, что собаки оказывают психологическую поддержку и в других случаях, причем гораздо чаще, чем этого можно ожидать. С их помощью люди легче переносят утрату близких, тревожные состояния и депрессии.

Она указывает, что медицинская литература уделяет недостаточно внимания психологическому аспекту общения с животными, присутствие которых «приносит радость, создает ощущение защищенности и самодостаточности, помогает преодолеть одиночество и изоляцию».

Для того чтобы наглядно проиллюстрировать свои выводы, Сэйбл приводит результаты опроса, составленного Альбертом и Балкрофтом, — впервые его данные были опубликованы в 1988 году в «Journal of Marriage and Family» — подчеркнув, что инициаторы опроса

ставили себе целью выяснить, считают ли люди своих питомцев полноправными членами семьи. Как выяснилось, в подавляющем большинстве случаев ответ был утвердительным, причем на первом месте оказались собаки; кошки следовали за ними с незначительным отрывом. Ниже приведен перечень вопросов, однако вместо пропуска на бланке, в который нужно было вписать кличку животного, я подставил «Джейк». Взгляните, может быть, что-нибудь покажется вам знакомым:

1. Джейк мне ближе большинства моих друзей.

2. Я люблю Джейка потому, что его отношение ко мне не зависит от моих поступков.

3. Благодаря Джейку я чувствую себя любимым.

4. Благодаря Джейку у меня есть тема для разговоров с людьми.

5. Джейк мне ближе других членов моей семьи.

6. Благодаря Джейку я не чувствую себя одиноким.

7. Я люблю Джейка потому, что он, пожалуй, единственный среди всех, кого я знаю, способен на верность.

8. Джейк дает мне возможность заботиться о живом существе.

9. Порой у меня нет никого ближе Джейка.

Как выяснили Альберт и Балкрофт, дружбой с животными особенно дорожат одинокие, разведенные или потерявшие близких люди, а также бездетные пары, молодожены и родители, расставшиеся с выросшими детьми.

Поскольку животные дарят нам свою любовь, а не только принимают нашу, они способны превращаться в своего рода эмоциональный суррогат и помогают нам сохранять присутствие духа в борьбе с превратностями судьбы. Современный человек — живущий

вдали от своей семьи, прикованный к телевизору, «зависший» в дебрях интернета, все больше чувствующий себя изолированным от общества, жизнь которого протекает на фоне постоянного внедрения новых технологий с одновременным разрушением природы рабочего места и человеческих отношений — все чаще нуждается в помощи собаки.

В тесной дружбе с собакой нет ничего предосудительного. Любовь к животному обогащает нас бесценным опытом здоровых отношений. Обращая свои чувства к животным — или отвечая на них, —

человек решает собственные, весьма серьезные проблемы. Признать существование эмоциональной связи человека и собаки не значит осуждать ее. Привязанность не имеет ничего общего с патологией; она — основа отношений между людьми и представителями других видов.

Тем не менее, нам необходимо уяснить истинную картину наших отношений. Ради наших собак — и ради самих себя — мы должны понимать, какие ожидания и почему мы связываем с нашими питомцами. В противном случае эти отношения окажутся под угрозой. Поставленная перед собакой непосильная задача

обречет ее на страдания. А мы в ней разочаруемся и не получим помощи, в которой нуждаемся.

Монтклер в изобилии предоставляет нам примеры новой собачьей роли. Собака помогала пожилому, не очень здоровому человеку не чувствовать себя оторванным от жизни. Помогала ребенку из бедной семьи сохранять уверенность в себе и чувство собственного достоинства. Собака помогала многим женщинам пережить последствия болезненного развода. Наполнила радостью и любовью последние дни больной, умирающей от рака. Собака стала

близким товарищем немолодому адвокату, так и не нашедшему общего языка с членами своей семьи.

Эти случаи демонстрируют, что в современной драме человеческой жизни собака получила новую роль.

Иногда отношения человека с собакой просты и не связаны ни с эмоциями ни с историей каждого из наших видов. Однако часто люди приобретают и любят собак, почти не сознавая, что в своем выборе руководствовались сложными мотивами.

Они не всегда признают — да и не обязаны этого делать, — что благодаря собакам получают

возможность вернуться в прошлое и решить свои старые проблемы. Как ни странно, мы редко задумываемся о том, посильна ли такая задача для собак и разумно ли возлагать ее на них. Некоторые наблюдатели усматривают в этом скрытую опасность.

В 1983 году журнал «Medicine and Law» опубликовал статью физиолога Ральфа Словенко. Исследователь утверждал, что животные все чаще помогают человеку сплотить семью, преодолеть одиночество, развлечь и занять детей, разрешить конфликты, а также все активнее вмешиваются в

его семейную жизнь. Животные перестали быть просто животными, они стали членами нашей семьи. По выражению самого Словенко, животные давно переселились с заднего двора прямо к нам в спальни.

Впрочем, он предостерегает, что развитие подобной тенденции может дорого нам обойтись. Человек «бесцеремонно вмешивается в природу животных, редко позволяет им выходить на прогулки, ограничивает их сексуальное поведение».

Ученый предупреждает, что популяции домашних собак угрожает «ожирение, которым страдают их

хозяева, постоянно подвергающие свое здоровье опасности», и цитирует фрагмент выступления представителя Общества защиты животных: «Мы неосознанно, но неуклонно превращаем наших животных в невротиков».

Почти через двадцать лет, а именно в 2001 году, Общество защиты животных сообщило о том, что почти 400 тысяч детей моложе четырнадцати лет, серьезно пострадавшим от укусов, была оказана медицинская помощь, притом что всего к врачам и в полицию по поводу собачьих укусов обратилось около 4 миллионов

человек — цена, о которой предупреждал Словенко, выплачена сполна. Никто не сможет подсчитать, сколько укусов и травм было оставлено без внимания.

Собаки тоже платят за свою новую роль, хотя, конечно, по-другому. Ветеринарный врач из клиники, расположенной неподалеку от Монтклера, привела меня в отделение реанимации, — там, в кислородных масках, опутанные проводами, лежали четыре собаки. Четырнадцатилетний ретривер, страдающий раком, распространившимся на мозг, уже около двух недель не выходил из

комы. Хозяйка была так привязана к своей собаке, что отказалась усыпить ее, несмотря на все аргументы ветеринара. Она утверждала, что собака значит для нее слишком много.

— Это самые тяжелые моменты в моей работе, — призналась врач, едва сдерживая слезы. — Мое призвание — спасти животных, а не подвергать их мучениям.

В 1995 венгерские ученые изучали эволюцию интеллекта собаки и ее способности находить решение задач. Видимо, в результате общения с нами собаки становятся заметно тупее.

Ученые выяснили, что собаки-компаньоны — особенно те из них, чьи хозяева которых склонны к антропоморфизму, то есть приписывают своим подопечным человеческие чувства и черты характера, — впадают во все более серьезную зависимость от человека. Со временем их способность к решению задач заметно снижается. Не удивительно: собакам просто не дают возможности в этом упражняться. Инструкторы, обучающие пастушьих собак, всегда просят хозяев или дрессировщиков не вмешиваться, когда собаки сталкиваются с непредвиденной

ситуацией — например, если овцы разбегаются в разные стороны, — для того, чтобы собака могла самостоятельно принять решение. Немногим американским собакам, особенно, если говорить о тех, кого считают истинными членами семьи, предоставляется возможность принимать решения. Они предпочитают действовать под руководством человека.

Иногда — как в случае со стариками, одинокими людьми, инвалидами и проблемными детьми — эти отношения способны оказать людям неоценимую помощь. Но так бывает не всегда.

Я убежден в том, что теория привязанности является ключом к пониманию истоков этой постоянно усложняющейся проблемы. Эту теорию, как указала Дебра Кац в своем письме, впервые сформулировал Джон Боулби в 1969 году. Она получила широкое признание, на ее основе созданы современные методики изучения межличностных отношений через ретроспективный взгляд на раннее детство. Новые представления о роли привязанности очень важны для психологов, психиатров и психоаналитиков. Как заметил британский психиатр Питер

Фонеджи, за вклад в изучение «роли личности в социальном контексте» Боулби следует поставить в один ряд с Фрейдом, Дарвином и Лоренцом.

Теория основана на изучении того, как строятся отношения ребенка с его опекуном — то есть с матерью. Когда младенец зовет мать, но та не появляется, он приходит в крайнее возбуждение, выражает криком или другими действиями свой протест. Длительное ожидание может приводить к развитию состояния, которое психологи называют «защитным безразличием». Такое отношение к матери нередко продолжается даже

после ее возвращения. В дальнейшем эти дети испытывают затруднения в сложных и стрессовых ситуациях чаще прочих, поскольку не умеют сдерживаться. Боулби отмечает, что привязанность формируется в первые недели жизни, однако между четырьмя и шестью месяцами проявляется особенно ярко.

Именно в этот период закладывается программа на всю последующую жизнь. Индивидуальные особенности формирования привязанности определяют ту модель, с которой люди сверяют свои эмоции и по которой строят отношения с другими

людьми (а также и с собаками). Если модель неудачна, последствия этого человеку приходится преодолевать до конца своих дней, но как правило, у него развиваются эмоциональная неустойчивость, склонность к тревогам и депрессии, возникают трудности общения.

Психиатры выделяют четыре типа младенческой привязанности и сопутствующие им особенности поведения. Первый тип — уверенные в себе, доверяющие людям дети, которые свободно исследуют окружающее пространство и обладают устойчивостью к стрессам и кризисным ситуациям. Второй —

замкнутые дети, чьи матери не могут или не хотят удовлетворять их эмоциональные потребности. Такие дети знают, что должны справляться с трудностями самостоятельно, и избегают проявления чувств. Они вырастают грубыми и замкнутыми, часто неуважительно относятся к родителям и жестоко третируют собственных детей. Личный опыт научил их не возлагать на окружающих слишком серьезных надежд.

Третий тип — тревожно-амбивалентные дети; они вырастают у равнодушной кормилицы и проявляют повышенную

тревожность, нервозность и раздражительность, со временем перерастающие в комплекс неполноценности.

И, наконец, четвертый тип — дезорганизованные и дезориентированные дети, демонстрирующие противоречивое поведение, особенно в отношении собственных родителей. Проявления чувств со стороны последних пугают таких детей, и в родителях они видят источник раздражения, но одновременно и комфорта.

Главное достоинство этой теории Питер Фонеджи видит в том, что она концентрирует наше

внимание на наличии у ребенка потребности в прочных узах, определяющих его способность вступать в контакт с другими людьми. В отсутствие таких уз дети проявляют признаки частичной депривации (ярко выраженная потребность в любви или желание реванша одновременно с чувством вины и депрессией) либо полной депривации, характеризующейся непослушанием, безответственностью, задержкой развития или, в дальнейшей жизни, эмоциональной холодностью, неспособностью концентрировать

усилия и даже склонностью к воровству.

Какое отношение все это имеет к собакам?

Я бы сказал, самое прямое. Несмотря на то, что некоторые люди заводят собак по менее серьезным причинам — для охоты или охраны имущества — теория привязанности позволяет понять, почему все чаще нами движут более серьезные мотивы и какие отношения складываются у нас с нашими подопечными. Кроме того, теория поможет нам выяснить, почему растет количество собаководов, склонных приписывать своим

собакам человеческие черты характера и мотивы поведения. А поскольку собаки — так же, как люди — являются существами, испытывающими потребность в прочных узах, опираясь на теорию привязанности, мы сможем лучше их понимать.

Развивая эту идею, я решил поближе познакомиться с жизнью собак Монтклера. Я побывал дома у их хозяев и в кабинете ветеринара, посетил курсы дрессировки, зоомагазины, дворы и парки. А также обратился к источнику, которого обычно стараюсь избегать,

а именно — к академическим научным трудам.

И был приятно поражен, узнав, сколько прославленных исследователей опередили меня в этом вопросе, проложив тропу, которая вывела меня в нужном направлении. На такую помощь я даже не рассчитывал.

Например, психолог Джон Арчер, статью которого в 1997 году опубликовал журнал «Evolution and Human Behavior», утверждает, что теория привязанности, возникшая из наблюдений за отношениями между ребенком и его родителями, применима также и к животным.

«Существуют убедительные доказательства того, что человек имеет склонность рассматривать свои отношения с животными как вариант отношений с детьми», — пишет он. Хозяева животных видят в них детей, играют с ними, разговаривают на «детском» языке, «постоянно упоминают о «своем малыше», возятся с ними и сюсюкают как с младенцами». Помимо этого, ему приходилось наблюдать ситуации, когда животное играло роль родителей или партнера.

Часто люди выбирают собак, веря, что только собака способна подарить им такую любовь, в

которой они нуждаются, и прощать их ошибки. Человек может видеть в собаке своего лучшего друга из-за того, что в детстве страдал от холодности и отчужденности отца. Нередко хозяева отвергают даже мысль о том, что собаке необходима дисциплина, — потому что в свое время их самих призывали к порядку, используя грубые и жестокие методы. Создавая мир совершенной любви для собаки, человек вновь переживает проблемы привязанности. Людям, страдающим от недостатка человеческой любви, необходима уверенность в бескорыстной любви собаки.

Некоторые не могут стерилизовать своих животных, — даже в случае необходимости, — другие не в силах отказать им в лакомствах или ограничить в еде.

Те, кто в детстве пережил жестокое обращение, пытаются переписать набело историю собственной жизни, посвятив себя спасению собак, и нередко собирают у себя целые стаи животных. По мнению психиатров и психоаналитиков, потребность спасать и фантазии на тему спасения являются достаточно характерным психическим отклонением. Это касается и фантазий с участием

животных, к которым обращаются одинокие люди, пытаясь обрести любовь и преданность.

Вывод, к которому пришли ученые и врачи — и давно интуитивно угаданный специалистами по дрессировке, — можно сформулировать так: связь между проблемами в формировании привязанности у человека (особенно в сложные периоды жизни) и участвовавшими случаями превращения собаки в источник эмоциональной поддержки и суррогатного партнера действительно существует.

Этолог Джеймс Серпелл из Пенсильванского университета обнаружил бесспорную, хотя и малоизученную корреляцию между поведением животного-компаньона и выраженностью проблем привязанности у его хозяина. Ученый считает, что дальнейшие изыскания в этой области были бы полезны «для более глубокого понимания потенциальных преимуществ общения с домашними животными, а также проблем, связанных с их утратой или отказом от животных-компаньонов».

Мне хотелось бы внести свой вклад в решение этой проблемы, но в

процессе работы над книгой я понял, что, собрав множество историй, получил лишь массу вопросов, по большей части оставшихся без ответов.

Ральф Словенко оказался ясновидящим: своей склонностью очеловечивать наших животных — иногда забавной, порой раздражающей и эксплуататорской — мы сводим их с ума. Ежегодно миллионы собак попадают в приюты; помимо того, растет количество собачьих укусов и других проявлений агрессии и неврозов, что свидетельствует о вреде, причиняемом животному

человеческим непониманием и завышенными ожиданиями.

Как ни грустно, в мире существует множество одиноких, неудовлетворенных людей.

Такой человек волен приписывать своей собаке любые чувства и черты характера, не прислушиваясь к ее собственному голосу или голосам тех, кто может высказаться за нее. Достаточно взглянуть на разнообразие наших представлений о собаках, часто не имеющих ничего общего с действительностью.

С одной стороны, мы то и дело слышим отовсюду ужасные истории

типа недавнего случая в Сан-Франциско, когда женщина погибла, столкнувшись у двери в собственную квартиру с двумя соседскими собаками, которые просто растерзали ее. С другой стороны, всем нам знакомы героические, пусть и незатейливые персонажи диснеевских мультфильмов, Лесси и множество ей подобных собак — храбрых, умных, беззаветно преданных, способных найти дорогу домой при любых обстоятельствах.

Люди, разбирающиеся в собаках и не отрицающие их талантов, как правило, качают головами, слушая подобные истории. Они знают, что

едва ли найдется пес, способный сознательно убить человека, если только его не обучили этому специально, и что ему практически не под силу найти свой дом, окажись тот на внушительном расстоянии. Как правило, в такой ситуации собаки стремятся найти источник пищи или человека, который им ее обеспечит.

Однажды в разговоре с инструктором по дрессировке я сказал, что моя собака любит меня настолько, что не сможет пережить, если со мной что-нибудь случится. Пес так предан мне, что никогда не привыкнет к новому хозяину.

Инструктор рассмеялся и ответил, что за два дня и пару фунтов говяжьей печени собака начисто забудет о моем существовании. Один приятель рассказывал, что его собака вылизывала рану у него на ноге — он порезался, когда они были в походе. Очень трогательная история. Однако не стоит забывать о том, что собака — хищник, и вкус крови ей приятен, независимо от ее источника.

Напоследок нелишне заметить, что собак-героев, — так же, как животных, опасных для человека, — следует считать отклонением, что бы ни пытались нам внушить многочисленные сообщения в прессе.

Они походи на среднестатистическую собаку не больше, чем луноход на детскую коляску.

Ежедневно во всем мире происходит множество человеческих трагедий: люди теряют работу, разводятся, болеют, страдают от одиночества и страхов. Насколько можно судить, именно эти проблемы и являются объектом современной собачьей работы, с которой наши питомцы вполне справляются.

Не исключено, что наши дни станут эпохой величайших перемен во взаимоотношениях человека с собакой, хотя большинство из нас и

не задумывается над этой проблемой. Мы не только вводим животных в свой дом, делаем их членами семьи, но и связываем с ними самые серьезные надежды, — хотя зачастую не понимаем сами, почему испытываем к ним такие чувства.

Почему же люди любят своих собак?

Корни этой любви уходят в глубокую древность: судя по результатам археологических раскопок, отношения между человеком и древним представителем семейства собачьих существуют около полумиллиона лет. Вероятно, одомашнивание собаки

произошло около 12000 лет назад, — об этом свидетельствует возраст останков, обнаруженных на Ближнем Востоке: пса похоронили вместе с хозяином, который и в могиле продолжал обнимать свою собаку одной рукой.

Однако с позиции теории Дарвина такая любовь представляется парадоксальной, поскольку имеет односторонний характер: мы кормим их, пускаем в свои дома, а что они делают для нас? Почему мы равнодушны к другим животным, погибающим из-за человеческой жадности, жестокости

и просто отсутствия интереса к ним, но сохраняем преданность собакам?

Психолог Джон Арчер приводит три возможных объяснения. Согласно одному предположению, такие прочные узы указывают на некоторую неадекватность межличностных отношений у конкретного человека. Впрочем, учитывая тот факт, что многие ученые яростно возражают против этой гипотезы, Арчер допускает, что любовь к собакам — слишком широко распространенное явление, чтобы его можно было считать отклонением или проявлением невроза.

Такое положение вещей выгодно обоим видам — на этом мнении основана вторая гипотеза. Взаимоотношения с собакой следует считать «проявлением приспособляемости в эволюционном смысле этого слова, поскольку они позволяют индивидууму сохранить здоровье и выжить в условиях стресса и напряженного ритма современной жизни. Эти преимущества существенно перевешивают затраты на содержание животного».

Исследования, проведенное Американской медицинской ассоциацией, свидетельствуют о том,

что владельцы собак значительно реже страдают сердечными заболеваниями и гипертонией, по сравнению с людьми, не имеющими собаки, а также значительно больше двигаются и в среднем живут на год дольше.

Однако третья версия, по мнению Арчера, ближе всего к истине.

Суть ее заключается в том, что собак следует считать социальными паразитами — в лучшем смысле этого слова, — поскольку они способны внедряться в социальные системы другого вида, причем не только для того, чтобы обеспечить

себе выживание, но и чтобы получить возможность спать на мягкой постели и получать вкусную еду на завтрак. Не подлежит сомнению тот факт, что собаки имеют чувства — к ним можно отнести любовь, страх, возбуждение, сексуальное влечение, и это далеко не полный список. Со своей стороны, эти животные научились вызывать у нас определенные эмоциональные реакции и, соответственно, определенное отношение к себе.

Несмотря на ограниченность мышления и отсутствие речи у собак, хозяева часто ведут себя так, будто

питомцы понимают их и могут ответить. Арчер приводит свои наблюдения за клиентами ветеринарной клиники: 80 процентов из них признались в том, что разговаривают со своими собаками, как с людьми. Такое же количество придерживалось убеждения, что их подопечные понимают человеческие чувства. Психологам известна тенденция — ее изучают в рамках «теорией разума» — приписывать сложные чувства и мысли другим людям, животным и даже предметам.

Как правило, собакам удастся избегать элементов конфронтации,

которые так усложняют человеческие взаимоотношения. Как заметил один из участников опроса: «Они любят нас даже в самом неприглядном виде». Арчер приходит к выводу, что наша любовь к собакам объясняется их умением ловко манипулировать нашими чувствами.

В прошлом году группа ученых, возглавляемая антропологом из Гарварда Брайаном Харом, выяснила, что собаки демонстрируют совсем не обычные способности — притом, гораздо чаще, чем наш ближайший родственник шимпанзе — предугадывать поведение человека, безошибочно интерпретировать его

взгляд и едва заметные жесты. Хар со своими коллегами обнаружили, что эти способности стали врожденными в результате селекции, продолжавшейся тысячелетиями, в течение которых собаки живут рядом с человеком.

Однако другие исследования — да и несчастный ветеринар, показывавший мне отделение реанимации, — свидетельствуют о том, что у таланта манипулирования есть и обратная сторона. Собачьи таланты не всегда идут им на пользу.

Не предъявляем ли мы к домашним любимцам завышенных требований? Не проецируем ли мы

на них слишком сложные, не свойственные им мысли и чувства, а потом упрекаем их в том, что они не в состоянии оправдать наших ожиданий? Не делаем ли мы из них щит, за которым прячемся от своих проблем? Может быть, своим отношением к ним мы хотим показать, какого отношения сами ждем от окружающих? Одним словом — разрешаем ли мы нашим собакам оставаться собаками?

Что же можно сказать о нас и нашем обществе с точки зрения новой собачьей роли?

В мире собаководов сложилась собственная иерархия и субкультура,

представленная в том числе и группой самоуверенных людей, убежденных в том, что работают лишь те собаки, которые пасут стада или охотятся на дичь — то есть занимаются делом, редко выпадающим на долю современной собаки.

Однако, если меня попросят подвести итог моего путешествия в мир людей и их питомцев, я скажу следующее: каждая собака выполняет работу. Всякая порода — даже комнатные собачки — имеет собственное предназначение. Каждый пес является потомком существа, оказавшего помощь

примитивному, дрожащему от страха человеку, когда он особенно нуждался в ней. Сегодня мы уже не так примитивны, но еще не избавились от страхов, и наши собаки трудятся усерднее, чем когда-либо.

II

Мамочка

Наша первая встреча с Сандрой Робинсон состоялась морозным вечером, за три дня до Рождества. Она сама открыла мне дверь

неприметного дома, в котором снимала квартиру на первом этаже. Передо мной стояла привлекательная, полноватая женщина в свободном мешковатом свитере и брюках; на плечи спадала копна темно-русых волос. Всем своим видом выражая крайнее недовольство собой, она извинилась за состояние своего жилища и подчеркнула, что очень-очень волнуется.

Два дня назад она ездила в питомник и вернулась со щенком шпица, которого назвала Элинор Ригби.

Собака — крошечный комочек бурого меха чуть меньше двадцати сантиметров длиной — дремала, свернувшись клубочком в углу обшарпанного детского манежа, установленного в столовой. Манеж, выстланный старыми газетами, заваленный игрушками и лакомствами для щенков, служил Элли спальней — во всяком случае, Сандра планировала, что это продлится до тех пор, пока собачка не освоит навыков чистоплотности. Рядом с манежем, на подоконнике, мигала огоньками маленькая пластмассовая елка.

Для одиноких жителей Монтклера, с его культом семейных ценностей, Рождество — нелегкий период. Дома и магазины сверкают огнями и елочными гирляндами. Магазины игрушек ломаются от очередей, — протянув с подарками до последней минуты, покупатели в безумной давке хватают что придется; в местах, отведенных для гуляний, не протолкнуться, на каждом свободном пятачке, как по мановению волшебной палочки, вырастают разукрашенные елки. Горожане принимают гостей, а к школам устремляются толпы родителей, приглашенных на

рождественские утренники.

В эти предпраздничные дни Сандра чувствовала себя лишней. «Как будто меня вытолкнули из ярко освещенного круга, — сказала она, усаживаясь на диван. И философски добавила: — Вообще вытолкнули из этой жизни». Она имела в виду свою не очень счастливую жизнь одинокой женщины, которая недовольна своей работой, недавно пережила развод, а затем и разочарование от неудачных попыток завести новые знакомства; Рождество застигло Сандру в тот момент, когда в ее душе медленно и очень болезненно умирала надежда на встречу с хорошим человеком. Она

сказала, что предпочла познакомиться с хорошей собакой.

Пока что Сандра была в полном восторге:

— С Элли я не чувствую себя исключенной из жизни, — призналась она. — Теперь у меня тоже есть семья. К тому же я никогда в жизни не получала лучшего подарка на Рождество. По-моему, символично, что я купила его сама.

Убежав с Манхэттена, Сандра жила в этой квартире уже три месяца. Интерьер выглядел по-спартански; белые шторы и невообразимая мебель невольно приводили на память живопись

Эдварда Хоппера. В воздухе витал легкий запах кошачьей мочи. Санди объяснила, что у нее живет 12-летняя кошка, которая предпочитает не показываться на глаза посторонним и постоянно дуется, с тех пор как в доме появилась Элли.

Очевидно, Сандра сняла квартиру с обстановкой — полное отсутствие привычных мелочей вроде фотографий в рамках, каких-нибудь антикварных вещей, произведений искусства или поделок говорили о том, что квартира занята временным жильцом, не планирующим остаться здесь надолго. Было ясно, что для этой женщины материальные

ценности не имеют первоочередного значения. Излишняя аккуратность вообще не свойственна собаководам, привыкшим не замечать некоторых запахов, пятен и шерсти. Несмотря на эволюцию своей роли в обществе, основные привычки собак все еще датируются каменным веком. Впрочем, этому жилищу щенков не нанесет особого ущерба.

— Элли полюбила ее, — Сандра говорила о своей кошке, Тиа, — и хочет с ней подружиться, это сразу заметно. Но Тиа не желает иметь с ней ничего общего.

Сандра привыкла обходиться без принятых в обществе условностей:

она не приглашала меня присесть и не предлагала выпить, — возможно, она просто устала от ожидания перемен, и даже присутствие мужчины было для нее утомительным.

Каждую минуту ее личность открывалась мне с новой стороны: она держалась приветливо, но одновременно казалась настороженной, была открытой, но сдержанной, тянулась к общению, но оставалась застегнутой на все пуговицы. Сандра призналась, что чувствует себя растерянной и чужой — в этой неуютной наемной квартире, в квартале, заселенном

представителями среднего класса, в городе, где все внимание сосредоточено на школах, детях и семейной жизни.

Зачем же она приехала сюда?

— Нью-Йорк меня победил, — сказала Сандра. От знакомых она узнала, что в Монтклере множество кинотеатров, ресторанов и художественных выставок. Возможно, когда-нибудь она сможет купить дом или встретит подходящего человека и снова выйдет замуж, хотя надежда на это постепенно таяла в ее сердце. Одним словом, Сандра переживала переломный момент.

Впрочем, она понимала, что только от нее зависит, будет ли квартплата казаться такой непомерной, а ритм жизни — таким безумным. Да и до Манхэттена отсюда всего каких-нибудь шестьдесят миль. К тому же неподалеку проживала ее лучшая подруга Зои — еще одна женщина, распрощавшаяся с надеждами на лучшее. Но Зои, совершенно неожиданно для себя, нашла работу и теперь доставляла заказную корреспонденцию в качестве сотрудника Государственной почтовой службы США.

Почти целый год Сандра считала, что она вполне нормально ощущает себя в качестве жителя городка, вся жизнь которого вертится вокруг детей, — несмотря на то, что у нее детей не было. Кроме того, домовладелец, у которого она снимала квартиру, не возражал против маленькой собачки.

Элли завозилась в своем манеже, и Сандра поспешно встала с дивана и взяла ее на руки. Элли радостно повертела хвостом, а когда Сандра перенесла ее на диван, свернулась у хозяйки на коленях и снова уснула. Собачка была крошечной, с огромными, необыкновенно

выразительными карими глазами. Сандра выглядела спокойной и умиротворенной, ее лицо светилось любовью.

Она не смутилась даже после того, как собачка помочилась у нее на коленях.

— Ох, детка, придется тебе посидеть у себя, — проворковала она и, усадив Элли в манеж, вышла в спальню, чтобы переодеться. В тенденции видеть в собаке ребенка, в желании нянчить ее как настоящего младенца угадывается искаженное проявление материнского инстинкта.

Вернувшись, Сандра извинилась:

— Понимаю, что должна скорее приучить ее к чистоплотности, но на улице так холодно, а она такая маленькая и хрупкая.

Вскоре Элли снова воцарилась на коленях у хозяйки. Поглаживая собачку, Сандра приступила к рассказу о своей жизни.

Оказалось, что последние два года ей чертовски не везло. Они с ее вторым мужем занимали квартиру с одной спальней на Ист сайде — в районе, славящемся своими ресторанами, клубами и театрами. Сандра жила в городе давно — с тех пор, как закончила Нью-йоркский университет и получила диплом.

После четырех лет брака они с мужем поняли, что совершили ошибку и просто договорились о разводе.

С мужем она познакомилась через службу знакомств «Нью-Йорк МЭГЭЗИН».

— Эти четыре года показались мне вечностью, — задумчиво сказала Сандра. — Мы, как Марс и Венера, вращались по разным орбитам и встретились-то лишь благодаря случаю. Брак не избавил нас от одиночества: я люблю театры и кино, он предпочитает спорт. Я терпеть не могу сидеть дома, а он — наоборот. В отличие от него, мое детство была

настоящим кошмаром. Мне ужасно хотелось иметь детей, а он не был уверен в том, что вообще собирается их заводить. Почему мы не обсудили этого с самого начала? Потому что я просто сглупила. К тому же я люблю свою кошку Тиа, а он терпеть не может кошек. У нас не было ничего общего.

Перед этим был еще один брак, пожалуй, еще более неудачный, о котором она не захотела рассказывать подробно.

— В первый раз я как будто вышла замуж за собственного отца, — только и сказала она,

задумчиво глядя на сверкающую елку. — Он был садист и пьяница.

Рассказывая свою историю, Сандра покачивала головой, словно сама удивлялась собственной глупости. Ее жизнь была полна разочарований; как мне показалось, некоторые задели ее глубже, чем она была готова признать.

Она и ее второй муж отдали дань Интернету 90-х, поработав во всех его областях. Но даже в лучшие времена она ненавидела свою работу веб-дизайнера, бескончаемые часы, проведенные за компьютером, амбициозных и требовательных начальников; ей было отвратительно

сознавать, что интересы ее коллег, едва достигших совершеннолетия, не выходят за рамки компьютерного экрана. Мне не раз приходилось слышать от любителей собак о том, как неуютно они чувствуют себя на службе.

Брак быстро и безболезненно распался; впоследствии они не встречались, но Сандра надеялась, что у бывшего мужа все благополучно.

— Самое странное, что мы ни разу даже не поспорили. Все закончилось бескровно. Однажды за ужином мы оба пришли к выводу, что ничего не вышло, а через неделю он

уехал. Но для меня это все равно было ужасно, — ведь мне уже за сорок, и мои шансы на ту жизнь, о которой я мечтаю, слишком быстро тают.

С ней осталась кошка Тиа.

Впрочем, было еще продолжение...

Мужчина, с которым она начала встречаться через несколько месяцев после развода, одновременно ухаживал за другой женщиной — Сандра узнала об этом от подруги. Он пытался лгать, затем во всем признался и исчез. Потом очередной кандидат на свидание вслепую не явился в ресторан; еще одно

свидание — на этот раз в баре — закончилось скандалом, во время которого мужчина оскорбил ее, назвав свиньей. К осени она сдалась.

Пару месяцев Сандра не выходила из депрессии, а затем надолго уехала к матери в захолустный Делавер.

— Я из тех, кто накапливает проблемы, — сокрушенно призналась она, — а потом они наваливаются разом и сбивают меня с ног.

Сандра много лет не виделась со своей матерью, — та сильно пила, но затем вступила в общество «АА» (Ассоциацию анонимных

алкоголиков) и покончила с этой привычкой. Местный филиал «АА» организовал группу поддержки для детей алкоголиков, и мать заставила Сандру сходить на собрание, проводившееся в подвале церкви. Эта встреча завершила ее поражение, но одновременно положила начало выздоровлению, — «вероятно, потому, что я впервые отважилась реально взглянуть на свою жизнь».

Тогда-то двоюродная сестра, занимавшаяся разведением шпицев, и предложила Сандре щенка из последнего помета. Не даром — за 500 долларов.

— Я как раз думала тогда, — рассказывала Сандра, — о том, что мне не на кого опереться в жизни, — разве что на Зои и Тиа. Но кошка стареет и все чаще прихварывает. Мне сорок два, я поняла, что прозевала один шанс стать матерью, и едва ли могу рассчитывать на второй. К тому же одна мысль о том, чтобы снова связаться с мужчиной, приводит меня в настоящий ужас. Мне никогда не удавалось справиться с проблемами в семье моих родителей, а отсюда вытекает множество других моих трудностей. На собрании «АА» я поняла, что должна была решать свои проблемы,

тогда как на самом деле я их всячески избегала. Я решила принять жизнь такой, какая она есть, успокоиться и перестать искать людей, чтобы не получить опять только боль и разочарование. Я решила завести собаку.

Первые две недели Сандра и Элли почти не выходили из дома. Если Сандре шла за покупками или в банк, то брала собаку с собой и, закутав в одеяла, устраивала на заднем сиденье машины.

— Я с первого взгляда полюбила ее до безумия, — заявила Сандра. — Она такая милая. Не могу найти слов, чтобы объяснить, до какой

степени я люблю эту собаку. Это самые чистые отношения, какие только можно вообразить, — она просто любит меня и все.

Сандра и мысли не допускала о том, чтобы хоть ненадолго расстаться с Элли, съездить в город, встретиться с друзьями, сходить на прогулку или в кино.

Откровенно говоря, Элли действительно была необычайно ласковой — такими вырастают щенки, не видевшие ничего, кроме любви от своего хозяина, приносящего вкусную еду и игрушки и никогда не отказывающегося почесать подставленный живот.

Когда бы Сандра ни заговорила с ней, Элли неизменно переворачивалась на спину, тая от удовольствия.

Жизнерадостно рыча, Элли самозабвенно возилась с игрушками и подстилкой и с восторгом встречала гостей. В знак приветствия она вскакивала им на колени и вылизывала лицо. Такая собака вряд ли могла бы кого-нибудь напугать, даже ребенка.

Если Сандра сторонилась людей, то ее собаке явно не хватало общества, — это интересное сочетание полностью опровергало мнение о том, что собаки являются отражением своих хозяев. Однажды

Сандра высказала предположение, что в характере Элли воплощены все те черты, которых не хватает ей самой.

С самого начала было ясно, что эта собака станет для Сандры закадычным другом, — как бывает со всеми, кто входит в нашу жизнь в критический момент: после болезни, смерти близкого человека или неудачного брака.

Ситуацию Сандры — действительно незавидную, учитывая душевные раны, профессиональный крах, неразрешенные семейные проблемы, переезд на новое место и

отсутствие работы, — можно назвать классической.

В своей книге «Близнецы» психоаналитик Дороти Берлингхэм рассказывает о том, какие надежды дети (и одинокие взрослые) возлагают на животных, которых берут в семью: «Такое животное становится для детей самым близким другом и товарищем, с ним можно никогда не расставаться и таким образом победить одиночество».

Эти строки не выходили у меня из головы, когда я заглядывал в дома и судьбы героев этой книги, безгранично любящих своих собак.

Снова и снова человек, попав в затруднительное положение, чувствуя себя одиноким или находясь на распутье, выбирает то самое существо, о котором так мечтали дети Берлингхэм: готовое разделить с нами одиночество и утешить в горе, понимающее нашу тоску по любви и поддержке. Именно собака может дать нам любовь и верность, а также уверенность, что она всегда рядом. Собака понимает все на свете. Она не оттолкнет и не бросит. С ней можно даже не разговаривать — она все понимает и без слов.

Собаки реагируют на любовь, как, впрочем, и на жестокость, чем

больше их любят, тем крепче их ответная любовь. Им свойственно преувеличивать свою любовь — они хотят нам нравиться. А что там у них внутри, никто в действительности не знает. Тем не менее, Элли, оказавшаяся в эпицентре человеческой трагедии, с блеском вела свою партию, и оба партнера от души наслаждались спектаклем. Хотя Сандра понимала с самого начала, что ее отношение к Элли имеет более глубокие побудительные мотивы.

Как-то во время очередного визита я, поглаживая лопоухую коричневую голову Элли, начал

рассуждать о настоящей любви, Сандра поморщилась. Потом она призналась, что ей было тяжело слушать меня. Множество людей обращало внимание на то, что, судя по всему, Элли просто обожает Сандру. Но, даже если это и правда, в таких отношениях кроется опасность. Отношения — непрочная вещь.

— Думаю, я не жду любви ни от кого, — призналась Сандра. — Я так долго без этого обходилась, что сомневаюсь в своей способности внушить любовь кому бы то ни было — неважно, в какой форме она могла бы проявиться.

Ее замечание не лишено смысла. Полюбив кого-нибудь так же сильно, как Сандра, вы становитесь уязвимы. Разве можно не бояться потерять то, что имеешь?

Однако проблема в том, что щенки нуждаются не только в любви. Как многие, если не большинство владельцев собак, Сандра не знала о собаках практически ничего. Привезя Элли домой, она понятия не имела о том, чем кормить щенка, до каких размеров он вырастет, каковы особенности его породы. У Сандры никогда не было собаки или возможности пообщаться с собакой друзей или соседей. Она не знала,

как обучить собаку чистоплотности, и не была знакома с основными принципами дрессировки.

С самого начала Сандра отказалась от дисциплины и обучения, хотя была наслышана о философии обучения, в частности о теории «позитивной мотивации». Недели шли одна за другой, собака по-прежнему спала и ела в манеже, а когда я намекнул, что от этой привычки будет нелегко избавиться впоследствии, Сандра лишь пожала плечами и сказала, что займется этим позже. Она пожимала плечами и тогда, когда ветеринар предостерег ее, что она перекармливает щенка,

что из-за неиссякаемого потока лакомств и угощений со стола на фоне ограниченного моциона собака уже в возрасте четырех месяцев страдает лишним весом.

Элли скулила, когда Сандра брала ее в свою постель. Иногда она мочилась на простыни. Или на пол в кухне. Или на ковер в столовой.

Инструкторы, заводчики и специалисты по поведению животных в один голос говорят о том, что дрессировка имеет решающее значение в развитии собачьего интеллекта, сообразительности и характера. Обучение не только обеспечивает

безопасность нашим питомцам — например, на улице с оживленным движением, — но и вносит порядок в их отношения с людьми, позволяет им понять свое место в социальной структуре, оттачивает рабочие инстинкты. Обучение помогает собакам получить правильное представление о жизни.

Собаки — так же, как дети — должны усвоить основное преимущество правил: зная и выполняя их, можно расслабиться и чувствовать себя в безопасности. Естественное поведение собаки часто противоречит человеческим обычаям. Не зная правил, не

понимая, где можно испражняться, что можно грызть и как себя вести, собаки попадают в беду. Они вырастают запуганными и трусливыми, раздражают своих хозяев и нередко пополняют ряды агрессивных невротиков, не способных приносить радость.

Однако Сандра — по крайней мере, сначала — и думать не хотела о дрессировке. Так же, как и о том, что Элли нужно стерилизовать, поскольку в противном случае хозяйку ожидал целый ворох проблем. Элли представлялась ей слишком хрупкой, чтобы вынести тяготы дисциплины, и слишком

милой, чтобы действительно в ней нуждаться.

Видя в собаке подобие человека, люди сильно усложняют ситуацию. Собаки могут научиться выполнять простые требования, но не знакомы с моралью. Они в состоянии научиться себя вести, но не различают добра и зла.

Часто собаки не оправдывают ожиданий своих хозяев: выясняется, что они не умеют быть опрятными и сдержанными, недостаточно понятливы, не в силах избавиться от проявлений сексуальности или агрессии и любить нас беззаветно. С собаками, не соответствующими

этим требованиям, часто обращаются грубо, а нередко просто выбрасывают.

Разумеется, Сандра могла не сознавать, насколько важно приучить собаку оправляться на улице. Вероятно, ей нужно было объяснить значение этого серьезного момента. Но, насколько я мог судить, она не собиралась этим заниматься, во всяком случае в ближайшее время.

Иногда она надевала на собаку памперсы и постоянно обрабатывала матрасик лизолом.

— Я просто не решаюсь выводить ее на улицу, — призналась Сандра, — там так холодно, а она

такая маленькая и славная. Мне хочется, чтобы мы все время были вместе.

Собачка действительно была крошечной, она по-прежнему прекрасно умещалась на коленях у Сандры, и та баюкала ее, как ребенка. Женщина часами сидела неподвижно, поглаживая Элли, пока та дремала у нее на коленях. Однажды собака соскочила на пол и проковыляла к своей подстилке, устроенной в углу гостиной. Сандра заметно расстроилась, но вмешиваться не стала.

— Выбор за ней, — объявила она. Испытав принуждение на

собственном опыте, она хотела оградить от него собаку. — Впрочем, должна признать, что чувствую себя уязвленной. Мне хотелось бы все время держать ее у себя на коленях. Мне так не хватает проявлений любви.

Тем временем квартиру заполнили игрушки, среди них плюшевые звери с пищалками. Благодаря густому меху (впрочем, некоторые из них были просто пластиковыми) они производили впечатление настоящих, живых зверюшек, а их пронзительный писк пробуждал в собаке охотничьи инстинкты, подталкивающие ее к

преследованию добычи. Такие игрушки — прекрасное развлечение для собак, ведь наши любимцы — прежде всего хищники, какими ангелами ни казались бы они своим хозяевам.

К сожалению, каждому собаководу известно, как кусаются цены на эти игрушки — от пяти до двадцати пяти долларов — и как быстро сдается игрушка под натиском щенячьих зубов. Если наши дети годами нянчат своих меховых приятелей, то активная собака расправляется с ними за считанные часы. Однако собаки любят игрушки, и их сметают с прилавков, как

горячие пирожки. Сандра, сидевшая без работы и вынужденная экономить, скупала их тоннами.

Однако покупка пластикового контейнера казалась ей немыслимым поступком. Да и домовладелец, — кстати, приютивший у себя с десятков бездомных кошек, — считал бесчеловечным «держатъ собаку в клетке». Убедить в этом Сандру было несложно.

— Впервые в жизни я получила возможность наслаждаться самой чистой, цельной, самой беззаветной любовью, — объяснила она. — И все время благодарю Господа за то, что ее может дарить не только человек.

На мой взгляд, к этому моменту Сандра уже переступила черту, которую я назвал бы «точкой равновесия», за гранью которой привязанность к собаке может порождать проблемы или превратиться в отклонение. Эта идея созрела у меня во время бесед с десятками собаководов. Все мы обожаем своих питомцев, но некоторые заходят слишком далеко.

Как мне кажется, оптимальной для собаки является роль одного из элементов жизни человека, уравновешенного другими компонентами — друзьями или супругом, детьми, увлекательной

работой или хобби. В отсутствие этих компонентов, место, которое собака занимает в жизни своего хозяина, начинает непомерно разрастаться и порой вытесняет все остальное. Именно в таких случаях люди не позволяют снять со своей собаки кислородную маску и позволить ей умереть, их любовь становится всепожирающей.

Ребенок способен выражать свои желания, — хотя бы теоретически, — к тому же у него еще есть родственники, сверстники и учителя, помогающие родителям наладить обратную связь. Но между

хозяином и собакой не существует посредников.

Сандра продолжала опрыскивать квартиру дезинфектантами. Это продолжалось до тех пор, пока домовладелец, радея о своей собственности, не заставил ее выводить Элли на прогулки. Сандре пришлось купить поводок — в глубине души она считала его жестоким приспособлением — и начать им пользоваться.

После первых же прогулок Сандра поразилась тому, какое удовольствие они доставляли им обоим. Элли захлестнули новые впечатления, образы и звуки; она с

любопытством наблюдала за птицами и белками, обнюхивала следы, знакомилась с другими собаками. И — что гораздо важнее — с людьми.

Во время прогулок Элли подводи́ла Сандру к другим любителям собак, знакомила с соседями по кварталу. По словам Сандры, ее собака стала всеобщей любимицей. Элли обожали все без исключения — от соседей и соседских детей до соседских собак.

— Она тащи́ла меня через дорогу, если ви́дела там собаку. Даже затаскивала в магазины, чтобы с кем-нибудь поздороваться.

Я удивился — как может щенок шпица весом в полкилограмма тащить на поводке взрослую женщину? Сандра покраснела и рассмеялась:

— Сдаюсь. — По правде говоря, она тащила меня туда, куда мне и самой хотелось пойти.

В Монтклере одинокий или бездетный человек легко может почувствовать себя невидимкой.

— С нами никто не разговаривает, — сетовала Сандра. — В этом городе мы словно выброшены из жизни. Но когда я прохожу по улице с милым приветливым щенком, люди останавливаются, чтобы

перекинуться со мной парой слов. Почти каждый прохожий приветствует нас улыбкой.

Еще совсем недавно Сандра чувствовала себя «выключенной из жизни», но собака помогла ей снова наладить контакт с людьми. — Я поняла, что выздоравливаю.

При встрече с соседями или другими собаководами она забрасывала их вопросами: Как часто они выгуливают своих собак? Чем они их кормят? Как приучают к чистоплотности?

За этот период Сандра несколько раз брала на дом заказы по дизайну, но в основном жила за счет своих

сбережений. Ей не хотелось возвращаться на старую работу, и она подумывала заняться преподаванием в школе. Во многом такое решение было связано с Элли.

— Дело не только в том, что мне жалко бросать ее на целый день... Просто именно она вынудила меня задуматься, запустила сам процесс, и я начала прикидывать, как лучше устроить свою жизнь, чтобы жить, а не просто выживать.

Тем временем ее интерес к собакам возрастал. Сандра заказала через интернет несколько книг, показавшихся ей полезными, тщательно просматривала полки

книжных магазинов, советовалась с друзьями. Приходя в зоомагазин, она расспрашивала продавцов о качестве кормов и лакомств, интересовалась дрессировкой. Она покупала Элли витамины, специальные деликатесы, гипоаллергенные бисквиты, приобрела даже маленький контейнер — впрочем, им она почти не пользовалась.

С помощью Интернета и электронной почты Сандра познакомилась с единомышленниками, такими же страстными собаководами. Один из них — программист из графства

Моррис и владелец трех собак — даже пригласил ее на встречу.

Сандра не ответила. Она чувствовала, что еще не готова.

Прошло несколько месяцев, и я услышал продолжение этой истории. Стоял душный летний день, Монтклер окутало оцепенение — школьные автобусы скучали в гараже, уроки музыки были отменены, автомобили стояли на приколе или разъехались по побережью.

Элли лежала на диване под боком у Сандры. Собачка подросла и стала заметно стройнее — Сандра перестала ее перекармливать. К тому же из соседней комнаты исчез

манеж. Не считая случайных недоразумений, Элли научилась поддерживать чистоту. Но кое-что осталось по-прежнему: Сандра в который раз говорила о том, как любит свою собаку.

Истоки этой любви следует искать в прошлом.

Отец Сандры был жестоким, грубым человеком и ушел из семьи, когда дочери было восемь лет. С тех пор она ничего о нем не знала. Ее мать редко бывала вменяемой, — по крайней мере, Сандра с трудом могла вспомнить ее трезвой. Но этим ее беды не исчерпывались...

На глазах Сандры выступили слезы. Она ушла в спальню и вернулась с фотографией в серебряной рамке: молодая женщина с длинными темными волосами держит на руках младенца.

— Взгляните. Я давно хотела рассказать, но никак не могла собраться с духом. У меня есть дочь. Честно говоря, я уже бабушка. Я еще не раз заглядывал к Сандре, прежде чем мне удалось узнать историю целиком. Ей было семнадцать, когда она забеременела. Мать Сандры, католичка, не допускавшая и мысли об аборте, настояла на рождении младенца, но запретила дочери

воспитывать его. Сандра отдала ребенка на усыновление и потом много лет не пыталась его разыскивать.

Однако не проходило дня, чтобы она не вспоминала о своей дочери и не мучила себя вопросом, а не начать ли розыски. И такой момент настал: когда Сандре исполнилось тридцать шесть, она нашла свою дочь. Та жила в Филадельфии, успела выйти замуж и стать матерью. А Сандре она заявила, что ненавидит ее и не желает иметь с ней ничего общего.

Несколько раз они встречались, но отношения не сложились. Дочь держалась враждебно, и Сандра

неустанно винила себя за это. Она пыталась смириться с мыслью, что ничего не изменится. Она снова не добьется ничего, кроме боли и разочарования. В конце концов, Сандра перестала звонить.

— В «АА» нас учили не провоцировать боль, — объяснила она, — то есть избегать людей, которые заставляют нас страдать. Когда-нибудь дочь почувствует, что готова возобновить отношения. Она знает, как меня найти, и я приложу все свои силы, чтобы у нас все наладилось. А пока..., — она не договорила.

Дочь не может простить моего поступка, — помолчав, продолжила Сандра. — Я и сама себя не прощаю.

И все же история Сандры кажется мне поразительной. Едва она рассталась с надеждой на материнство, как жизнь ей позволила вновь почувствовать себя матерью. Сандра нашла дочь, уже имевшую ребенка, — и оказалась бабушкой девочке, о которой могла никогда не узнать, с матерью которой могла так никогда не встретиться. К тому же у нее была Элли.

— Неожиданно я смогла стать мамочкой. Сознавала ли я, что эта потребность объясняется всей

историей моей жизни? Конечно. Я не так глупа. Но каждый раз, выходя на улицу, я слышала, как соседи называют меня «мамочкой Элли». Не могу передать, до чего приятно мне слышать эти слова. В такие минуты я чувствую себя настоящей матерью.

Элли, дремавшая на диване, проснулась, соскочила на пол и вцепилась в одну из бесчисленных игрушек.

— В прошлом месяце умерла моя кошка Тиа, — сказала Сандра. — Она прожила у меня двенадцать лет. Вернувшись домой из ветеринарной клиники, я плакала, не сдерживая слез, а Элли лизала мне лицо. Я

прорыдала целых два часа, и все это время она ни на шаг не отошла от меня. Что я могу сказать? Я понимаю, она — собака, а не человек. Но нас связывают прочные узы, и мне проще оставить все как есть.

Это, наверное, проще, особенно если речь идет об отношениях с представителем другого вида, который никогда не оскорбит вас, не потребует объяснений и не вынудит прощать свои проступки.

Сандра начала встречаться с потенциальными работодателями, решив начать карьеру в области маркетинга, — она подыскивала

рынок сбыта для изделий сельских ремесленников. По-видимому, в ее жизни начинался новый, менее трагический и полный надежд период. Элли выполнила свою миссию — пусть и неосознанно, зато вполне удачно.

Они были счастливой парой. Элли была маленькой, легкой для содержания собачкой и не нуждалась в специальной дрессировке или тренировке рабочих и охотничьих навыков. А Сандра, если в чем-то и не знала меры, то лишь в проявлениях своей любви.

Она по-прежнему считала неприемлемым требовать от Элли

дисциплинированности, и собачка, чтобы завладеть вниманием хозяйки, принималась подпрыгивать и настойчиво лаять каждый раз, как только Сандра садилась к компьютеру.

— Ей хочется, чтобы я с ней поиграла, — извиняющимся тоном объяснила Сандра, как видно, считавшая такое поведение собаки нормальным. Сандра не обучала ее даже самым простейшим командам и не решалась посадить в контейнер, когда Элли становилась особенно надоедливой. В итоге Сандра работала под неумолчный лай и непрерывно отвлекалась. Со

временем она научилась делать вид, будто не замечает собаки, и постепенно эта тактика начала приносить плоды.

Любой сотрудник приюта скажет вам, что если бы на месте Элли была крупная, упрямая собака, а Сандра подолгу отсутствовала и не могла бы постоянно оказывать ей знаки любви и внимания, характер их отношений мог бы измениться на прямо противоположный.

Другая собака — сидящая взаперти, перекормленная, необученная — могла бы стать нервной и агрессивной. Для выражения своего недовольствия

такие собаки находят более впечатляющие средства, чем обыкновенная лужица на ковре. В свою очередь, их протест не может не раздражать хозяев, что приводит к самым неприятным последствиям.

На улице во время прогулки Элли держалась начеку и бдительно следила за прохожими, тянула Сандру к ним навстречу, чтобы услышать привычное: «Какая хорошенькая!» Кто бы ни показался в поле зрения Элли, она рвалась навстречу, бешено вертя хвостом. Может быть, она чувствовала, что Сандре нравится знакомиться с людьми, а может быть, вела себя так

инстинктивно. Многие уже узнавали Сандру, обращались к ней и к собаке по именам и останавливались поболтать.

Элли вела себя, как кандидат во время предвыборной гонки. К тому же не обходилось без проблем, — например, Элли неожиданно стала нападать на крупных собак. Но с одиночеством и тоской было покончено.

Два дня назад Сандра сказала мне, — мы возвращались после прогулки, — что после долгих уговоров согласилась встретиться с программистом из Морристауна. Свою любимицу она оставила в

контейнере, который специально приобрела в зоомагазине и битком набила лакомствами и игрушками, словно собиралась отсутствовать недели две, — насколько можно было судить, Элли насколько не обиделась.

Подойдя к ресторану, где была назначена встреча, Сандра сразу узнала своего заочного кавалера. Он сидел за столиком один и был одет, как и обещал, в брюки цвета хаки и зеленую рубашку. Окинув взглядом его лысоватую голову и коренастую фигуру, она чуть не пустилась в бегство.

— А потом решила, что это было бы неправильно. Неужели я могу допустить, чтобы моя собака оказалась дружелюбнее меня самой? Я вспомнила, как она расположена к людям, верит всем без исключения, и подумала, что должна брать с нее пример. Мне нельзя пренебрегать выпавшим шансом.

Поэтому я пошла, и мы неплохо провели время. Он любит своих собак не меньше, чем я люблю Элли. Мы проболтали три часа и собираемся встретиться снова. Через неделю он приедет познакомиться с Элли.

Святая Бетти

— Вон они, — кивнула Бетти Джин Скирро, заметив два знакомых фургона, приткнувшихся в углу стоянки позади зоомагазина в соседнем Уэйне, штат Нью-Джерси. Солнце еще не взошло, начиналось холодное, дождливое ноябрьское утро.

По меркам Нью-Джерси, пейзаж можно было назвать пасторальным. Судя по тишине, шоссе еще не проснулось, да и стоянка, обычно

забитая машинами, была почти пустой. Пар от дыхания людей, сгрудившихся возле фургонов, поднимался и таял в воздухе.

Спасательная группа Бетти Джин, называвшаяся «Спасите животных», готовилась к проведению очередной операции в муниципальном приюте Бруклина. В ходе акции им предстояло вызволить оттуда и передать в надежные руки жителей Монтклера несколько собак, тем самым избавив их от эвтаназии.

Транспортные средства были отлично приспособлены для перевозки собак. В каждый фургон одновременно помещалось три-

четыре контейнера, к тому же такая машина достаточно безопасна и расходует сравнительно немного бензина. Люди, посвятившие себя спасению животных, готовы к постоянным расходам при полном отсутствии прибыли, но к чему тратить лишнее на бензин, если эти деньги могут пойти на нужды животных.

Группы спасателей — своего рода Отряды специального назначения — формируются из бесстрашных, мобильных, безупречно организованных, волевых людей, неколебимо уверенных в справедливости своего дела.

Спасение животных — чисто американское понятие — превратилось в новый и обширный пласт субкультуры, порожденной технократическим обществом. Приюты для животных существуют в США уже больше века; одновременно с их созданием нашлись люди, готовые взять на себя ответственность за судьбу «ненужных» собак. Однако в конце 1980-х и начале 90-х численность собак в Америке стала увеличиваться настолько стремительно, что приюты перестали справляться с потоком брошенных животных, обреченных на эвтаназию.

Появление интернета, доступность и простота Всемирной сети привели к тому, что идеи спасателей распространились и там. На ключевые слова «спасение собак» поисковая система «Google» находит более 700 000 ссылок. Практически в каждом городе и каждом штате существуют группы спасателей, специализирующиеся на различных породах, часто весьма многочисленные, имеющие уставной фонд, собственный транспорт, униформу, значки и наклейки. Теперь потенциальные хозяева могут связаться со спасателями через интернет или послать письмо по

электронной почте.

Как правило, группы спасения состоят из добровольцев и действуют практически бесконтрольно. Хотя многие из спасателей сотрудничают с приютами, отношения с руководством приютов и местной администрацией чаще бывают плохими, а иногда даже враждебными. Камнем преткновения служит пособие на содержание животных. Перегруженные и скудно финансируемые приюты вынуждены уничтожать собак, а не только подыскивать им новых хозяев, тогда как спасатели трудятся, не покладая рук, чтобы уберечь животных от

смерти. Порой такая ситуация порождает напряженные отношения между неуклонно разрастающейся армией любителей собак и чиновниками, связанными по рукам и ногам многочисленными циркулярами и ограниченностью ресурсов.

Организация Бетти Джин, завоевавшая множество сторонников как в самом Монтклере, так и за его пределами, размещает объявления на собственном вебсайте и на сайте Petfinder (www.petfinder.com), — одном из самых обширных интернетресурсов спасателей. В тот осенний день, например, на сайте

Petfinder появилось около 100 000 объявлений, призванных помочь жителям любого уголка страны подобрать себе подходящую собаку или кошку.

Нередко группы спасателей объединяются для совместных операций и переправляют собак за сотни миль к новому дому. Теоретически любую собаку можно отправить куда угодно, и любой человек, пожелавший завести собаку, может сделать выбор за считанные секунды.

Бетти Джин — легендарная фигура в своих кругах, идеал, вдохновитель и движущая сила. Это

имя слышал каждый житель Нью-Джерси, имеющий отношение к спасению собак. Соратники с благоговением отзываются о ней как о самоотверженном, опытном, не знающем усталости человеке. Люди звонят и приезжают к ней из всех уголков страны, чтобы научиться правильной организации дела.

Сегодня, готовясь к поездке, она поднялась в четыре утра и все же едва успела закончить обязательный утренний ритуал.

Последние тридцать пять лет Бетти Джин жила в двухэтажном доме, возведенном в годы строительного бума, — такие

сооружения, заполонившие северо-восточные окраины штата, считаются местной классикой, а слова «Нью-Джерси» и «уродство» стали синонимами в национальном сознании.

Основная часть Монтклера была построена задолго до этого, и городок заслуженно гордится красотой уцелевших архитектурных памятников, однако его окраины неотличимы от пригородных новостроек.

Бетти Джин предпочла умолчать о своем возрасте, но призналась, что до чека социального страхования осталось совсем недолго. Она жила

одна, — если такое выражение применимо к дому, где вечно толпится народ. Муж давно ушел от нее, и с тех пор они ни разу не встречались, дети выросли, а от визитов внуков она уклонялась. Свою постоянную работу — Бетти трудилась в каком-то офисе — она терпеть не могла и редко упоминала о ней. Работа позволяла ей оплачивать счета и снаряжение для спасательной группы, а также телефон и услуги ветеринара. Словом, платили ей негусто.

Никто из сотрудников этого офиса не знал, что она имеет отношение к спасателям, более того,

этого не знали и соседи. Даже те, кто прожил по соседству много лет, считали ее просто чудачкой, помешанной на собаках.

Тем не менее, работа спасателя давно стала смыслом ее жизни и истинным призванием, заменив даже семью. Она мечтала бросить службу, обеспечить себе скромный доход — около 20000 долларов в год ей было бы вполне достаточно, учитывая пенсию и другие социальные выплаты — и всецело посвятить себя работе спасателя. Так же, как писатели, художники и артисты предаются фантазиям о том, как бросят повседневные заботы и

предадутся заветной страсти,
спасатели тоже строят планы,
выискивая возможность не
заниматься ничем другим, кроме
спасения собак. А уж без этой
работы они не останутся.

Бетти Джин не любит
одаживаться, но ее соратники уже
пару лет собирают петиции, надеясь
обеспечить ей достойное будущее.
Пока что им удалось собрать 9000
подписей, но с наличностью по-
прежнему туго.

За исключением деревянных
кошек, выгнувшихся на газоне у
парадного входа, дощатый домик
Бетти, выкрашенный зеленой

краской, ничем не выделялся среди множества своих собратьев — но это до тех пор, пока вы не вошли внутрь.

Звон дверного колокольчика потонул в оглушительном лае. Открывая дверь — Бетти делала это постепенно, — она много раз напомнила мне о необходимости соблюдать осторожность и не делать резких движений.

Бетти — миниатюрная женщина с рыжеватыми волосами — показалась мне совсем крошечной, ростом она была чуть выше полутора метров и худенькая, словно воробышек. Вид у нее был усталый. Однако, даже в столь ранний час, в

глазах мелькали лукавые искорки. Бетти извинилась за то, что не успела одеться, — она вышла ко мне в шлепанцах и синем фланелевом халате.

Окинув гостя опытным глазом, она сразу перешла к делу, решив не тратить времени на взаимные реверансы.

— Следите вон за тем белым, — пробормотала она, кивнув на белого крапчатого терьера, кружившего поблизости от нас, — это мой пансионер, он очень любит хватать за лодыжки.

Скоро мне стало ясно, что гостем Бетти может стать лишь

отчаянный храбрец. Терьер по-прежнему ворчал, не отходя от моих ног, пока Бетти не прикрикнула на него. Она объяснила, что берет собак на передержку, чтобы покрыть расходы спасательного отряда.

Что такое еще одна собака, когда в доме и пристроенном к нему гараже их и без того было двадцать две! В стене, разделяющей помещения, пришлось прорезать большое окно, обеспечивавшее полный обзор.

Перед тем как отправиться в Бруклин, — Бетти ездила туда пару раз в неделю, — она должны была накормить и выгулять всех своих

подопечных, в том числе несколько кошек и пятерых собственных собак, — улаживая при этом неизбежные стычки, распределяя внимание, корм и игрушки.

Утро выдалось хлопотным. Шестерым щенкам с чесоткой требовалось ввести лекарство через капельницу и сменить подстилки, которыми служили полотенца, старые одеяла и простыни — их нужно было стирать и менять по два раза в день.

Проблемные собаки — крупные, агрессивные животные, подобранные в Бруклине и вызволенные из приюта, — терроризировали

остальных собак, а иногда и людей, а потому нуждались в интенсивном курсе социализации и повышенном внимании. С некоторыми предстояло работать годами, чтобы они начали вновь доверять людям и были готовы войти в новую семью. Кто-то из них вернется обратно, — хозяева решат, что взялись за непосильную задачу. Некоторые так и не найдут себе нового дома — даже у Бетти Джин случались осечки. Впрочем, эти собаки занимают особое место в сердцах спасателей, именно эти — самые невезучие, последние в очереди за удачей, первые кандидаты на эвтаназию. Пока что они осели в

перевалочном пункте, в который Бетти Джин превратила свое жилище.

Тем временем из дома выкатились кошки. Их было четыре или, может быть, пять (самую робкую Бетти не видела уже несколько дней). Кошки проворно вскочили на стол и дружно завопили, требуя еды.

Бетти Джин выгнала собак из вольеров в обнесенный изгородью двор и через некоторое время загнала их обратно. Ловкость, с которой она выполнила этот маневр, выверенный и рассчитанный посекундно, словно кинематографический трюк,

произвела на меня неизгладимое впечатление. Казалось, она знает волшебное слово, с помощью которого заставляет их двигаться в таком темпе, что они просто не успевают ничего натворить.

Все необходимые манипуляции требовалось выполнять молниеносно и в полной тишине, чтобы не испугать и не побеспокоить соседей, терпение которых и без того нередко подвергалось суровым испытаниям.

— Я выгоняю их по сто раз на дню, чтобы вычистить вольеры, и уже достигла совершенства. В основном соседи жалуются на запах

мочи на заднем дворе, — вздохнула она. — Я извожу галлоны дезинфицирующих растворов и хлорки, к тому же мне приходится следить за тем, чтобы собаки не шумели. Самые голосистые отправляются к другим членам группы.

Я не уставал поражаться тому, сколько дел успела повернуть Бетти за считанные минуты. Поистине она заслуживала звания чемпионки одновременной игры. Один за другим открывались вольеры, очередная собака стрелой летела в свое жилище и тотчас же ей на смену на задний двор выбегала следующая.

Выпустив щенков в игровую, чтобы они могли побегать и повозиться, Бетти проворно меняла подстилки, швыряла испачканные, промокшие газеты в специальное ведро, налаживала капельницу, засовывала в корм таблетки и — завершающий штрих — запихивала их собакам в глотки.

Она одевалась, выпускала все новые партии собак, приводила в порядок прическу, кормила кошек, делала макияж — все сразу.

Крупных собак приходилось кормить одновременно, чтобы избежать волнений и неизбежных в таких случаях протестов и жалоб.

Схватив сорокафунтовый пакет сухого корма, пожертвованный зоомагазином, Бетти наполняла миски, открывала вольеры, перекрывала выход, совала миски внутрь, сдерживая каждую попытку выйти наружу.

— Никуда ты не пойдешь, дружок, — приговаривала она.

Огромная, устрашающего вида ротвейлерша высунулась из вольера, тревожно высматривая двух своих щенков.

Бетти, опытная в таких делах, внезапно спохватилась, что находится как раз между мамашей и ее детишками, то есть в совсем

неподходящем месте. Собака уже заволновалась — семейка прибыла сюда только накануне, они покинули городской приют всего за несколько часов до того, как мамашу должны были усыпить. Сопроводительные бумаги характеризовали ее как опасную для общества, но это еще ни о чем не говорило.

— Скорее всего, она просто защищала своих щенков, — предположила Бетти.

Она не слишком доверяла мнению сотрудников приюта.

— У меня есть собственная голова на плечах, — частенько повторяла она. — Я сама разберусь,

что к чему. — Ротвейлеры и питбули внушают опасения большинству обывателей, но спасатели питают к ним слабость, потому что эти собаки чаще других нуждаются в их помощи. Благодаря дурной репутации, которой эти породы обязаны отдельным своим представителям, спасатели вынуждены постоянно бороться со стереотипом и опровергать бесчисленные байки о кровожадности ротвейлеров и питбулей. В действительности трудно найти собак, способных на такую любовь и преданность, таких замечательных и верных друзей.

Однако сейчас Бетти Джин слишком торопилась и не хотела рисковать.

— Эй, ты, — рывкнула она, протянув руку к ворчащей собаке. — Заткнись. Убирайся на место. У меня и без тебя хватает работы. Ты еще увидишься со своими девчонками, это я тебе обещаю. Ничего с ними не случится. Иди на место. — Бетти зашла мамаше с тыла и затолкала ее в вольер, воздействуя попеременно окриками и комплиментами.

Через минуту в комнату ворвался гигантский метис овчарки.

— Быстро за дверь! — скомандовала Бетти Джин. Не успел

я нырнуть за разделяющую комнаты раздвижную стеклянную дверь, как громадный пес — не меньше сорока килограммов весом — с грохотом врезался в стекло. Бетти, наполнявшая водой щенячьи миски, проворно выступила вперед.

— Сэм, паршивец! — воскликнула она. — Что это с тобой сегодня? Прекрати! — Она сгребла пса за ошейник и оттащила в вольер. Инструкторы и пособия по дрессировке категорически запрещают таким образом обращаться с агрессивной или испуганной собакой. «Ни в коем случае не допускайте зрительного

контакта, — заклинаяют они. — Не подходите внезапно, не хватайте и не тащите собаку». Бетти Джин не читала этих книг и придерживалась собственной философии: веди себя как ни в чем не бывало, не показывай своего страха.

Бетти, словно средневековый дервиш, накладывала мази на гноящиеся глаза, разбрызгивала дезинфицирующие растворы в вольерах, раздавала таблетки от глистов, обрабатывала швы после стерилизации, однако задержалась у вольера, чтобы поговорить с робким черным лабрадором.

— Привет, дорогая, — ворковала она, срываясь на фальцет. — С ней все будет в порядке, — Бетти обернулась ко мне. — Пока что я держу ее у себя, мне не нравится, что она так боится людей. К тому же, нужно взглянуть, как она поведет себя с детьми. Я никому ее не отдам, пока не буду полностью уверена в хозяине. Не хочу, чтобы она кого-нибудь укусила. Конечно, контролировать людей куда труднее.

Вернувшись в комнату, битком набитую собаками, она громко повторила еще раз: «Вы слышали, что я сказала? Никто не получит хозяина, пока я не буду в нем

уверена. Так что ведите себя как следует. И сидите тихо, пока я не вернусь, не то у вас будут неприятности. Мне не нужны жалобы на шум».

Единственную угрозу, не прозвучавшую во время краткой лекции о правилах общежития, можно было бы сформулировать следующим образом: «не то отправлю вас обратно в приют». Этих слов я не услышал ни разу.

— Раз уж я взяла собаку из приюта, она не попадет обратно — и точка.

Внезапно разразился настоящий бедлам: из спальни вырвались

собаки Бетти, жившие отдельно от приютских собак.

— Хватит! — Бетти повернулась к ним и хлопнула в ладоши. — Убирайтесь обратно. И сидите тихо! — Пять собак всех мастей и размеров дружно, словно в цирке, развернулись и ринулись обратно в спальню.

Через час, словно по волшебству, все врачебные предписания были выполнены, манипуляции с кормом завершены, недоразумения улажены, а собаки рассажены по вольерам, занавешенным полотенцами и шторками. Бетти выключила свет и

включила радио, — программу на испанском языке.

— Им нравится, — объяснила она, — наверное, из-за того, что большинство собак городские. Если завести им рок или классику, они будут лаять целый день. Другое дело латиноамериканская музыка... они сразу засыпают под нее. — И действительно, в обеих комнатах, где еще минуту назад царил хаос, наступила сверхъестественная тишина, нарушаемая лишь повизгиванием щенков, на которых Бетти немедленно шикнула, и негромкой, ритмичной музыкой. Ни

один прохожий не заподозрил бы, что в доме вообще есть собаки.

Вырулив на стоянку, Бетти поставила свой обшарпанный синий форд рядом с фургонами. Судя по показанию спидометра, ее машина, купленная года четыре назад, прошла 180 000 км. Члены группы устанавливали контейнеры и ящики, раскладывали одеяла. В каждый контейнер можно поместить пять-шесть щенков, а в большие — по одной взрослой собаке; кошкам подойдут и в картонные коробки с отверстиями. Дениз, руководившая подготовкой, поздоровалась с нами.

Дениз Ди Фурио была активным помощником Бетти Джин и, очевидно, ее ближайшей подругой, хотя при встречах они обсуждали исключительно проблемы, связанные с собаками и поиском новых хозяев для них. Они никогда не встречались и не общались друг с Другом по иному поводу. Дениз очень волновалась за Бетти и постоянно находила поводы для беспокойства: недосыпание, нерегулярное питание, отсутствие сбережений и страховки, хрупкое здоровье, непомерная нагрузка, постоянный стресс. Ее тревоги были вполне обоснованными, но Бетти Джин

отмахивалась от них.

Дениз не без гордости сообщила, что недавно группа установила рекорд, — за одну операцию им удалось вывезти из приюта 21 животное: семерых щенков, шесть взрослых собак, да еще кошек с котятами. Сторож, открывавший шлагбаум, чуть не упал в обморок от запаха, потому что нескольких собак стошнило, другие обмочились или наложили кучки, не успев даже выехать из Бруклина. Как правило, спасенные собаки растеряны и испуганы, многие не приучены к чистоплотности и никогда не ездили в автомобиле.

Поэтому бригады общества «Спасите животных» путешествуют «нараспашку» и в любую погоду открывают окна и включают вентиляторы, пусть даже водителям приходится натягивать теплые свитеры и шапки.

Пятеро командос наполнили кружки горячим кофе, пустили по кругу булочки и приступили к обсуждению плана операции. С особенным жаром велась дискуссия о том, скольких собак они могут взять, — впрочем, окончательная цифра всегда определялась на месте, — сколько из них отправится к Бетти Джин, сколько к остальным

членам группы. Отряд состоял из женщин, замужем была лишь одна из них, — вероятно, ей повезло встретить беспримерно терпеливого и понимающего супруга, — четверо были разведены или никогда не выходили замуж. Все, не считая Дениз, выполнявшей несколько функций одновременно, занимались транспортировкой собак из Нью-Йорка — превратившегося в неиссякаемый источник брошенных собак — в Нью-Джерси. Время от времени они, получив по электронной почте сообщения об особых случаях, отправлялись и в другие города — Бриджпорт,

Филадельфию, Ньюарк, Трентон и даже Бостон.

Ни одна из женщин не представилась. Позднее Бетти Джин объяснила, что главным в своей работе спасатели считают собак, а никак не собственные персоны.

— Они всего лишь хотят найти собакам новый дом, — сказала она. — Самый важный момент в нашей работе наступает тогда, когда вы знакомите собаку и человека; они смотрят друг другу в глаза, а вы понимаете, что они полюбят друг друга и все будет хорошо. Вот ради чего мы работаем. Ради этого мы и делаем свое дело.

Монтклер — просто рай для нас, — добавила Бетти, — поэтому я и борюсь за право остаться здесь, хотя мои дети давно разъехались, да и налоги здесь откровенно ужасны. Но зато здесь полно людей с деньгами, которые с удовольствием тратят их на своих питомцев. И заводят собак отнюдь не для охраны заправочной станции. Люди хотят иметь любимое существо. Мы всегда настораживаем уши, если слышим, что какой-нибудь житель Монтклера решил взять собаку.

Бетти умолкла, будто спохватившись, что слишком увлеклась сантиментами, и

решительно отдала приказ
выступить.

Операцию готовили впопыхах —
Бетти позвонила ее
осведомительница из приюта,
сообщившая, что на уничтожение
отобрано слишком много собак.
Таинственная незнакомка только что
получила уведомление о приеме в
колледж и должна была ехать на
учебу. Ее звонок был прощальным
жестом. Бетти Джин и Дениз очень
сожалели об ее отъезде, поскольку
теперь им предстояло работать в
непосредственном контакте с
администрацией приюта, но, увы,
чиновники не внушали спасателям

доверия и, в свою очередь, не доверяли им сами. Несмотря на общие цели, приюты и спасательные группы редко действуют сообща.

Зачастую сотрудники приютов вступают в группы спасения или работают в контакте с ними, вызволяя животных, признанных непригодными для передачи новым хозяевам и потому обреченных на казнь. Такая сообщница имела и у группы «Спасите животных». Благодаря ей Бетти узнавала о подходящих собаках, которых в приюте намеревались подвергнуть эвтаназии.

«Резидентка»

помогала

спасателям проникнуть в лазарет и камеру смерти, которые запрещено показывать публике, — именно там содержат самых «безнадежных». Когда их засекреченная приятельница отсутствовала, группе приходилось делать вид, что они не знают о существовании этих помещений и даже не подозревают о них, поскольку официально доступ туда запрещен для всех, за исключением персонала приюта. Приюты бдительно охраняют свои тайны: адвокаты Общества защиты животных часто обвиняют их в том, что они уничтожают собак слишком

поспешно или жестоко. Но тут экономика диктует свои правила: чем дольше собака остается в живых, тем дороже обходится ее пребывание в приюте; чем больше там содержится так называемых «непригодных» животных, тем меньше помещений остается для других.

Администрация приюта вряд ли обрадовалась бы, если б узнала что в их владения вторглись члены группы «Спасите животных», да еще и провели с собой писателя. Поэтому по дороге Бетти Джин кратко проинструктировала меня, предупредив о возможных

опасностях и правилах поведения. Никаких блокнотов, диктофонов или фотоаппаратов. Я не должен был выходить из роли новобранца. Бетти предупредила, что не будет знакомить меня со своей осведомительницей из приюта. И не разрешит задавать вопросы или заводить разговоры.

Наконец, мы прибыли на место. Бетти Джин сделала глубокий вздох, чтобы как следует сосредоточиться и взять себя в руки.

— Самое тяжелое — выбирать, — призналась она. — Часто Дениз или кто-то другой умоляют меня взять собаку, но наши

женщины слишком жалостливы. Если дать Дениз волю, она возьмет их всех и нам понадобится целый товарный состав. Поэтому решаю я. Кто-то должен уметь сказать «нет».

Главным фактором, по словам Бетти, служит для нее «нечто такое в глазах у собак — понимание, любовь. Я уже знаю, на что люди обращают внимание, кого они возьмут. А остальные...», — она не договорила.

Однако Бетти Джин особо не мешала остальным членам группы выбирать самостоятельно. Приютские собаки пожинаят самые горькие плоды мучительных и сложных отношений американцев с

их питомцами. Несмотря на новое предназначение, миллионы собак ежегодно отправляются на казнь. Самое ненавистное для спасателей — оставлять собак медленно угасать в клетке в ожидании эвтаназии. В этом смысле члены спасательных групп постоянно мучаются от противоречия между жестокой реальностью и ограниченностью своих возможностей. Будь их воля, они спасли бы всех, и каждый раз страдают, сознавая невозможность такого исхода. Обязанность Бетти Джин — руководить группой, не позволять ее членам забывать о здравом смысле, напоминая

каждому, что их возможности ограничены. Спасатели должны ставить перед собой посильные задачи.

Мы свернули на восточное шоссе, миновали аэропорт Ньюарка, дымящие трубы нефтеперегонного завода, километры грузовых терминалов, Стейтн Айленд и въехали в Бруклин через Верразано Бридж. Даже в тихое воскресное утро на дорогу ушло больше часа.

Приют представлял собой невысокое строение из кирпича и бетона, выходившее на оживленную улицу. Стоянка оказалась пустой — вероятно, потому, что мы прибыли

сюда около 8 часов утра. Я вошел внутрь вместе с Бетти Джин и Дениз, остальные члены группы остались в машинах.

Дениз принесла с собой цифровой фотоаппарат. Часть отобранных собак придется оставить для проведения прививок, стерилизации и введения микрочипов. В приюте собаке под кожу вводят идентификационный микрочип, чтобы ее можно было опознать, если она потеряется или окажется на улице. Еще до того, как спасенные попадут домой к Бетти Джин или к своим новым хозяевам, им предстоит встреча с ветеринаром.

Но уже к вечеру их фотографии будут вывешены на сайте «Спасите животных» и, попав в поле зрения других спасательных групп или потенциальных будущих хозяев, вызовут настоящий ливень электронных писем и телефонных звонков.

Несмотря на то, что количество брошенных собак исчисляется миллионами, появление каждого симпатичного кандидата порождает конкурентную борьбу. Причем она бывает столь ожесточенной, что нередко группу «Спасите животных» пытаются «спасти» другие организации, которым всегда хочется

иметь под рукой подходящее животное, дабы предложить потенциальному клиенту. Впрочем, теперь, когда обязанности вебмастера поручены Дениз и ее сыну, отслеживать такие случаи стало проще.

Электронный замок щелкнул, открылись ворота приюта, и на нас обрушился запах — сложная комбинация «ароматов» псины, испражнений, дезинфекции и пищи. В приемной дожидались три семьи иммигрантов, объяснявшихся на ломаном английском, — они хотели посмотреть собак и выбрать какую-нибудь для себя. Взволнованные дети

старались заглянуть в смотровое помещение. В стороне от них стоял молодой человек в куртке с капюшоном, золотых браслетах и огромных кроссовках, рядом с ним всхлипывала девушка. На руках юноша держал окровавленного питбуля. Тело пса неестественно выгнулось, он был еще жив, но не шевелился. Регистратор требовал, чтобы молодой человек заполнил какие-то бланки. Тот решительно отказывался.

— Мы должны ввести данные в компьютер, — терпеливо объяснял дежурный.

— Мне некогда с этим возиться, — угрюмо возражал парень. — Мы нашли собаку на улице, подобрали и привезли сюда исключительно из милосердия. Нам ничего о ней не известно, поэтому мы хотим просто оставить ее у вас. В полиции сказали, что для этого вы и существуете. — Он положил собаку на пол и направился к выходу. Девушка, заливаясь слезами, склонилась над собакой и, погладив ее на прощание, двинулась за своим спутником.

Дениз, заметившая этот интимный жест, неожиданно сказала, глядя юноше прямо в глаза:

— Это ведь ваша собака. Ее сбила машина, а вы не хотите платить за лечение, поэтому просто выбросили ее. Ведь так? — Дениз выросла в Бруклине, знала местный выговор и манеры; она не боялась привлечь к себе внимание и не понижала голоса, отстаивая правое дело.

Парень свирепо покосился на нее, схватил девушку за руку и потащил за собой.

— Я уже сказал, что мы просто привезли его сюда, — огрызнулся он. Регистратор пробормотал что-то насчет полиции. Дениз умоляюще взглянула на Бетти Джин.

— Наденьте на него поводок, — кивнула Бетти регистратору. — Если он не умрет, пока мы тут, то возьмем его. — Она раздраженно отвернулась. Дениз подмигнула мне и улыбнулась. Служащий, стараясь действовать с максимальной осторожностью, начал грузить раненую собаку в контейнер.

Наконец, появилась наша разведчица. Бетти и Дениз приветствовали ее сердечными объятиями. По дороге сюда Бетти рассказывала мне о том, как тяжело любителям животных работать в приютах: они очень быстро обнаруживают, что люди способны

на ужасные поступки, а приюты, даже самые проверенные и надежные, постоянно рискуют превратиться в бойню — слишком уж много собак попадает в эту систему. Среди сотрудников много молодых женщин — они горят желанием помочь животным, но быстро разочаровываются. Такая работа изматывает.

— В каком-то смысле, работать в спасательной группе намного проще, — признала Бетти Джин. — По крайней мере, нам не приходится каждый день видеть, как они умирают.

Вчетвером мы прошли через приемную, проследовали по запутанным коридорам мимо помещений, оборудованных металлическими вольерами. Из коридора собак не было видно, но на дверях каждой комнаты виднелись таблички: «Болен», «Хирургия», «Осторожно».

В главной смотровой, расположенной у самого входа, находилось несколько собак — здоровых и относительно привлекательных, некоторых из них можно было бы назвать красивыми. Но чем больше мы удалялись от нее, тем страшнее было открывавшееся

перед нами зрелище. Здесь были собаки с зияющими ранами, у некоторых недоставало конечностей, многие были серьезно искалечены. (Двух из них обнаружили в мешках для мусора неподалеку от Кони Айленда; диагноз — множественные переломы).

Бетти Джин и ее соратники могли до бесконечности читать литании над лабрадором, которого нашли умирающим от голода рядом с умершим хозяином; над ретривером, хозяева которого уехали, выбросив собаку на улицу; над пуделем, выжившем, в отличие от своих владельцев, в автомобильной

катастрофе; над метисом бордер-колли, которого использовали для натаскивания бойцовых питбулей; над щенком, получившим тяжелую психическую травму, — его окунули в бензин и подожгли живьем.

В одном из помещений содержались свирепые собаки бойцовых пород: некоторых доставила сюда полиция, кого-то подбросили хозяева, проигравшие очередной матч; здесь были питбули с широкой, словно бочка, грудью, метисы, импортированные из Африки и Азии, покрытый шрамами мастифф. Услышав звук открывающейся двери, они с ревом

бросались на решетки своих вольеров.

— Недолго им осталось, — заметила Бетти Джин.

Нас проводили в помещение, где в ожидании новых хозяев содержались собаки и кошки с легкими заболеваниями. У одних обнаружили болезни кожи, у других — глисты или блохи, раны или ушибы. За лечение, — в том случае, если оно будет успешным, — новый хозяин внесет на счет приюта гонорар в размере 100 долларов.

Спасатели вносят символическую сумму, если собака серьезно больна, и около 40 долларов

за здоровое животное. Бетти Джин подозревала, что администрация приюта скрывает от спасателей самых привлекательных собак, рассчитывая пристроить их самостоятельно и по более высокой цене.

Впрочем, дело не только в финансовых соображениях: муниципальным приютам выгодно иметь возможность предъявить потенциальным клиентам привлекательных животных — это оправдывает их существование и служит хорошей рекламой. Едва ли можно придумать что-нибудь трогательнее очаровательного щенка,

дождавшегося «усыновления». Но трудно рассчитывать на то, что чье-то сердце дрогнет при виде изуродованного питбуля.

Бетти Джин выполняла свое обещание и держалась решительно, почти безжалостно.

— Этих мы возьмем, — она кивком указала на нескольких собак, в том числе на жалкого, облезлого миниатюрного пуделя. — Людям нравятся комнатные собачки. С ними не будет проблем.

— Бетти, — подбежавшая Дениз волновалась, словно ребенок, — там есть собака, которую мы обязаны взять..., — Бетти подняла руку:

— Это питбуль? Угадала?

Дениз что-то забормотала себе под нос, но, в конце концов, кивнула.

— Хватит нам питов! — решительно возразила Бетти Джин. — Я не смогу пристроить их в Монтклере, к тому же их не прокормишь. Люди им не доверяют, хотя это, может быть, и несправедливо. Мы не имеем права связываться с собакой, которую никто не возьмет.

Хотя Дениз питала слабость к так называемым «непригодным» собакам, но отлично понимала, чем руководствуется Бетти Джин: спасатели, вечно испытывающие

финансовые затруднения, годами не могли устроить таких собак. Она не стала настаивать.

Внезапно обе женщины замерли перед большим вольером. В нем находился десятилетний лабрадор песочной масти. Собака страдала тяжелым сердечным заболеванием, а ее хозяин серьезно пострадал в автомобильной аварии. В приют пса сдала дочь хозяев — по ее словам, у нее была аллергия на собак.

Собака умерла, хотя глаза остались открытыми. Наша осведомительница сообщила, что пес целых две недели отказывался от еды.

— Он сдался, — вздохнула она, — не захотел здесь жить. Бетти Джин стиснула губы.

— Мы могли бы за секунду найти ему новых хозяев. Такой пес не должен был умирать здесь в одиночестве. — Часто немолодые собаки просто не могут вынести разлуки с хозяевами и заточения в клетку. Наша спутница ушла, чтобы позвать кого-нибудь вынести труп. Вернувшись, она сообщила, что пит, которого оставили в вестибюле, тоже умер.

Отведя Бетти Джин в угол, она что-то прошептала. Узнав, что задерживаться в приюте

небезопасно, Бетти заторопилась. Администрация могла застать их там, где им находиться не полагалось, и тогда их тайному агенту грозили неприятности. Это было ни к чему, кроме того, она не любила надолго оставлять без присмотра собственных собак. Тем не менее, мы снова отправились в путешествие по лабиринту коридоров, которые вывели нас к тесному помещению, где содержались несколько питов, ротвейлеров и метисов этих пород, — на следующей неделе всех их ждала эвтаназия. Помощница указала на вольер, установленный

выше остальных, — в нем сидел маленький черный, похожий на лабрадора щенок. Плечи и шея щенка были обмотаны бинтами, глаза склеились от засохшей слизи. Прогноз не сулил ничего хорошего: даже неопытному человеку было ясно, что щенок серьезно болен. В прикрепленной к вольеру табличке сообщалось, что собака — женского пола, 12 недель от роду — нуждается в лечении инфицированных ран от собачьих укусов, истощения, обезвоживания и тяжелой формы конъюнктивита. Собаке грозила полная слепота.

— Ее бросили возле коттеджей, привязав к телефонной будке, — с возмущением сообщила сотрудница приюта. — Там ее покусали другие собаки, после чего представители санитарной службы доставили ее к нам.

— Эй, ты, — позвала Бетти. Собачка не ответила. Только мерно вздымающаяся грудь говорила о том, что она еще жива.

— Если можешь, — прошептала наша провожатая, — возьми ее... ради меня. В ней что-то есть. К тому же она такая маленькая. Возможно, ничего не получится, но здесь у нее вообще нет шансов. А вдруг...

На этот раз Бетти Джин не пришлось долго уговаривать.

— Я возьму ее себе и назову Беснадегой.

Поскольку малышка была признана «непригодной» для дальнейшего устройства, никакой бумажной волокиты не понадобилось. «Осведомительница» просто завернула Беснадегу в одеяло и через заднюю дверь вынесла ее к фургону Бетти Джин.

— Черт возьми, мне нечего терять. В любом случае я скоро уйду отсюда, — прошептала она.

— Не исключено, что мы опоздали, — предупредила Бетти

Джин, к которой вернулась ее обычная деловитость. — Я не умею творить чудеса.

Вместо ответа наша провожатая заключила ее в объятия, они тепло прощались, зная, что после трех лет конспиративной работы могли больше никогда не увидаться.

— И все же кое-что нам удалось, — заметила сотрудница приюта.

Бетти, всегда сдержанная в проявлении эмоций, молча похлопала сообщницу по спине. Слова были им ни к чему. Да и времени на сантименты совсем не оставалось.

Через пятнадцать минут Бетти Джин и Дениз в быстром темпе заполняли бланки на восемнадцать собак, — двенадцати уже ввели микрочипы и подготовили к отправке, — и восемь кошек. Часть животных была готова к отъезду, других предстояло забрать через два дня.

К делу подключились остальные члены группы: кошек нужно было рассадить в картонные коробки, собак взять на поводки, поместить в контейнеры и погрузить на машины. В ближайшие дни все они отправятся к ветеринарам: одних нужно стерилизовать, других осмотреть и

сделать прививки, причем все это необходимо проделать перед знакомством с новыми хозяевами.

Через полчаса погрузка завершилась: кошки истошно вопили, собаки лаяли и царапали контейнеры, щенки скулили. Спасатели совершенно выдохлись — и физически и морально.

Бетти Джин выглядела усталой и бледной, даже говорливая Дениз напряженно молчала.

— Мы ненавидим это заведение и не любим приезжать сюда, хотя в этом и заключается наша работа, — призналась Дениз. — Так хочется

взять с собой всех, но, к сожалению, это невозможно.

Бетти Джин кивнула:

— Нельзя не думать о тех, кто остался. Разве мы не понимаем, что, спасая одних собак, приговариваем других к смерти. Нужно просто делать все возможное...

— И еще чуть-чуть, — добавила Дениз.

Бетти Джин, держа на руках завернутую в одеяло Безнадегу, проверяла, как расставлены контейнеры, наполняла водой миски, насыпала сухой корм, успокаивала перепуганных кошек. Трех щенков и трех собак она забирала к себе.

Однако первую остановку группа сделала в закусочной через дорогу. Не выходя из машины, Бетти Джин заказала большой стакан кока-колы и полдюжины гамбургеров, — как выяснилось, она умирала с голоду.

— Я уже два дня не могу поесть по-человечески, — пояснила она, — поэтому сначала просто наемся, а потом буду есть про запас.

Дениз не удержалась от нравоучений:

— Ей вечно некогда поесть. Она кормит только собак, а о себе забывает.

Мне показалось, Бетти Джин немного смутилась:

— У меня нет времени готовить обеды, — отрезала она. — У меня нет времени даже на то, чтобы их есть.

Отъехав от кафе, Бетти проглотила один за другим два гамбургера, запив их солидной порцией колы. Через минуту она объявила, что готова повторить, и заказала еще одну гигантскую порцию колы, шесть бургеров и порцию жареной картошки. Запах готовой еды снес дополнительную ноту в и без того мощную гамму ароматов, заполнявших фургон. Спасатели возвращались в Нью-Джерси, их необычный груз,

собранный на городских улицах, устремлялся к Новой жизни со всеми ее атрибутами — матрасиками, набитыми кедровыми опилками, игровыми площадками и лакомствами.

Что можно сказать о стране, где сложилась такая изощренная, сложная для понимания структура, нацеленная на спасение собак, зато полностью отсутствует какой-либо ее эквивалент, который занимался бы спасением людей, попавших в беду или подвергающихся опасности? Есть ли другие аспекты взаимоотношений человека с животными, которые порождали бы

такое количество моральных проблем, как движение спасателей?

Почему в спасении нуждается такое количество собак и так мало находится людей, готовых избавить их от смерти и принять в свой дом? Не свидетельствует ли этот факт об обратной стороне новой роли собак, становящихся жертвами душевной незрелости человека и его завышенных ожиданий? Или эти собаки представляют собой побочный продукт культуры, которая тиражирует идею любви к животным, но не берет на себя ответственности за перепроизводство этих животных

неизбежно связанные с ним проблемы?

Многие могут возразить, что наше отношение к собакам не слишком отличается от отношения к старикам, психически больным людям, бездомным, часто даже к нашим спутникам жизни, друзьям или партнерам, а также прочим бесчисленным жертвам нашего вероломства. Возможно, собаки — всего лишь еще один из симптомов всеобщей неспособности отвечать за свои поступки.

Впрочем, положение с собаками разительно отличается от ситуации, в которой находятся представители

рода человеческого. Старики, инвалиды и бездомные имеют права, охраняемые законом. Собаки лишены такой защиты. Люди — во всяком случае, теоретически — могут заявить о своих претензиях и желаниях. Собаки не умеют говорить, поэтому от них так просто избавиться, сдав в приют или позвонив в группу спасения.

Для решения проблемы «лишних» животных предлагалось множество вариантов, однако в эпоху экономии общественных ресурсов, когда финансовые вопросы стали предметом ожесточенных дебатов, местные власти не намерены

увеличивать вложения в проекты, ориентированные на сдерживание численности животных, в частности на стерилизацию, обеспечение ветеринарной помощи или создание дополнительных, более гуманных приютов.

Немного найдется других объектов спасения, требующих — и получающих — помощь в таком объеме. Тем не менее, несмотря на все эти усилия и необыкновенную популярность спасательного движения, мы продолжаем ежегодно убивать до пяти миллионов «ненужных» собак.

Энергичные действия, предпринимаемые группой «Спасите животных», не делают погоды. Поданным «Нью-Йорк Таймс» за 2001 год в систему приютов Нью-Йорка попало около 50600 собак и кошек. 36500 (или 72 процента) было уничтожено, — то есть в среднем по сотне в день. Нужно ли удивляться тому, что у Бетти Джин все чаще опускаются руки?

— Дениз вечно твердит, что я слишком много работаю. Но я-то знаю, что работаю недостаточно. Сами видите, нам мало чего удалось добиться.

Постороннему человеку не понять, насколько точно спасатели оценивают состояние приютов. Эти люди, невольно ожесточившиеся, нередко работающие на пределе психических возможностей, обвиняют систему в том, что администрация прячет от них собак, рассчитывая на вознаграждение; лишает надлежащей ветеринарной помощи больных животных; не оставляет шансов агрессивным или запуганным, которых можно было бы спасти, проведя соответствующий курс реабилитации. У них складывается впечатление, что, пытаясь спасти животных от иглы

палача, они ввязываются в бесконечную бессмысленную гонку.

В ответ представители приютов жалуются на нехватку денег, персонала и соответствующего оборудования; на то, что в списке приоритетов налогоплательщики отводят им нижнюю строку. Они задыхаются от множества брошенных, часто больных, иногда агрессивных собак. В довершение всего их осаждают адвокаты Общества защиты животных, агитирующие за бескровную политику, а также спасатели, пытаться угодить которым — пустая затея.

«Группы спасателей отлично делают свое дело. Они не только спасают собак, но и приносят в наши дома любовь и радость, — заявила представитель администрации Монтклера, отвечающая за организацию приютов. — Проблема в том, что порой они ставят интересы собак выше человеческих и требуют сохранить жизнь каждой собаке, независимо от того, насколько она агрессивна и пригодна для жизни у новых хозяев. Но оставлять в живых всех этих собак не представляется возможным — на это у нас нет ни средств, ни помещений. Мы вынуждены выбирать. Кроме

того, — добавила она, — люди сами вправе решать, что нужнее — улучшать обучение в школах или сохранять жизнь собакам и кошкам. Думаю, образование важнее разведения собак».

Действительно, среди спасателей нередко находятся люди, которые постоянно подвергает сомнению деятельность политиков, с презрением отзываються о так называемых «равнодушных» согражданах и даже осуждают заботу о детях, культивируемую в таких городках, как Монтклер. Некоторые в шутку заявляют, что было бы разумно отобрать парки у «наседок» с детьми

и отдать их собакам. С другой стороны, самоотверженность этих людей превращает их миссию в настоящий крестовый поход. Во всяком случае, они убеждены в том, что заставляют остальных американцев по-новому взглянуть на некоторые привычные вещи.

На устройство вновь прибывших у Бетти Джин ушло всего полчаса. Положив Безнадегу в корзину, стоявшую на кухонном столе, — чтобы иметь возможность постоянно присматривать за ней, — Бетти вихрем носилась по дому, в точности воспроизводя утренний ритуал.

Только теперь было заметно, что она устала.

При ближайшем рассмотрении Безнадега оказалась довольно симпатичным щенком, и теперь, расставшись с приютом, имела все шансы превратиться в настоящую красавицу, — разумеется, если ее здоровье пойдет на поправку. Бетти Джин сказала, что будь собака здорова, она не оказалась бы в приюте.

— Может, лучше было бы назвать ее Надеждой, — задумчиво произнесла она, но решила оставить прежнюю кличку — в качестве призыва к действию.

Выбирая кандидатов на спасение, а затем и новых хозяев для них, Бетти полагалась только на собственную интуицию, только на себя — когда нужно было накормить, выгулять, выдрессировать собак. Она сама решала, какой из методов адаптации подойдет в каждом конкретном случае, и, как правило, высказывалась безапелляционно.

Однажды вечером зазвенел дверной колокольчик, вызвав настоящий гвалт: немолодая супружеская пара прибыла взглянуть на Багза — метиса лабрадора и овчарки, две недели назад привезенного из бруклинского

приюта. В первые дни Багз держался робко и настороженно, но теперь, едва его выпустили из вольера, с энтузиазмом устремился во двор. Бетти Джин, питавшая к нему особенную слабость, сама занималась его обучением.

Миссис Бунтон уже несколько месяцев поддерживала с Бетти связь по телефону и вела с ней оживленную электронную переписку. Она сказала, что уговорила мужа согласиться на собаку, а на днях наткнулась на объявление о Багзе на сайте «Спасите животных». Сначала муж сомневался, но она так

упрашивала его, что постепенно сломила сопротивление.

Эллис Бунтон и Багз, названный так за свои большие глаза, казалось, понравились друг другу. Он пытался вспрыгнуть к ней на колени, лизал руки. Однако с Харви Бунтоном контакта не получилось. Пес проигнорировал его и отошел в сторону, не замечая протянутой ладони.

А потом Харви задал свой первый вопрос:

— Сколько вы хотите? На вашем сайте говорится, что вы отдаете собак бесплатно, но обычно в таких

случаях бывают примечания мелким шрифтом...

На мгновение Бетти Джин окаменела, но затем взяла себя в руки.

— Содержание такой собаки как Багз обходится недешево. Обычная компенсация — 70 долларов, — сказала она, — поскольку нам приходится платить в приюте, тратиться на корм, транспортировку, стерилизацию и прививки. Если все остальное вам подходит, но вы не можете позволить себе такую сумму, мы не будем на вас в претензии.

Харви отмахнулся, как будто желая подчеркнуть, что подобные

мелочи не стоят его внимания.

— Иди сюда, парень, — он грубовато окликнул собаку. Багз, по-прежнему неохотно, подошел поближе и сразу вернулся к Элис. Харви посмотрел на него и сказал, что хотел бы подумать и еще раз обсудить все с женой.

— Жаль, что вы ехали в такую даль, — объявила Бетти Джин своим непререкаемым тоном. — Но вы не сможете его взять.

Элис взглянула на нее с недоумением; Харви начал настаивать на объяснениях. Ответ был исчерпывающим:

— Во-первых, я не отдаю собак людям, начинающим с вопроса: «Сколько?». Того, кто действительно любит собак, этот вопрос волнует в последнюю очередь, все знают, что собака — дорогое удовольствие. Если вас беспокоит размер нашего вознаграждения, что же будет, когда вам придется выложить ветеринару двести долларов за прививки? — Харви стоял, медленно багровея. Багз попятился назад к Бетти Джин.

— Во-вторых, на самом деле это ваша жена хочет собаку, а вовсе не вы, это тоже создает проблемы. Такое решение должна принимать вся семья.

— И, наконец, последнее. Я не сомневаюсь в том, что вы — хороший человек, — сказала Бетти Джин, хотя и без особой уверенности, — но ваша кандидатура не кажется мне надежной, а должна бы. Этот пес выдержал серьезные испытания не для того, чтобы снова стать несчастным или перекочевать в другой приют. Поэтому..., — она подошла к двери и распахнула ее перед Элис и Харви, — думаю, вам не помешает взвесить все еще раз. — На этом разговор был закончен.

— Никогда этому парню не видеть моих собак, — пробормотала Бетти, закрыв дверь. Она подошла к

компьютеру и внесла фамилию Харви в черный список — после фамилии женщины из Верхнего Монтклера, звонившей с вопросом, нет ли у спасателей собаки, которая подошла бы к ее новому дивану цвета ржавчины.

Члены группы спасателей получают сообщение об этой паре, и кто-нибудь все-таки отправит к ним инспекторов, чтобы те осмотрели дом и убедились в том, что все в порядке. Бетти Джин было о ком позаботиться, а через несколько дней из Бруклина должны были прибыть новые собаки. Конечно, освободившаяся клетка оказалась бы

очень кстати, но она не смогла отмахнуться от своих убеждений о необходимости доверия, ответственности и болезненно навязчивого желания увидеть Багза счастливым, нужным и любимым.

На следующий вечер я начал понимать, почему ее жизнь сложилась именно так, а не иначе.

Бетти Джин не поощряла внимания к своей персоне — «Все это не имеет отношения к собакам», — но все же, хотя и неохотно, поделилась некоторыми фактами из своего прошлого. Она выросла в Германии, и там в 1940-е годы вся ее семья погибла, — она так

и не сказала, как это произошло. Спасаясь от бомбежек, Бетти переехала из города в соседнюю деревню, где ее и нашло письмо от родственников из Соединенных Штатов. К письму прилагался билет на самолет. У нее почти не сохранилось воспоминаний о детстве, да она и не жалела об этом:

— Я помню только, что жизнь была нелегкой, к чему же снова ворошить прошлое? Вряд ли мне удастся вспомнить что-нибудь хорошее.

В Америке она вышла замуж за рабочего сталелитейного завода и родила троих детей — двух сыновей

и дочь. Они с мужем частенько сидели без работы и непрерывно ссорились. В 1984 году он, наконец, ушел — через два года после того, как она организовала одну из первых спасательных групп в Нью-Джерси. Бетти Джин терпеть не могла нытье и жалобы и испытывала отвращение к сугубо американской манере раскрывать душу перед посторонними людьми: «другим еще хуже».

Она редко виделась со своими детьми и четырьмя внуками, хотя они жили практически по соседству. Дочь звонила каждую неделю — «она упрямая, такая же, как я», — и

просила Бетти посидеть с двумя ее детьми. Бетти неизменно отвечала ей одно и то же: говорила, что ужасно занята, поэтому придти не сможет.

— Я справлялась с ними сама, а теперь настала их очередь, — сказала она, пожимая плечами. — Все мое время и силы уходят на собак. К тому же их нельзя надолго оставлять одних. — Сыновья Бетти, видимо, обиделись на мать и звонили редко.

— Я делаю то, что должна, — твердила она, словно мантру. И все же на стенах гостиной я заметил довольно много фотографий ее детей и внуков.

Бетти, необычайно щедрая в отношении денег и собственного времени, когда дело касалось проблем ее группы, могла показаться мелочной, чуть разговор заходил о собственной семье, скептически относившейся к делу ее жизни.

— Им просто нужна нянька. А я не хочу в нее превращаться, — решительно заявляла она. — И не могу позволить себе постоянно звонить внукам. Я вынуждена экономить — деньги мне нужны на звонки по поводу устройства собак, на то, чтобы помещать их снимки на сайте и отвечать на приходящие сообщения. Понимаете, у меня

просто нет на это времени. Я не успеваю даже поесть или сходить в магазин. У меня нет времени на собственных собак.

Она не преувеличивала: при таком образе жизни у нее действительно не оставалось ни одной свободной минуты.

Бетти целыми днями возилась с Безнадегой и, чтобы не прерывать лечения, даже брала ее с собой на работу в матерчатой перевозке. Благодаря неусыпной заботе и лекарствам, подаренным сердобольным ветеринаром, глаза у бедняги, в конце концов, очистились. Но во всем остальном ситуация не

менялась — она по-прежнему почти не двигалась и не ела, никак не реагировала на многочисленные лекарства и витамины. Бетти Джин в буквальном смысле кормила ее с ложки, вот и теперь малышка безвольно, словно тряпка, висела у нее поперек коленей, а Бетти массировала ей спину.

Судьба Дании — белого лабрадора, которого она нашла в приюте Бруклина и оставила себе, — сложилась более удачно.

Вечером, как только открылась дверь спальни, он выбежал навстречу Бетти, и они несколько минут приветствовали друг друга

поцелуями и объятиями, пока она не отправила его обратно, — настало время заняться остальными собаками и ответить на электронные послания.

— Эти последние минуты перед отходом ко сну — мое любимое время суток, — призналась она, улыбнувшись, что нечасто себе позволяла. — Мы с собаками забираемся в постель, и я рассказываю им, как прошел мой день, а они в ответ рассказывают мне о себе. Я люблю эти мгновения, но обычно проваливаюсь в сон, не успев даже выключить свет.

Два раза в год Бетти Джин шла на некоторые уступки своему семейству. В первый раз она брала короткий отпуск, чтобы вместе с родными совершить ежегодную поездку на побережье — на единственный летний денек. Во второй — принимала приглашение дочери на рождественский ужин. Их встречи нельзя было назвать непринужденными: вероятно, родственников раздражало, что она так глубоко увязла в своей спасательской деятельности. Да и сама Бетти постоянно нервничала, беспокоясь об оставленных без присмотра собаках.

— Что если прорвет водопровод? Или начнется пожар? — раздраженно спрашивала она, как будто каждый был обязан понимать, какой опасности подвергались ее питомцы, брошенные ради семейных мероприятий. С другой стороны, Бетти Джин не имела возможности собрать родню у себя, — ее дом был неподходящим местом для маленьких детей. Положение казалось безвыходным.

Бетти с плохо скрытой тоской взглянула на фотографию внуков, стоящую на столе в гостиной. — Мне даже не на что их посадить. К тому же пришлось бы следить за ними

каждую секунду. А если что-нибудь случится? Если их покусают? — она даже вздрогнула, представив реакцию своих детей.

Так было не всегда.

— Мы были счастливы — в этом самом доме. Путешествовали, встречались с друзьями, но это было так давно. — В ее глазах появилось мечтательное выражение. Бетти вспоминала о своей жизни, словно рассказывала о другом мире, таком далеком от повседневных забот.

— Дети неплохо знают меня. — Она стряхнула с себя мечтательность. — Они понимают, что я выполняю свой долг. Всю

жизнь мне пришлось проработать в конторе, считать часы и терпеть мерзких начальников, но моя истинная жизнь, моя настоящая работа — собаки.

После назойливых просьб она согласилась рассказать о том, как все это началось. Тогда, двадцать лет назад, у нее даже не было собственной собаки. Но однажды возле ее дома появилась маленькая бурая дворняжка. Собака была бродячей и, очевидно, голодной, Бетти отдала ей недоеденный гамбургер. Затем отвела ее в местный приют — для Бетти это было первым знакомством с подобным

учреждением. Она была так потрясена увиденным, что не смогла оставить там собаку. И записалась добровольцем на один день в неделю, потом стала работать по два дня, потом по три.

— Я поняла, что всегда мечтала именно о такой работе, — вспоминала Бетти. Эту историю — с незначительными вариациями — вы услышите от любого спасателя.

Каждому из них рано или поздно на жизненном пути встречается собака. Потом они записываются в добровольцы, начинают приводить собак домой, подыскивают им хозяев.

— Если бы тогда я могла себе представить, во что это выльется, — повторяла Бетти, — наверное, я оставила бы ее на улице.

Она понимала, и это было видно по ее словам, что работа с собаками подчинила себе всю жизнь. Другие члены группы отгоняли в ремонт ее машину, — сама Бетти забывала об этом, как забывала продлевать права. Ей периодически отключали телефон, — она нередко забывала оплатить счета или вовремя отправить чек. Впрочем, со страховкой на дом все было в порядке, хотя одному Богу известно, как поступила бы страховая

компания, вдруг обнаружив здесь такую прорву собак.

Из-за собак дом никогда не пустовал, поэтому сделать необходимый ремонт не представлялось возможным, на стенах оставалась та же самая краска, что и сорок лет назад. Бетти целую вечность не была в кино. Честно говоря, телевизор она тоже не смотрела, потому что возня с собаками продолжалась в режиме нон-стоп вплоть до девяти часов вечера, когда она без сил валилась в кровать.

Единственный отпуск, который она позволила себе с начала 1970-х,

они с Дениз провели в Юте, куда ездили по приглашению общества «Прибежище наших друзей». Руководитель группы спасателей приобрел там громадный участок земли и устроил приют, вместивший около 1800 собак и кошек, собранных по всей стране. Некоторых из них планировалось передать новым хозяевам, для других приют стал постоянным домом. Бетти уверяла меня, что это был лучший отпуск в ее жизни.

С особенной теплотой она вспоминала подразделение этого общества, носившее название Догтаун, где имелся собственный

муниципалитет и центр поиска новых хозяев. На сайте Догтауна все послания адресовались самим собакам:

«Через несколько дней у тебя начнется другая жизнь. Рядом с тобой будет группа из пяти-шести собак, и ты подружишься с ними. Вы будете играть, получать вкусный завтрак по утрам и ужин вечером. Ты сможешь гулять, дремать после обеда, за тобой будет ухаживать специально предназначенный для этого сотрудник. Тебя ждут миллионы гостей, обожающих поцелуи и другие нежности. Многие из них мечтают сфотографироваться

с тобой и с нетерпением ждут того момента, когда смогут увидеть тебя и твоих приятелей.

Наверное, мир не так ужасен, как можно подумать», — такой вывод был помещен под посланием.

Бетти улыбнулась:

— Там никого не усыпляют. Как бы мне хотелось тоже организовать что-нибудь подобное.

Вероятно, описание Догтауна позволяет нам понять много больше, чем рассчитывали его создатели, и наиболее точно отражает главную идею спасателей: пусть не в наших силах построить совершенный мир для себя, но можем попытаться

создать такой мир для наших питомцев.

Вскоре после этого разговора соратники Бетти рассказали, как в один из ярмарочных дней к ним пришел ее родственник, который намеревался взять собаку, а она так разнервничалась, что спряталась в машине и долго не решалась выйти.

Бетти скупно, в нескольких словах описала события той ночи, когда ее родители погибли под фашистскими бомбами. Они как раз собрались ужинать и сидели за столом. На ее глазах вся прежняя жизнь разлетелась на кусочки. Выйдя замуж, она потеряла связь с

оставшимися родственниками и никогда не делала попыток восстановить контакт.

Но когда я попросил ее рассказать об этом подробнее, Бетти равнодушно пожала плечами и ответила, что в ее прошлом нет ничего интересного. Она жила настоящим.

За два дня до Дня благодарения человек десять активистов группы собрались на ланч, — это единственный день в году, когда они встречаются во плоти: в обычные дни или приходится довольствоваться общением по электронной почте, по телефону или

краткими контактами во время пробежек по знакомым, цель которых — пристроить очередную собаку.

Встреча происходила в одном из пригородных ресторанов соседнего городка. Заведение было из тех, где блюда готовят из полуфабрикатов, а старомодный псевдо-декор делает рестораны сети неотличимым друг от друга. Однако из-за удобного расположения спасатели выбрали его для ежегодных встреч.

Ланч был не просто праздничным обедом, но и возможностью воздать должное заслугам Бетти Джин. Дениз в шутку

заметила, что благодаря этой традиции они могут проследить за тем, чтобы Бетти хотя бы раз в год нормально поела. Каждый из присутствующих принес для нее какой-нибудь подарок или открытку. До всех уже дошли слухи о ее слабом здоровье. Она страдала желудочными спазмами и выглядела измученной. Откровенно говоря, к угощению она почти не притронулась.

Обстановка была неофициальной, гости держались непринужденно, хотя, на мой взгляд, мероприятие несколько скомкали. Впрочем, почти всем присутствующим предстояло

вернуться к своим служебным обязанностям, к тому же гости были не слишком хорошо знакомы друг с другом, хотя это не мешало им вести оживленную беседу, — разумеется, речь шла о собаках.

На одном конце стола две женщины обменивались жуткими историями о городских приютах. Посередине обсуждались проблемы, связанные с воспитанием «запущенных» собак — кусачих, грызущих мебель, убегających от хозяев.

Каждый член организации имел собственную сферу деятельности. Дениз, Энди и Патрисия — члены

транспортной группы — целыми днями объезжали приюты, выдерживая настоящие битвы с чиновниками, доставляли спасенных собак в ветеринарную клинику, а затем к новым хозяевам.

Инспекторы из группы проверки — за столом их было трое — бурно приветствовали подошедшего к ним ветеринара Джаннисси, работающего в тесном контакте с ними. В обязанность инспекторов входила проверка потенциальных хозяев. Они посещали их дома или квартиры, дабы убедиться что клиенты — законопослушные, состоятельные люди, словом, будущим хозяевам

уделялось внимания не меньше, чем собакам. Не слишком ли большое значение будущий хозяин придает окрасу или внешнему виду собаки? Согласны ли другие члены семьи завести собаку? Не кажется ли кто-нибудь из них грубым и невыдержанным? Остается ли кто-нибудь дома днем, когда все остальные на работе? Есть ли при доме участок земли? Может быть, поблизости имеется парк? Хватит ли будущим хозяевам денег на содержание собаки? И самое главное — достаточно ли у них терпения?

Одна из инспекторов рассказала Джаннисси о том, как неделю назад

ей пришлось забрать собаку у новых хозяев: она узнала, что эта пара дала ложные сведения о своей работе, — они вовсе и не работали на дому, напротив, отсутствовали целыми днями, иногда до глубокого вечера. Пат ждала под дверью, пока они не вернулись — около девяти часов вечера, — и увела собаку прямо у них из под носа.

В Монтклере, как и в большинстве других городов, количество собак, которых можно содержать в одной семье, ограничено законом (не больше четырех), но работающие воспитателями Одри и ее четырнадцатилетняя дочь Мэгги

некоторое время держали у себя целых пятнадцать, хотя такая ситуация нетипична. Городские власти не имеют обыкновения вламываться в дома и пересчитывать собак, поэтому проблем у спасателей почти не бывает, разве что соседи пожалуются.

— Для нее это большая удача, — Одри говорила о своей робкой молчаливой дочери, сидевшей рядом. — Она мало общается со сверстниками и целыми днями сидит дома. Ей нравится эта работа..., — Мэгги кивнула. Когда я попытался задать ей несколько вопросов, за нее отвечала мать.

В отличие от некоторых других спасателей работа воспитателей не связана с разъездами, однако с эмоциональной точки зрения они измотаны не меньше. На их попечение передают больных животных, собак с психическими травмами или агрессивных, нередко необученных и не прошедших курс социализации. Воспитатели дают клички своим подопечным, окружают их заботой, обучают, наблюдают, играют с ними, адаптируют к различным жизненным ситуациям. Миссия воспитателей заключается в подготовке собаки к передаче новому хозяину, после чего

они некоторое время навещают бывших воспитанников. Порой на реабилитацию уходят годы, однако в 95% случаев они добиваются успеха.

Только неизлечимо больные или действительно опасные собаки подлежат уничтожению, и с такими случаями спасателям приходится сталкиваться три-четыре раза в год.

Через руки воспитателей проходит большое количество животных с разнообразным, порой нетипичным, жизненным опытом и пристрастиями.

— Помните Энджел, которая погрызла стену и диван, а потом сжевала запасную крышу? —

вспоминали спасатели. — А Скутер? Он перепрыгнул через невысокую перегородку на почте и, оказавшись в служебном, помещении успел слопать изрядную часть почтового мешка, пока его не оттащили. (Одри до сих пор объясняется с Почтовой службой по поводу инцидента с мешком). А тот пес, который все пытался укусить Одри, но, в конце концов, она добилась его расположения? Неожиданно Мэгги расплакалась, и все бросились ее утешать. Бетти Джин, от внимания которой ничто не ускользало, поинтересовалась, в чем дело.

Одри догадалась сразу. Они потратили целых два года на курс социализации, прививая необходимые навыки злобной дворняжке по кличке Пульман, перекусавшей чуть ли не десяток человек, в том числе Одри и ее тогдашнего мужа. Даже Бетти готова была отступить, но Мэгги ежедневно по несколько часов занималась с собакой, кормила и гладила его, выводила на прогулку и обучала, читала ему сказки и сидела у вольера.

Все присутствующие помнили его самого и его дурной характер, но

Мэгги верила в Пульмана и, в конце концов, завоевала его доверие.

Неписаное правило воспитателей гласит, что любые отношения с подопечными носят временный характер. Дом волонтера — лишь полустанок на нелегком жизненном пути этих собак. Поэтому в назначенный день Одри и Мэгги выкупали преобразившегося Пульмана, чтобы придать ему презентабельный вид и доставить на смотрины. Но тут явился бывший муж Одри. Оказалось, что, войдя, он не запер дверь на задвижку. Пульман молнией метнулся за дверь и погиб под колесами автобуса.

Бетти Джин подошла к Мэгги и погладила по плечу.

— Не забывай о том, сколько собак ты спасла, и все они живы и здоровы.

Но Мэгги продолжала рыдать. Одри наклонилась к дочери и что-то прошептала ей на ухо, поглаживая по спине. Через некоторое время девочка успокоилась, и праздник пошел своим чередом.

Со всех сторон до меня доносились обрывки собачьих историй, спасатели перебрасывались ими, словно игроки в мяч, дождавшиеся решающего матча.

Они чувствовали себя в родной стихии. Только Мэгги — ведь она была еще ребенком — принимала все услышанное близко к сердцу, тогда как для остальных грубые, часто жестокие подробности собачьей жизни и смерти были обыденной реальностью. — Для собак мы как санитары, — сказала Одри, — нам приходится видеть все.

Бетти Джин достала припасенные заранее недорогие подарки и уже вручила Мэгги свое подношение — флакончик одеколона, к донышку которого была прилеплена наклейка дешевого магазина. Никто не удивился, — все

знали, что Бетти стеснена в средствах, — наоборот, собравшиеся с восторженными возгласами принимали от нее безделушки, однако самые главные подарки были припасены для самой Бетти.

В этом году члены общества решили подарить его основательнице сертификат закусочной «Уайт Касл», дающий право на получение сотни гамбургеров, оплаченный чек местного зоомагазина на три контейнера для собак, чек ветеринарной клиники на общую сумму 1000 долларов («этих денег хватит мне на целых три недели», — хихикнула Бетти), упаковку лизола,

три коробки бумажных полотенец, два пакета корма для щенков по 18 кг каждый. Последнее подношение привело Бетти в полный восторг.

— Вот это действительно кстати! — воскликнула она. — Как раз то, что нужно!

Невозможно было не заметить, с какой любовью относятся к Бетти ее подруги, как они уважают ее, какой окружают заботой, как восхищаются ее решительностью, которую она доказала, в корне изменив свою жизнь и посвятив ее спасению потерянных душ собачьего мира. Она поистине была центром группы.

Закончив раздачу подарков, Дениз постучала ложечкой по краю своего бокала. В парадном красно-зеленом свитере и пластмассовых бусах она напоминала начинающего конференсье. Спасатели не были искушены в красноречии и понимали, что Бетти неловко чувствовать себя объектом всеобщего внимания.

— Я постараюсь быть краткой, — произнесла Дениз, — потому что знаю, насколько все заняты. Хочу поздравить вас с Днем Благодарения, а заодно и с Рождеством. Большое спасибо всем за работу! Особую благодарность я

выражаю Бетти Джин — за то, что она так много трудится и обладает такой щедрой душой, что сама стала душой нашего Общества. Я назвала бы ее святой. Да, именно святой. Да благословит ее Господь!

Присутствующие подняли бокалы. Бетти Джин смущенно кивнула. Дениз по секрету шепнула, что Бетти слишком застенчива и никогда не выступает сама. Тем не менее, она дважды обошла вокруг стола, лично поблагодарив каждого за нелегкий труд.

Я знаю по собственному опыту, сколь больших усилий стоит спасение единственной собаки,

поэтому достижения группы «Спасите животных» произвели на меня огромное впечатление. В прошлом году они спасли от гибели больше пятисот собак и нашли новый дом почти для каждой из них.

Суббота была приемным днем. В это ясное предрождественское утро жители Монтклера прогуливались с колясками, готовили воскресный завтрак или изучали заметки в «Нью-Йорк Таймс», но Бетти поднялась раньше обычного. У спасателей наступил горячий период: в последнее время все больше родителей намеревалось в Рождество порадовать своих детей живым

подарком, и двухэтажный домишко Бетти кишел собаками.

В эту субботу она устроит распродажу у входа в зоомагазин, а на следующей неделе — на музыкальном фестивале, ежегодно устраиваемом в местной школе. Это было не совсем законно, — она не оформила соответствующего разрешения, — но в Рождественские праздники власти смотрят на такие нарушения сквозь пальцы. Верная Дениз вместе с Одри и Мэгги обещали оказать посильную помощь.

— Для нас это горячие деньки, — сообщила Бетти, — придется попотеть.

В приемные дни суесться приходилось больше, чем перед поездкой в приют. Бетти нужно было не только накормить собак, раздать им лекарства, налить воду и выгулять, но и решить, кого пора отправить на смотрины.

Этот вопрос всегда превращался в серьезную дилемму. Можно было привезти серьезных кандидатов — метисов питбуля и ротвейлеров, на которых часто находились претенденты, — или кого-нибудь попроще: пуделей, метисов лабрадора и щенков, которых разбирали особенно охотно. Однако их не должно быть слишком много,

иначе более серьезные собаки рисковали остаться без дома. Впрочем, если привезти только крупных собак, у людей может сложиться впечатление, что им навязывают слишком больших и опасных животных.

Один контейнер, накрытый одеялом, уже стоял в машине. Бетти покосилась на меня с неожиданным лукавством.

— Это сюрприз.

Началась сумасшедшая гонка. Она сновала туда и обратно с кормом, водой, мазями и таблетками, открывала вольеры, выпускала и загоняла собак, ворковала над ними,

утешала, подбадривала. Приемные дни — нелегкое дело, нужно не забыть оставить место для тех, кто вернется обратно.

— Каждый раз мне так трудно прощаться, — призналась она. — Обычно я так и не могу решиться, не могу даже взглянуть на них в последний раз. Неудивительно — ведь мы столько времени провели под одной крышей.

Без пятнадцати девять погрузка завершилась. В картонных коробках с отверстиями для вентиляции сидели три кошки, а в четырех контейнерах, искусно втиснутых в фургон, разместилось семь собак.

Бетти зашла в гараж и вытащила деревянную табличку с выцветшей надписью: «Сегодня у вас есть шанс найти себе друга». Затем налила воды в кувшин, насыпала сухого корма в пластиковую коробку, сгребла миски и игрушки.

— Людям нравится, когда собаки играют.

По дороге к зоомагазину Бетти думала, кому какая собака подойдет и что она расскажет о каждой: Сэмми — метис лабрадора — ласков с женщинами, что же касается мужчин, то тут как повезет. Хэм — щенок ротвейлера — приветлив с людьми и другими собаками. Шторм,

получивший свою кличку неспроста, любит побегать и нуждается в пространстве и таком хозяине, который сможет уделять ему время среди дня. Пиклз — помесь дворняжки и колли — идеальная собака для квартиры: он немолод и не особенно энергичен. (Бетти призналась, что в тех случаях, когда происхождение собаки представляется спорным, она называет их лабрадорами или ретриверами: за этими породами закрепились репутация спокойных и миролюбивых). Специальных речей о кошках Бетти не составляла, — как правило, люди, решившие завести

кошку, не нуждаются в рекомендациях.

Под дружный лай, завывания и мяуканье мы свернули на стоянку зоомагазина. Бетти зашла внутрь, чтобы поблагодарить дирекцию за поддержку, — хозяин магазина постоянно посылал ей пакеты кормов, уцененные игрушки, шампуни и флаконы дезинфицирующих средств.

Второй прибыла Дениз, а вскоре и Одри с Мэгги и немолодым золотистым ретривером, только что прошедшим курс реабилитации.

Мэгги ласково вывела его из контейнера и присела рядом с ним.

Пес, только что вымытый и расчесанный, лизнул ей руку и повилял хвостом. Проходившие мимо пожилые супруги — обоим было около шестидесяти — немедленно влюбились в собаку и были переданы в руки Дениз и Одри для допроса с пристрастием.

Никто из тех, кто брал собаку в Обществе, не мог уклониться от исчерпывающего отчета о своей жизни, привычках, настроениях и жилищных условиях. Возражавших против вторжения в личную жизнь — а таких находилось немало — вежливо просили обращаться в другие организации.

— Что тут такого? Ведь это всего лишь собака! — Услышав такие слова, спасатели немедленно прекращали дальнейшие разговоры.

Эта пара отбор не прошла: у них оказалась крошечная квартирка, не было двора, к тому же оба часто болели. Бетти Джин воспользовалась правом вето: кто позаботится о собаке, если они расхвораются? Псу и так пришлось нелегко.

Даже когда Бетти соглашалась, процесс «усыновления» занимал несколько дней, в течение которых дом потенциальных хозяев посещали инспекторы с целым списком новых вопросов. Процедура была тщательно

продумана и позволяла претендентам взвесить все «за» и «против».

Бетти решила, что женщина, заинтересовавшаяся одним из щенков, «не подходит» — редко бывает дома. Тем временем подошла молодая пара из Вермонта — они хотели взять щенка ротвейлера, фотографию которого видели на сайте. Молодые люди оказались владельцами пяти акров земли в сельской местности. Продано.

Массивная дама с пышным начесом и в туго обтягивающих брюках, никогда прежде даже не смотревшая на собак, взвизгнула от восторга, заметив Чарли — тучного,

слюнявого пожилого бульдога, безуспешно участвовавшего в добром десятке подобных ярмарок. Через минуту они уже вовсю обнимались, не скрывая своих чувств.

— Итак, — объявила Бетти за несколько минут до полудня, — настало время для сюрприза. — Она вытащила из машины завешенный контейнер, сдернула с него одеяло и просияла.

— Безнадега! — Бетти театрально, словно стоя на сцене перед полным залом, затаившим дыхание, взмахнула рукой. Не назови она собаку по имени, никто из нас не узнал бы ее. Глаза очистились,

повязки исчезли, малышка выглядела оживленной и общительной, как и положено щенку лабрадора; стоило кому-нибудь пройти мимо клетки, — неважно, на двух или на четырех ногах — как ее хвост тотчас же приходил в движение. Когда Бетти открыла контейнер, Безнадега прыгнула ей на руки и облизала лицо. Не считая нескольких шрамов, она выглядела совершенно здоровой. А какова цена успеха... Едва ли кто-нибудь узнает об этом.

Через минуту, словно повинуюсь невидимому сигналу, рядом с Бетти оказалось семейство из четырех

человек — отца, матери и двух близнецов-семилеток.

Ей хватило одного взгляда, чтобы понять — это то, что нужно. Хэнк Шустер, глава семейства, был типичным служащим с Уолл-стрит. Он работал в городе. Его жена Глория, учитель по профессии, в настоящее время сидела дома с детьми. Животных у них не было, зато имелся просторный двор, который они обязались — в письменной форме — обнести оградой, чтобы Безнадега не смогла сбежать.

Их поставили в известность о том, что они должны стерилизовать

собаку, в противном случае ее заберут инспекторы Общества. Они с готовностью согласились уплатить положенные семьдесят долларов и предложили еще сотню в качестве пожертвования. По собственной инициативе оба высказались за необходимость курса дрессировки, чтобы щенок — который, как они догадывались, вырастет в крупную и мощную собаку — познакомился с правилами поведения в обществе.

Для Бетти этот вопрос имел решающее значение — обычно именно необученные собаки возвращаются обратно. Прозондировав почву, она убедилась,

что родители не станут всерьез рассчитывать на то, что ответственность за собаку можно будет переложить на детей, которые, без всякого сомненья, спустя день-другой вернутся к своим компьютерам и мультфильмам.

Ни один из членов семейства Шустеров не был похож на заносчивого упрямца или привереду. Наоборот — все сидели на асфальте, увлеченно тиская щенка. Безнадега, охваченная радостным возбуждением, вылизывала их и вертела хвостом. Вероятно, никогда в своей короткой несчастливой жизни она не пользовалась таким

вниманием. Шесть недель, проведенных у Бетти, не в счет. Я получил еще одно свидетельство удивительной способности собак восстанавливаться в благоприятных условиях.

Бетти протянула Хэнку Шустеру кипу бланков для заполнения:

— Приступим к бумажной волоките. Думаю, все будет в порядке.

Через несколько минут близнецы драматически распрощались с Безнадегой, вернувшейся в свою клетку — до тех пор, пока инспекторы не осмотрят ее будущий дом.

У Хэнка Шустера возник какой-то вопрос, он обернулся к Бетти. И не увидел ее.

Она нырнула в фургон — «только на секундочку» — и сидела за рулем, прижимая к глазам платок.

IV

Больше чем друг

Каждый день в 4.40 утра — идет ли дождь или снег, сияет ли солнце — в спальне раздается негромкий сигнал будильника. Роб Кочран встает, осторожно поглаживает

больное колено, перенеся на него вес всех своих 100 кг, и морщится — первый шаг всегда дается с трудом. На цыпочках, чтобы не разбудить жену и троих детей, он крадется по коридору в ванную, натягивает прогулочные туфли, потрепанные джинсы и рубашку поло, а затем куртку или парку — в зависимости от погоды.

Он спускается в прачечную и, отперев дверь, выпускает собаку — такую огромную и черную, что ее легко принять за медведя.

Чероки всегда радуется встрече с Робом; он возбужденно прыгает на дверь и стены прачечной, а потом

бросается к миске, стоящей на кухне. Обнаружив, что она пуста, принимается лаять, чем может разбудить мертвого, не говоря уже о спящих домочадцах. Через минуту начинает булькать кофеварка. Роб заправил ее накануне вечером: после возвращения с прогулки ему будет некогда возиться с кофе.

Он должен вернуться не позднее 6.30, — нужно принять душ, переодеться, собрать бумаги, а потом рысью пробежать пять кварталов, чтобы успеть на автобус до Манхэттена, где Роб был старшим партнером в процветающей адвокатской конторе,

специализирующейся на уголовном праве.

Последние несколько лет сложились для Роба удачно, и он смог позволить себе этот дом в тюдоровском стиле с шестью спальнями и четырьмя ванными комнатами — покупка обошлась ему в 600 тысяч долларов. Однако за успех, как водится, пришлось заплатить нескончаемыми рабочими днями, стрессами, непрерывными звонками — сотовый телефон никогда не отключался — и «домашними заданиями» едва ли не на каждый вечер.

Он работал по дороге на службу и возвращаясь домой.

— Мы настолько загружены, что пришлось удлинить рабочий день на три часа, — скорбно жаловался он, — и никто нам их не оплатит.

Несмотря на постоянный стресс, Роб выглядел преуспевающим, уверенным в себе импозантным мужчиной и был в завидной форме, учитывая его сорок восемь лет и больное колено. Впрочем, ему не удавалось избавиться от небольшой живота, каким, впрочем, обзавелось большинство его друзей и соседей, — таковы издержки сидячей работы.

Он никогда не жаловался на свою загруженность, считая это неприличным, но действительно очень уставал.

— Клиенты должны считать меня крутым парнем, судья тоже должен думать, что я крутой. И что бы там ни было, я обязан вести себя, будто я действительно такой, как они думают.

Роб был, как это принято называть, «настоящим мужчиной» — такому лучше не становиться поперек дороги. Он мало говорил, а если и высказывал свое мнение, то делал это без лишних церемоний. Словом, он был не из тех, с кем

можно обсудить последние новости или результаты спортивного матча.

Может быть, с друзьями он вел себя по-другому?

— Друзья? У меня нет времени на друзей.

Каждое воскресенье, вернувшись после мессы, он созванивался со своими братьями, разъехавшимися кто куда (родителей уже не было в живых).

Энергичный и напористый Роб довольно охотно рассказывал о своей семье. Как истинный представитель нового поколения отцов, в общении с детьми он проявлял куда больше теплоты и сердечности, чем его

предшественники, но все же считал, что недостаточно близок с ними.

— Иногда я боюсь, — признался он, сдавшись под моим упорным натиском, — что дети будут все больше отдаляться от меня, как случилось у нас с моим отцом. Надеюсь, мы все-таки сумеем этого избежать.

Роб пытался быть в курсе интересов сына и дочерей, регулярно спрашивал, все ли у них в порядке, однако не без зависти признавал, что только жена знала все подробности их жизни.

Джуди любила их деревянный оштукатуренный дом с широкой

лужайкой и просторным задним двором. Объединившись с экономкой, приходящим садовником и декоратором, она взялась обновить его — внутри и снаружи. На ухоженном, со вкусом обустроенном участке царил идеальный порядок, нигде не было видно разбросанных консервных банок, сорняков или сложенных в кучи веток.

Доходы Кочранов превышали средний уровень, хотя дома стоимостью 600 тысяч долларов теперь не считаются в Монтклере редкостью. Согласно общепринятым традициям, жизнь семейства была сосредоточена вокруг детей. Их

малолитражка и минивэн непрерывно курсировали по привычным маршрутам, развозя детей то в спортивные клубы, воскресную и музыкальную школы, то на вечеринки; гараж был забит горными велосипедами, санями и лыжами, а спальни на втором этаже — компьютерами.

Не считая редких появлений на воскресных спортивных праздниках, Роб почти не принимал участия во всех этих событиях.

— Я даже не смог бы найти туда дорогу, разве что до футбольного поля или школы, — признался он. Его пример отлично иллюстрировал

скрытую иронию жизни Монтклера: несмотря не все дебаты вокруг социальной роли полов и борьбу за новую структуру семьи, мужчины по-прежнему редко бывают дома. Разумеется, такое положение вещей частично объясняется экономическими причинами: жизнь в Монтклере постоянно дорожает, поэтому — хотя во многих семьях работают оба родителя — мужчины, зарабатывающие, как правило, больше, проводят на работе практически все свое время. Даже в городе, где другие социальные перемены бросаются в глаза, кое-что осталось по-прежнему.

Причиной столь раннего пробуждения Роба являлся добродушный, энергичный и вечно голодный лабрадор двух лет от роду. Каждое утро они с Робом совершали продолжительные прогулки в парке Миллз. Роб в шутку говорил, что подписал с собакой контракт: в обмен на ежедневный моцион пес сквозь пальцы смотрит на его длительное отсутствие, молчаливость, грубости, которые он иногда допускает, и другие недостатки. Роб подчеркнул, что как настоящий мужчина относится к контракту серьезно и ждет такого же отношения от собаки.

Роб нежно любил Чероки — кличку он позаимствовал из вестерна со своим любимым Джоном Уэйном — и, когда глядел на него, неизменно улыбался.

Он считал Чероки красивым и ласковым псом, но особенно ценил в нем верность и был убежден, что собака по определению самый преданный и близкий друг, — не каждый мужчина может похвастаться такой дружбой.

— Он пойдет за меня под пулю, — с гордостью говорил Роб. По его словам, Чероки был чистопородной собакой, наделенной сильным характером и мощными

охотничьими инстинктами. В действительности, преобладающим качеством Чероки следовало считать его общительность. Он отличался крайним добродушием, хотя если бы кто-нибудь решил нарисовать на него карикатуру, в кружке над головой следовало бы написать: «Еда!» Чероки был из тех собак, для которых еда — больше чем источник пищи.

Своим происхождением эта порода обязана суровому и беспощадному климату северной Канады (на самом деле, лабрадоров вывели на Ньюфаундленде). До того как их привезли в Англию и начали

разводить, собаки помогали рыбакам вытаскивать сети с рыбой и рылись в отбросах в поисках пищи — они никогда не страдали привередливостью. И в наши дни лабрадоры готовы съесть все, что хотя бы отдаленно напоминает съестное, а также многое из того, что съедобным не является вовсе. Ветеринары Монтклера расскажут вам множество историй о том, что им приходилось извлекать из желудка лабрадоров.

— Это умные собаки, — сказала Бренда Кинг, ветеринарный врач, вынимавшая по четвергам — в свой операционный день — из лабрадоров

мячи, кости, консервные банки и даже камни, — но когда дело касается еды, они поразительно глупеют.

Чероки не был исключением и уже перенес две операции, поскольку был способен съесть все, что помещалось у него во рту. Он вечно вынюхивал на земле объедки, рылся в мусоре, подбирал гусиный помет в парке, прыгал на прохожих, несущих продукты из магазина. Он грыз открытые коробки с хлопьями и консервные банки с тунцом, целиком проглатывал апельсины и уничтожил фонарик из тыквы, оставленный на крыльце в честь Хэллоуина.

Широкогрудый мощный пес, предназначенный для охоты и продолжительных походов, Чероки нырял в любой подвернувшийся водоем, будь то океан или глинистая лужи.

Если Роб был стопроцентным мужчиной, то Чероки был стопроцентной собакой. Роб говорил, что опасается, как бы он не прогрыз стену, если его не вывести на положенную прогулку в Миллз. Поэтому пес был заточен в прачечной, где коротал дни, развлекаясь жевательными косточками или глядя в окно, — поставив на подоконник массивные

лапы, он не сводил глаз с подъездной аллеи, откуда должен был появиться Роб. Он ждал.

Роб пристегнул поводок и вывел Чероки к «лендкрузеру». Очень скоро улицы Монтклера заполнятся автомобилями, школьными автобусами и родителями, провожающими детей в школу, но в этот ранний час город казался вымершим. И все же, свернув на неосвещенную стоянку у входа в Миллз, Роб с трудом нашел место для парковки. Нашим глазам открылась сверхъестественная картина: ослепительно сверкали фары, со всех сторон мерцали фонарики, и

доносился лай собак, словно шла облава на инопланетян.

Полдюжины других владельцев крупных собак, так же, как Роб, работавших на Манхэттене, были уже на месте: двое из них выгуливали огромных мастифов, остальные пришли с лабрадорами, ретриверами и энергичными метисами. Собаководы, одетые в тренировочные брюки или потрепанные джинсы, выглядели заспанными и растрепанными; кое-кто из них помахал Робу и Чероки. Это была сложившаяся группа, объединившаяся на строго добровольной основе. На их месте

большинство других владельцев собак предпочло бы нанять помощника или ограничиться походом вокруг квартала. Но эти люди, в том числе и Роб, относились к своим обязанностям ответственно. А собаки тем временем занимались своими делами — обнюхивали и разглядывали друг друга, нетерпеливо убегали вперед по тропинке, возвращались к хозяевам.

Роб выпустил Чероки из машины и отстегнул поводок. Пес немедленно бросился к рослому парню в защитной куртке. Тот выставил вперед руки, пытаясь загородиться от собаки.

— Извините, — прокричал Роб, видя, что Чероки бесцеремонно обнюхивает карманы незнакомца. Получив лакомство, пес громко залаял, требуя еще. Робу снова пришлось извиняться.

Прогулка была ежедневным, вернее, ежеутренним ритуалом. Собирались к пяти утра.

Выждав несколько минут, чтобы подтянулись опоздавшие, Дэн — продюсер местного канала новостей и неофициальный руководитель группы — скомандовал: «Пора». И мужчины с собаками двинулись по главной тропе. Кто-то еще пытался призвать собак к порядку, но вся

стая, в том числе и Чероки, уже умчалась в лес.

Такие компании были главным раздражителем, подливавшим масло в огонь неугасающей борьбы, ведущейся вокруг запрета, наложенного на прогулки без поводка. При виде стаи огромных собак, несущихся между деревьями, многие пугаются. Мнение, что в этой ситуации собаки становятся неуправляемыми, — чистая правда. Но в этот час здесь было некого пугать. Пенсионеры и дети еще мирно спали в своих постелях, а немногочисленные собаководы

заблаговременно отходили в сторону, заслышав многоголосый лай.

Группа передвигалась в быстром темпе — не прошло и сорока минут, как мы отмахали около двух миль. Не все участники прогулки были знакомы между собой. Иногда кто-нибудь перебрасывался парой слов о собаках или о состоянии рынка, и на этом общение заканчивалось.

Задумав организовать группу, Дэн высмотрел подходящих кандидатов во время прогулок в парках Монтклера и сам пригласил каждого. Поскольку его собственный палевый лабрадор Стрик отличался большой общительностью, Дэн

решил, что ему необходима компания.

Роб сказал, что большая часть группы приходит в Миллз к этому часу по той же причине. Хозяева считают, что их собакам нравится играть вместе, хотя, выполнив положенный ритуал приветствия, собаки почти не проявляли интереса друг к другу.

В этот ранний час в парке было безлюдно, мужчины с удовольствием наблюдали за тем, как их мощные собаки носятся среди деревьев и играют — словом, наслаждаются возможностью побыть собаками.

Группа вышла на поляну. Вдали еще мерцали огни Манхэттена, хотя горизонт уже посерел, а небо осветилось первыми лучами солнца.

— Во время этих прогулок я планирую свой день, — поделился со мной Роб. — Вечером, когда мы гуляем вдвоем, я предпочитаю пообщаться с собакой.

Судя по всему, собаководы не испытывали ни малейшего желания разговаривать друг с другом. Роб особо подчеркнул, что их группа существует для собак, а не для людей:

— Это не компания приятелей или что-то вроде того.

Он и по именам-то знал всего двух-трех постоянных участников группы.

— Чероки! — крикнул Роб, — эй, Чероки!

Он слишком поздно понял, почему опытные собаководы дают своим собакам клички, состоящие из одного-двух слогов, — их проще произносить. Через минуту, но не так быстро, как хотелось бы Робу, лабрадор выскочил на тропинку и тут же снова скрылся в кустах.

Большинство мужчин носили с собой специальные пакеты, фонарики и термосы с кофе. Это были ответственные,

законопослушные граждане, быстро ставившие на место тех, кто не убирал за своими собаками.

— Ведь из-за них мы все можем этого лишиться. — Роб закрывал глаза на тот факт, что группа нарушала закон, выгуливая собак без поводка.

Чероки любил эти утренние прогулки, бегал от души, пускался в погоню за другими собаками и енотами, но всегда возвращался к Робу.

К 5.45 группа вернулась на стоянку. Собак рассадили По машинам, мужчины торопливо попрощались и разъехались по своим

делам. Никто не задержался полюбоваться рассветом. Все разошлись до следующего утра.

Такие группы, задуманные как свободное сообщество, не требуют общения, расходов и координаторов. Люди собираются к пяти, гуляют и расстаются до следующего утра. Не нужно платить взносы, печатать листовки, созваниваться по телефону, брать с собой что бы то ни было, за исключением собаки и поводка. Единственной обязанностью членов группы было приходить вовремя. Но если кто-нибудь отсутствовал, оправдываться не требовалось. Проходили недели, затем месяцы, на

его место приходил другой, и никто не стремился узнать, что случилось с исчезнувшим товарищем.

Вернувшись домой, Роб отправил вымазанного грязью Чероки на задний двор и бросил ему теннисный мяч. Пес пробежался пару раз за мячом и потерял к нему интерес.

— Жаль, что он не захотел играть, — заметил Роб. — Ему нужно больше двигаться.

Затем он поднялся к себе, принял душ, переоделся в дорогой темно-синий костюм, подхватил видавший виды кожаный портфель, поцеловал жену, которая к этому

времени уже проснулась, и отправился в Нью-Йорк бороться за торжество закона. Роб жалел, что не может иногда брать Чероки с собой, но в офисе царили строгие правила, да он и сам понимал, что это неподходящая идея:

— Слишком уж много денежных мешков там бывает.

Вскоре с шумом и топотом в кухню спустились дети.

Джуди подала завтрак, уточнила расписание уроков и секций, вручала каждому пакет с ланчем.

Во время завтрака Чероки разрешали находиться в кухне, но в общей суматохе пес не участвовал.

Он скромно сидел под столом, подбирая крошки, лишь иногда угощаясь перепавшей ему булочкой или кусочком тоста. Единственным связующим звеном между собакой и остальными членами семьи был Роб. Кроме него, никто не обращал на пса особого внимания, и наоборот. Только Син, младший из детей, попрощался с Чероки перед тем, как сесть в школьный автобус.

Проводив детей, Джуди убрала со стола и выставила Чероки во двор — денек выдался погожим. Если бы пошел дождь или похолодало, пес вернулся бы в прачечную.

— Ему нравится на улице, — пояснила она несколько виноватым тоном.

Все члены семьи были аккуратными и хорошо организованными, только Чероки оставался исключением из общего правила. Во время прогулок по лесу или на улице он нередко находил какую-нибудь дрянь, например труп животного или гниющие отбросы. И не мог пройти мимо без того, чтобы ни вывалиться в этом, а то и на зуб попробовать. Роб сбился со счета, вспоминая, сколько раз Чероки рвало после прогулки. В багажнике его машины и в прачечной хранились

солидные запасы тряпок, дезинфектантов и дезодорантов. Джуди постоянно — и не без причины — тревожилась за новую мебель и дорогие ковры, но Роб, казалось, получал удовольствие от необузданности собаки.

— Мне нравится смотреть, как он выкладывается. Красиво, когда собака так бежит. Я бы сходил с ним на охоту, если бы у меня было время. И если бы мне нравилось охотиться. — В этом отношении Монтклер не имеет ничего общего с графством Мальборо.

Когда Чероки исчезал в лесу, погнавшись за другой собакой или

каким-нибудь животным, Роб начинал беспокоиться. Он звал собаку, но пес не спешил появляться. В конце концов, он возвращался, но лишь по собственному желанию. Если же он хотел поздороваться или привлечь к себе внимание, то вполне мог прыгнуть на Роба или на кого-нибудь еще. Такие выходки не имели ничего общего с агрессией, но нередко пугали людей.

Чероки был огромной, плотно сбитой собакой с вечно грязными лапами и длинными когтями. К тому же он обладал недюжинной силой. Ведя пса на поводке, Робу приходилось напрягать все силы,

чтобы сдерживать собачьи порывы; тем не менее, зачастую после встречи с ними прохожие отряхивали грязь со своей одежды.

Дисциплинированный и обязательный Роб постоянно извинялся за несдержанность своего пса.

— Нужно заняться воспитанием этой собаки, — говорил он, — когда-нибудь я, наконец, решусь.

Сомнительно, и вот почему: Роб испытывал острую нехватку того, чего недостает почти всем современным собаководам, а именно — времени.

— Я едва успеваю натянуть штаны.

Рассчитывать на то, что Роб станет свободнее, тоже не приходилось. По оценкам специалистов по поведению животных, нужно повторить команду около 2000 раз, только тогда собака ее запомнит. Учитывая плотный график работы, Робу понадобилось бы на это около года. А разве он мог поручить Чероки кому-нибудь другому? Домочадцы, в том числе и сам Роб, считали Чероки его собакой.

Жена не годилась на роль тренера. К тому же она заключила с мужем своего рода соглашение, нечто

вроде контракта, и он пообещал максимально оградить ее от всех проблем, связанных с собакой.

Джуди — архитектор с дипломом Колумбийского университета — никогда не хотела иметь собаку. Несколько лет назад она ушла с работы, чтобы посвятить себя воспитанию детей и дальнейшему обустройству дома. Взять щенка Джуди согласилась после того, как погиб их предыдущих лабрадор, — Роб очень тосковал по нему. И пообещал сам заботиться о собаке, а Джуди была уверена, что он сдержит слово.

Кроме того, она понимала, почему мужу так хочется иметь собаку:

— У Роба нет близких друзей, он довольно замкнутый человек. Общение с Чероки очень важно для него. Иногда мне кажется, что ему одиноко. В таком городе, как наш, трудно заводить знакомства. Он так много работает, что ему некогда встречаться с людьми.

Я не из тех, кто указывает мужу, что ему делать. Мы свободные, независимые люди. Но это не означает, что я возьму ответственность на себя. Роб так загружен работой, постоянно

испытывает такой стресс, что я не представляю, как бы он справился, не будь у нас Чероки.

Они заключили договор: Роб может завести собаку, но лишь на следующих условиях:

1. Собаке раз и навсегда запрещено подниматься в спальни. Чероки должен спать в прачечной, где он может причинить ущерба своими грязными лапами, линяющей шерстью, мощным хвостом (которым мог сбить со стола лампу) и чрезмерным аппетитом;

2. Джуди не будет выгуливать собаку, кормить ее и возить к

ветеринару за исключением неотложных случаев;

3. Принимая гостей, они будут изолировать собаку. Даже Робу не хотелось, чтобы его партнеры, соседи или подруги Джуди пострадали от специфического гостеприимства Чероки;

4. Они не будут брать с собой собаку во время семейных поездок в отпуск. Этот пункт особенно тревожил Роба, — проведя с детьми несколько дней, он становился раздражительным, ему не хватало собаки, — но пришлось согласиться. Все равно в «лендкрузере»

недостаточно места для пяти человек и одного здоровенного пса.

В целом, Джуди была настроена довольно добродушно и не теряла чувства юмора.

— Красиво, — говорила она, обнаружив, что содержимое мусорной корзины рассеяно по всей кухне.

Она умела идти на компромисс — важное качество для любого человека, разделяющего свой кров с собакой. Тем не менее, мысль о необходимости дрессировки не приходила ей в голову.

Может быть, кто-нибудь из детей пытался обуздать неистового

Чероки?

Тоже нет. К ним то и дело приходили друзья, телефон не умолкал ни на минуту, одни кружки и секции сменялись другими. Старшая дочь заканчивала колледж, ее сестра увлекалась практически всеми спортивными играми и посещала секции в своей школе, а для того, чтобы оторвать младшего ребенка от компьютера, понадобился бы подъемный кран. Родители в Монтклере часто шутят, что их дети совершили бескровный переворот. И теперь делают, что хотят.

Выслушав вопрос, Роб только покачал головой:

— Я уже получил урок и скажу откровенно: больше я не доверю детям собаку. Я не из тех родителей, что заводят собаку для детей. Я завел ее для себя.

Для того чтобы Чероки не скучал в его отсутствие, Роб нанял помощницу для выгуливания собаки. В Монтклере есть люди, которые занимаются этим профессионально, их координаты узнают в зоомагазинах, ветеринарных клиниках, у знакомых.

Элли Ши была известна и весьма популярна среди ближайших соседей Роба. В соответствии с договором она выгуливала Чероки

ежедневно около полудня в рабочие дни, а также иногда по вечерам и в выходные, если Роб был занят на работе. Он платил ей по 15 долларов за получасовую прогулку, таким образом, частично искупая вину за свое постоянное отсутствие.

Ши, жизнерадостная и приветливая, имела опыт общения с собаками и по достоинству ценила добродушный характер Чероки.

Однако справляться с псом ей было нелегко, он и Роба-то едва слушался, а уж всех остальных игнорировал совершенно. Так же, как Роб, говоря о собаке, она называла его «тяги-толкай», но в ее голосе не

чувствовалось любви. И все же Элли добросовестно несла дежурство, продолжавшееся до тех пор, пока Роб не приезжал домой.

Один раз в неделю Роб и Чероки совершали вечернюю прогулку «на цепи», обычно сразу после того, как пес заглатывал свой ужин — второй прием пищи за день.

— Ветеринар говорит, что ему нужно сбросить вес, — сказал Роб. — Но что с ним поделаешь — он вечно такой голодный, что мне жаль его ограничивать.

Как только хозяин снял поводок с крючка, Чероки подскочил к нему

и, восторженно запрыгав вокруг него, опрокинул мусорную корзину.

В конце дня, включавшего в себя прогулку в Миллз, утомительную поездку на работу, встречи с клиентами, выступление на процессе и переговоры с представителями федеральной власти, у Роба был усталый вид. Ему явно не хотелось выходить на улицу и тащиться с Чероки по кварталу, но он привык выполнять свои обещания.

— Тише, парень, тише, — бормотал он, пытаясь пристегнуть поводок, — прекрати!

В его голосе слышалось раздражение. Едва он справился с

поводком, как Чероки бросился к задней двери и, распахнув ее, выдернул за собой Роба.

— Эй! Эй! — выкрикивал тот, еле успевая за псом, тащившим его по дорожке. — Он так любит гулять...

Несмотря на усталость и раздражение, чувствовалось, что энтузиазм собаки импонирует ему. Роб сказал, что любит эти вечерние прогулки. Возможно, так оно и было, но прогулка с такой собакой едва ли могла доставить удовольствие. Чероки отличался неукротимой энергией. Он поволок хозяина к кустам, затем вытащил обратно на

тротуар, унюхал что-то впереди и рванул так, что Роб с трудом устоял на ногах. Раза два в неделю Чероки выволакивал хозяина на проезжую часть, погнавшись за кем-нибудь.

Как-то сосед, направлявшийся домой с нью-йоркского автобуса, не заметил их в сумерках и испугался, когда Чероки прыгнул и уперся передними лапами ему в грудь. Роб, тоже не увидевший мужчину, испугался не меньше.

— Господи! — воскликнул парень.

Роб извинился.

— Ты успокоишься, наконец? Нельзя прыгать на людей! —

раздраженно прошипел он собаке.

Когда маленькая Элли прыгала на прохожих, чтобы поздороваться с ними, она едва доставала им до колена. Чероки попадал лапами им в грудь и в живот, пачкал одежду, да к тому же весил килограммов на сорок больше шпнца.

В подобной ситуации инструкторы по дрессировке любят давать советы из разряда тех, что легко давать, но невозможно выполнить: «Это вы выгуливаете собаку, а не собака — вас». Но в таких приключениях и заключался для Чероки смысл прогулки.

Роб, как и многие владельцы необученных собак, имел манеру громко выкрикивать команды, надеясь тем самым привлечь внимание Чероки. Убедившись в том, что пес его игнорирует, повторял команды еще громче. За их перемещениями можно было следить по доносившимся громким крикам: «Чероки! Чероки! Ко мне! Ко мне! Ты подойдешь или нет?! Сидеть! Сидеть!! Сидеть!!!»

Сколько раз мне приходилось наткаться на такие пары, представленные, с одной стороны, человеком, любящим свою собаку, но не имеющим возможности вступить

с ней в полноценный контакт из-за отсутствия у нее необходимых навыков. Вторым действующим лицом является собака, которая на первый взгляд, производит впечатление бестолковой, хотя таковой не является. В действительности она накрепко усвоила неверный урок. Собаки любят внимание — пусть даже в форме окрика — поэтому, громко повторяя невыполненные команды, хозяин лишь закрепляет поведение, которое пытается пресечь.

Выписывая зигзаги по тротуару и накренившись под углом в сорок пять градусов, Роб признался, что все

равно не будет применять к этому «тяги-толкаю» жесткие методы воздействия:

— Я знаю, что в таких случаях говорят инструкторы: вы должны показать собаке, кто из вас хозяин.

Действительно, книги, посвященные дрессировке, пестрят самыми противоречивыми теориями. Дрессировщики предлагают широкий спектр методик и философий. Одни утверждают, что собака лучше обучается, если вознаграждать желаемое поведение похвалой или лакомством. Другие убеждены в том, что к собакам

применима теория стайного поведения.

Однако такие люди, как Роб, склонны к наиболее традиционному подходу: собаке нужно показать, кто является истинным хозяином. Методику позитивной мотивации Роб считал смехотворной и называл «бредом сумасшедшего».

— Мой отец не стал бы этого слушать, — бормотал он себе под нос. — У Чероки есть собственная голова на плечах. За это я его и люблю — робот мне не нужен.

Роб объяснил, что не хочет подавлять стремления собаки к независимости. Он не мог решиться

на принуждение по отношению к псу.

На самом же деле Чероки вовсе не был независимым или непокорным. Он просто нуждался в обучении, поскольку не понимал Роба, когда тот обращался к нему, а потому и не мог выполнить то, что от него требовали. Такое поведение собаки некоторые инструкторы называют «отторжением хозяина». Пес редко смотрел Робу в глаза за исключением тех случаев, когда хотел получить угощение или выйти на прогулку.

Несмотря на любовь к собаке, Робу не удалось построить прочных

отношений с Чероки.

Их отношения были односторонними с перекосом в сторону Роба. Чероки же, казалось, почти не обращал на Роба внимания и не воспринимал всерьез его наставлений. Из-за его полной невосприимчивости к командам, которые хозяин выкрикивал без видимого эффекта, создавалось впечатление, что пес существует сам по себе, вне всякого контакта с людьми и даже с Робом.

Зная слабость Чероки, который был большим любителем поесть, Роб мог бы построить обучение на вознаграждении лакомствами и научить собаку командам «сидеть»,

«лежать» и «рядом». Скомандовав «лежать» при виде приближающегося пешехода, Роб мог бы пресекать попытки пса прыгать на людей. Но Роб отвергал все мои доводы:

— Я не хочу, чтобы моя собака делала что-то ради еды. Он должен делать это ради меня и наших отношений. Я хочу, чтобы он слушался меня.

В итоге крупный энергичный лабрадор стал жертвой «уловки 22» — этот пес должен был выполнять все, что от него требовали, во имя отношений, построить которые он не имел возможности. В каком-то

смысле эти двое действительно любили друг друга. С другой стороны, у Чероки не было шансов улучшить свое поведение.

Роб категорически отказывался носить с собой лакомства для собаки и бесконечно удивлялся тому, что я постоянно применяю вознаграждение — от вяленой говядины до печенья, — воспитывая одного из своих непослушных бордер-колли.

— В детстве у меня не было какой-то особой диеты, — вспоминал он, — мы ели то, что было на столе, иначе отец тут же отправил бы нас в постель. Так

неужели же я буду таскаться по улице с деликатесами для собаки!

Келли — первый лабрадор Роба — был общим любимцем и прожил в семье двенадцать лет. Однажды Син, вернувшись из школы, не закрыл ворота на заднем дворе, — это случилось четыре года назад, — и Келли выбежал на улицу и попал под машину. Роб примчался из города прямо в ветеринарную клинику, но собака уже умерла.

— Это было ужасно, и не только из-за собаки, — рассказывал он как-то вечером после прогулки с Чероки. — Моего сына до сих пор преследуют кошмары. Мальчик снова

видит, как собаку сбивает машина. Его мучает чувство вины.

А как же Роб? Как он перенес эту утрату?

Роб сидел, опустив глаза в пол:

— Помню, как Келли лежал на столе в клинике, мертвый. Я не могу об этом говорить, просто не нахожу слов, — это было словно обухом по голове.

А у меня тогда был в самом разгаре процесс. Не мог же я сказать судье и своим клиентам, что едва сдерживаю слезы, потому что у меня погибла собака. Но это было тяжело, чертовски тяжело.

Меня удивило напряжение, звучавшее в его голосе, — обычно Роб не позволял себе открыто выражать эмоции. Его лицо исказилось от боли.

Отношения с Чероки с самого начала складывались по-другому.

— Келли был нашей общей собакой. Я купил его для детей. Джуди познакомилась с заводчиком через наших общих друзей, и дети так просили собаку, да и мы загорелись. Я любил этого пса. Он был приветливым, ласковым, спал в ногах у нашей постели, — все время, пока мы жили в Мичигане, потом в

Бруклине, — тогда я только начинал карьеру. И Джуди не возражала.

Но Чероки был другим. Он принадлежал только Робу. Роб сам нашел питомник, сам ездил в Северную Каролину за щенком. Он сам воспитывал его и водил на прогулки в Миллз.

— Теперь все стало по-другому. Мне не хотелось бы употреблять слово «одиночество», но дети все больше отдаляются от меня, у них своя жизнь, да и у Джуди тоже своя.

Может быть, он считал Чероки своим другом?

— Конечно. Он мой лучший друг, — поспешно ответил Роб, — в

каком-то смысле, даже больше.

Роб немедленно пожалел о вырвавшихся у него словах, особенно когда я поинтересовался, что он имел в виду. Что он подразумевал под этим «даже больше»?

Он заметно смутился:

— Может быть, сразу этого и не скажешь, но он умный парень.

Роб нередко рассказывал о собаке, словно описывал достоинства футбольной звезды, которую никто не считает особенно яркой. Чероки представлялся ему верным и храбрым псом:

— Я знаю, если кто-нибудь нападет на меня во время прогулки,

ему придется сначала убить собаку, чтобы добраться до меня. — Роб часто говорил своим приятелям по Миллзу, что Чероки отдаст за него жизнь, если во время прогулки что-нибудь случится. Зная об этом, Элли Ши в шутку предлагала ему помолиться о том, чтобы злодеи не оказались вооружены сосисками.

Когда я во второй раз задал Робу тот же вопрос, — что означают его слова «даже больше» — он сказал, что не имел в виду ничего особенного. Через неделю я снова начал приставать к нему, и он ответил так:

— Знаете, я думал над этим. Спросите меня снова через некоторое время.

Прошло почти два месяца, и Роб действительно попытался ответить. Наш разговор состоялся душным весенним вечером, — после того как Чероки опрокинул мусорный бачок, стоявший на заднем дворе, и слопал картонную коробку с остатками курицы недельной давности. Роб не обращался к ветеринару из-за таких пустяков, если Чероки выглядел относительно здоровым и то, что он проглотил, не имело острых краев.

Пес чувствовал себя превосходно; он раскинулся на спине

и дремал на восточном ковре, расстеленном в хозяйском кабинете. Роб сидел в своем любимом вытертом кожаном кресле; Джуди хлопотала на кухне — мы слышали, как позвякивает посуда, — а все трое детей были наверху. До нас доносились взрывы и пальба — Син осваивал новую игровую приставку.

Картина отражала типичный уклад процветающей американской семьи: отец вернулся с работы, заботливая мать занимается домашними делами, — не потому, что вынуждена это делать, а потому что ей этого хочется, трое здоровых счастливых детей занимаются

своими детскими делами, а у ног хозяина лежит красивая собака.

В Кливленде, в родном доме Роба все было иначе.

— Я благодарен своим родителям. Они были бедными необразованными людьми, но настояли, чтобы все мы поступили в колледж. Отец содержал небольшую лавку, торгующую оборудованием для водопровода. Он работал, как ишак, и почти не бывал дома. Когда ему удавалось выкроить свободный денек, он водил нас с братьями на футбол или в цирк, но такое случалось редко.

Дети очень уважали отца, но близкие отношения между ними так и не сложились.

— Не помню, чтобы мы когда-нибудь подолгу разговаривали с глазу на глаз. Я и сам этого не умею. Не то, чтобы он был плохим отцом, вовсе нет. Он делал для нас все, что мог, просто не отличался разговорчивостью. И был строгий, да еще какой! Если кто-нибудь попадался на шалости, ему неделю не разрешалось выходить из комнаты, а если и это не помогало, шел в ход ремень. И никто не считал это оскорблением. Я воспитываю своих детей по-другому и сгоряча ни разу

пальцем их не тронул. Этому я научился от отца.

Чероки откатился подальше и задрал вверх лапы. Роб задумчиво почесывал ему живот туфлей. Я поинтересовался, где теперь его родители.

Оказалось, в живых осталась только мать. Отец умер от рака пять лет назад.

— Последние месяцы его жизни я не отходил от него. Взял отпуск — матери было тяжело одной. Я старший сын, сами понимаете. И все эти дни мы с отцом ни словом не обмолвились о том, что с ним происходит, и я знал, что лучше не

начинать. Для него хуже этого ничего и быть не могло. А однажды ночью он просто перестал дышать. Я сидел рядом, но даже не попрощался с ним. — Роб смотрел прямо перед собой, его голос звучал совершенно спокойно.

И теперь, несмотря на свой элегантный дом и успешную карьеру, Роб понимал, что стал похож на отца. Такой же трудяга. Он так же, как отец, обожал своих детей, но никогда не заводил с ними серьезных разговоров. Знал, что должен, но не мог отважиться на это.

Роб отвернулся к Чероки, развалившемуся возле кресла и

непривычно тихому.

— Думаю, в этой собаке я особенно ценю то, что мы не можем разговаривать друг с другом. Он не давит на меня, и я не чувствую себя виноватым. Наши чувства остаются просто чувствами.

Невозможно, столько времени общаясь с людьми и собаками, — а я общался с ними достаточно долго, — не заметить разницы в отношении к ним мужчин и женщин.

Как те, так и другие приписывают своим собакам человеческие чувства, мысли и черты характера, на которые собаки, вероятно, даже не способны. Собака

выступает в роли чистого холста, на котором каждый хозяин пишет свою картину, часто отражающую то, что кроется в потаенных уголках его собственной души.

Женщины нередко говорили мне, — и многие исследователи подтверждают этот факт — что они видят в собаке источник эмоциональной поддержки, считают, что собаки «понимают» их лучше, чем кто бы то ни было, и любят их «несмотря ни на что». Женщины в большей степени склонны делиться своими проблемами с собакой и регулярно обсуждают с ними важные вопросы. Опрос, проведенный

ветеринарной ассоциацией, это подтвердил.

Мужчины же, как мне удалось выяснить за долгие месяцы общения с жителями Монтклера и их собаками, напротив, тянутся к собакам потому, что те не умеют разговаривать. Их бессловесность позволяет хозяину домысливать отношения как угодно. К примеру, Чероки вовсе не требовал от Роба душевных разговоров наедине.

Мужчины, часто стремящиеся к длительной дружбе, больше склонны видеть в собаке приятеля и партнера. Так же, как Роб, они предпочитают строить отношения с собакой на

общих увлечениях — они вместе охотятся, бегают трусцой, ходят на прогулки, занимаются спортом или просто катаются в автомобиле по городу. Женщины, насколько мой опыт позволяет судить, имеют склонность к сложным вербальным и эмоциональным отношениям с собаками и чаще заводят с ними разговоры.

Как ни странно, Роб, казалось, не замечал развязности и невоспитанности Чероки. Его любовь к собаке была важнее послушания, хотя сам Роб не догадывался об истоках такого отношения.

Где же искать эти истоки?

Несмотря на все свои успехи и достижения Роб чувствовал себя оторванным от мира, — он редко бывал дома, почти не виделся с детьми, не имел возможности общаться с людьми, за исключением работы, не дружил даже со своими коллегами по утренним прогулкам. У него не было хобби и времени на него. В каком-то смысле Чероки помогал ему заполнить пустоту.

В 1985 году ветеринарный врач Виктория Войт писала: «Человек, как известно, генетически предрасположен к общению с людьми, в особенности с детьми.

Если животное проявляет именно те качества, которые нас привлекают, легко понять, почему мы так привязываемся к животным и часто относимся к ним, как к детям. Люди понимают, что перед ними собака, но все же считают ее личностью».

Я долго не оставлял Роба в покое, прося объяснить суть их отношений с Чероки, и, наконец, получил ответ:

— Знаете, почему я люблю этого пса? Потому что он никогда не задает мне таких вопросов.

Клуб разведенных собачниц

Вечер пятницы выдался дождливым. Компания из пяти женщин и их собак направлялась из Национального парка Миллз к дому Рейчел Голднерз — там почти еженедельно проходили встречи Клуба разведенных собачниц. Вскоре, сняв с себя промокшие, измазанные грязью куртки, дамы расселись в гостиной — с чашкой чая или со стаканчиком мерло. Пока собаки мирно дремали по углам, их хозяйки оживленно болтали,

перечисляя все достоинства своих питомцев — верность, преданность и так далее, — выгодно отличавшие их от некоторых, всем известных представителей других видов.

— Им наплевать на то, как ты выглядишь, — высказалась Рейчел, лидировавшая на собрании.

— Они видят наши недостатки, но любят нас нисколько не меньше, — подала голос Кэролин.

— Нет нужды доказывать, что мы их понимаем, — добавила Салли. — Они не жалуются на недостаток внимания и рады тому, что имеют.

— Честер никогда не спорит, какой фильм взять напрокат, — сообщила Дженис, имея в виду своего черного лабрадора, — не то, что Джеральд, — теперь речь шла о бывшем супруге.

— Собаки не врут, — добавила Рейчел.

— И не влюбляются в других женщин, — подхватила Синтия, не дожидаясь своей очереди. — К тому же они не требуют постоянного восхваления их мужеских достоинств.

Как выяснилось, жизнь в компании собаки обладала массой преимуществ. Они не занимали

ванную и радовались возможности провести выходной в обществе своих хозяек. Не разбрасывали по всему дому свою одежду и дурно пахнущие ботинки. Не тарасились в телевизор, когда там шел футбольный матч, вместо того, чтобы отправиться на прогулку.

— У них нет своих «пунктиков», — заметила Салли.

— Их нужно только накормить и приласкать, — согласилась Дженис.

— Они не требуют секса в самый неподходящий момент, — выпалила Синтия под общий визг.

— Тоже мне, достоинство, — Рейчел так расхохоталась, что ей

пришлось поставить свой бокал с вином, чтобы не расплескать.

— Когда как, — произнесла Синтия, вызвав новый взрыв хохота.

Кэролин подняла руку и тут же сама рассмеялась над этим жестом примерной школьницы.

— Аминь. Только не забудьте еще кое-что... Что бы вы ни говорили, но одинокой женщине порой бывает страшно. А эти ребята — все же какая-то защита. Уверена, ради меня мой песик готов на все, — она протянула руку и потрепала за ушами своего далматина Шарптона, тот в ответ вильнул хвостом и лизнул ей

пальцы. — Может быть, я ошибаюсь, но надеюсь, что нет.

— Мы чуть не забыли о самом главном, — провозгласила Дженис, и остальные члены группы умолкли и прислушались. — Они не бросают!

Список продолжал расти. Разумеется, в шутках крылась немалая доля истины. Несмотря на атмосферу общего веселья, было ясно, что эти женщины тяжело переживают развод, чувствуют себя одинокими и опустошенными. В наши дни развод стал настолько заурядным делом, что не все понимают, насколько это болезненная процедура, но лишь до

тех пор, пока сами не пройдут через нее. Все присутствующие приобрели такой опыт, и только благодаря своим собакам нашли в себе силы взглянуть на это событие по-другому.

Члены так называемого Клуба разведенных собачниц — название придумали они сами — не рассматривали своих питомцев в качестве заместителей бывших спутников жизни, они любили их как собак и с помощью этой любви пытались жить дальше.

Иногда члены Клуба встречались в парке, однажды выбрались на распродажу в зоомагазине. Но чаще всего, как и сегодня вечером, группа

собиралась у Рейчел, имевшей собственный дом — эффектное двухэтажное строение, возвышавшееся над Хайленд-авеню. С живописного холма, на котором стоял дом, открывался завораживающий вид на далекий Манхэттен.

Вероятно, они больше не смогут встречаться в этой роскошной гостиной или в патио, где они иногда готовили барбекю. Рейчел, — подтянутая, элегантная дама за пятьдесят, в прошлом школьный психолог — наконец, завершила бракоразводный процесс. Они с ее бывшим мужем, руководившим сетью

популярных магазинов спортивных товаров, договорились продать дом и поделить вырученные деньги пополам. Как выразилась одна из женщин, развод напоминает лавину: начавшись, он сметает на своем пути все и вся.

Для Рейчел мысль о том, что ей придется расстаться с просторным, полным воздуха домом с окнами во всю стену, домом, который они с Тленном строили вместе, где вырастили двоих детей, была невыносимой. Это был дом ее мечты. Впрочем, ей и остальным членам группы нравилось и новое жилище, призванное стать приютом для

Рейчел и ее очаровательного крошечного мопса Авивы.

За такой исход дела следовало благодарить ее опытного адвоката, умеющего ловко обходить все подводные камни. По словам Рейчел, «Гленна съели живьем». Разумеется, он вполне этого заслуживал — учитывая тайный роман на стороне, продолжавшийся целых три года.

— Он чувствовал себя виноватым и не хотел, чтобы я попадалась ему на глаза. Так и будет, — объявила она под одобрительный гомон подруг.

В паузах между репликами Рейчел то и дело выходила через

раздвижную стеклянную дверь в патио, где готовились куриные грудки для четвероногих членов клуба, нетерпеливо столпившихся вокруг газового гриля. Помимо Авивы, трехлетнего мопса и полноправного хозяина всех ее владений, здесь были еще: Честер — добродушный черный лабрадор, принадлежавший Дженис, домохозяйке и фанатичной поклоннице бега трусцой, уже три года состоявшей в разводе; далматин Шарптон, хозяйка которого, Кэролин, была свободным репортером и переживала самый разгар вполне мирного, но от этого

не менее болезненного развода; грейхаунд Гасты — его взяли из приюта, куда он попал с ипподрома во Флориде, — самый робкий и пугливый член группы, он принадлежал Синтии. Помимо адвокатской практики в Морристауне хозяйка Гасты имела двоих детей-подростков и вела ожесточенную борьбу с бывшим супругом, оспаривая каждый пункт соглашения по их содержанию. Однако самые кровопролитные бои велись за собаку. Синтия гордилась тем, что не уступила бывшему мужу права считаться хозяйкой Гасты.

Пятым членом группы была Салли — врач скорой помощи. По ночам она дежурила в Университете стоматологии и медицины в Ньюарке, поэтому посещала собрания Клуба лишь эпизодически. Ее невоспитанная и необычайно активная Кристи (породы пудель) обожала гоняться за мячом и вскакивать людям на колени.

Идея основания Клуба принадлежала Дженис. Однажды вечером она выгуливала Честера в Национальном парке Миллз, всего в сотне метров от того самого патио, где Рейчел сейчас готовила мясо. Внезапно пес погнался за каким-то

зверьком — белкой или енотом. Пустившись за собакой, Дженис столкнулась с Рейчел и Авивой, когда те поднимались по тропинке от дома. Две абсолютно разные женщины — Дженис, худощавая от постоянных занятий бегом, была на пятнадцать лет моложе и могла целый день ходить в кроссовках и спортивной куртке, — обнаружили, что между ними больше общего, чем можно было бы подумать.

— Мы разговорились о собаках. Ну, знаете, как это бывает: Сколько вашему? Как вы с ним занимаетесь? Чем кормите? Если бы вы знали, как я привязана к этой собаке... — А

ПОТОМ МЫ ЗАШЛИ СЮДА ВЫПИТЬ ПО ЧАШЕЧКЕ КОФЕ. ЧЕСТЕР И АВИВА ОТЛИЧНО ПОЛАДИЛИ МЕЖДУ СОБОЙ, И МЫ ПОСЛЕДОВАЛИ ИХ ПРИМЕРУ.

КАЖДАЯ ИЗ НИХ ПОНИМАЛА, ЧТО НОВАЯ ПОДРУГА ПЕРЕЖИВАЕТ НЕЛЕГКИЙ ПЕРИОД. РЕЙЧЕЛ УТВЕРЖДАЛА, ЧТО УЗНАЕТ СЕСТЕР ПО НЕСЧАСТЬЮ ДАЖЕ В ТОЛПЕ:

— ОНИ ТАКИЕ ЗАГНАННЫЕ, ИЗДЕРГАННЫЕ, С ЛЕГКОЙ ПАНИКОЙ В ГЛАЗАХ. ИХ СРАЗУ ВИДНО. МЫ НАЧАЛИ ПЕРЕМЫВАТЬ КОСТОЧКИ НАШИМ БЫВШИМ МУЖЬЯМ, ТОГДА И ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО В РЕЗУЛЬТАТЕ РАЗВОДА КАЖДАЯ ИЗ НАС СТАЛА СОБАКОВОДОМ.

— Она имеет в виду, — пояснила Дженис, — что каждая из нас приобрела собаку, рассчитывая с ее помощью выдержать тяготы развода и последующее одиночество. У меня появился Честер сразу после того, как муж объявил, что больше не хочет жить со мной и уходит к другой женщине.

— Просто не верится, — со смехом перебила ее Рейчел, — мой муж сказал то же самое, почти слово в слово. Через неделю я отправилась в питомник и сказала, что хочу купить самого лучшего мопса из ближайшего помета.

По всей видимости, в таком поступке нет ничего необычного.

Синтия, плотная болтушка лет сорока с темными, коротко стриженными волосами и впечатляющей коллекцией ювелирных украшений, знала Дженис по совместным занятиям в спортивном клубе:

— Она была в курсе моих дел, ну я ей и сказала, что хочу вступить в Клуб. Пару раз я приходила на встречи в парке и на собрания. Потом, во время прогулки в Миллзе, мы познакомились с Кэролин и понравились друг другу. Да и Шарптон произвел на меня

благоприятное впечатление — он рычит исключительно на мужчин и никогда не повышает голоса на женщин.

— Ну, это не совсем так, — возразила Кэролин.

Судьба Гаста сложилась по-другому, хотя он тоже достался хозяйке после развода. Синтия с бывшим мужем взяли робкого грейхаунда из приюта и спорили, кому он достанется, с большим ожесточением, чем по поводу остального имущества.

— Он стал для меня символом нашего развода. Мой муж не заводил

никаких интрижек. Ему не везло. Он — всего-навсего...

— Ой-ей-ей, — Рейчел осторожно покосилась на меня. — Давайте воздержимся. Не будем перетряхивать белье на людях.

Синтия согласно кивнула, — действительно, не стоило.

Думая о крушении своего брака, каждая из присутствующих испытывала горе, безысходность или злобу — иногда все эти чувства одновременно. Каждая нуждалась в поддержке и инстинктивно искала помощи... у собаки, у подруг по несчастью — других разведенных женщин с собаками. Случалось, что

во время таких встреч кому-то не удавалось сдержать свой гнев, — подруги всегда были готовы сочувственно выслушать любые излияния, — но в большинстве случаев женщины старались держать себя в руках.

— Нужно было назвать наш клуб «Любители разных собак», — предложила Рейчел. С помощью длинной вилки она снимала с гриля куриные грудки, а Дженис резала их на кусочки и раздавала собакам.

— Все собаки созданы разными.

Честер вполне разделял такую точку зрения. Получив едва ли не треть цыпленка, пес размером с

некрупного лося в мгновение ока проглотил свою порцию, так же поступил и Шарптон. Мопсу Авиве достался самый маленький кусочек. Собачка удалилась в укромный уголок, чтобы спокойно заняться угощением. Взглянув на Гасти, можно было подумать, что он умирает с голоду; получив порцию побольше, он проглотил ее, не жуя. Патио заполнилось жизнерадостным хрустом и чавканьем.

Накормив собак, женщины приступили к ужину. В рабочие дни они довольствовались готовой китайской кухней, но сегодня Рейчел подавала спагетти и салат. Напитки

были выставлены в баре, расположенном рядом с кухонной дверью. В основном дамы пили вино, только Синтия пару раз пыталась побороть тоску с помощью порции скотча. Наполнив тарелки и бокалы, дамы вернулись в гостиную, чтобы продолжить беседу.

Члены Клуба говорили о себе с иронией. Сама идея основать такой Клуб казалась им забавной, и они старались не относиться к ней чересчур серьезно.

— Мой сын не верит, что я вступила в Клуб разведенных собачниц, — расхохоталась Синтия. — Он говорит, что в жизни

не слышал ничего более нелепого. Я сказала ему, что он просто ничего не понимает. Как ни крути, а он ведь тоже мужчина.

Члены группы предпочитали не распространяться о существовании Клуба, опасаясь дать повод для насмешек и показаться излишне сентиментальными; — впрочем, одна из женщин обмолвилась о нем своему ветеринару (который и навел меня на след).

— Не могу же я заявить своим коллегам-адвокатам, что отправляюсь на заседание Клуба разведенных собачниц — Синтия снова рассмеялась. — Не хочу вас

обидеть, но едва ли это будет способствовать взаимопониманию с мужской половиной коллектива.

Владелец зоомагазина тоже был в курсе дела.

— Разве можно сохранить такие вещи в секрете от нашего поставщика зоотоваров, — веско заметила Рейчел. — У нас с ним слишком близкие отношения: он знает, на что мы тратим деньги.

Группа представляла собой временное сообщество. Дамы не говорили об этом прямо, но все было ясно и без слов. Никто из них не собирался пожизненно сохранять статус разведенной женщины с

собакой. Тем не менее, к моменту нашего знакомства клуб просуществовал уже полгода, а они все еще не могли без него обойтись.

— Мы все нуждаемся в поддержке, во всяком случае, пока, — объяснила Синтия. Она наклонилась, чтобы погладить дрожащего Гаста, затем снова занялась ужином. — Собаки могут дать нам больше, чем некоторые представители человеческого рода.

Она отметила, что, как ни странно, среди людей, в том числе и мужчин, встречаются экземпляры, достойные доверия и не менее преданные, чем собаки. — Жаль

только, что их можно пересчитать по пальцам.

Обычно собрания продолжались не больше двух часов. За ужином и напитками дамы оживленно обсуждали своих собак, визиты к ветеринару, проблемы с кормом, драки своей собаки с другими, чувство вины, вызванное необходимостью сажать собаку в контейнер. Гости занимался с инструктором, пытаясь преодолеть свои страхи. Честер поправлялся после операции — ее пришлось сделать после того, как он проглотил теннисный мяч.

Разумеется, затрагивалась и тема разводов. Члены клуба рассказывали друг другу, какой запутанной, одинокой и странной стала их жизнь. Дети отбились от рук, старые друзья испарились, походы в кинотеатр сменились просмотрами компакт-дисков, ужинать все чаще приходилось дома, а завести новых друзей не получалось. Они постоянно ощущали гнет финансовых проблем и страх перед будущим, представляя, как будут стареть в одиночестве, когда дети разъедутся кто куда. В таких городках, как Монтклер, где вся жизнь вертится вокруг семьи,

одинокие и разведенные женщины чувствуют себя невидимками, анахронизмом, низшей кастой по сравнению с семейными парами.

— Может, мне лучше стать тренером по футболу? — пошутила Синтия.

Они все говорили, стараясь не опускаться до злобного брюзжания, о том, как тяжела, сложна и часто противоречива процедура развода.

— Многие не догадываются, что это только начало разрушительного процесса, который может затянуться на долгие годы, — сказала Дженис с грустью, — я имею в виду всю эту бумажную волокиту, переговоры,

встречи с адвокатами, подписание соглашений. Это так изматывает!

Иногда боль этих женщин становилась почти физически ощутимой, хотя они старались выглядеть независимыми и спокойными.

Члены Клуба плохо представляли себе, чем их организация является для них на самом деле, хотя дружно сошлись на мнении о том, чем она НЕ является: они решили, что их клуб не имеет ничего общего с психотерапевтическими группами. Большая часть его членов посещала настоящих психотерапевтов — в

настоящее время или в недавнем прошлом. Они встречались не для того, чтобы выворачивать душу друг перед другом, чаще всего их отношения ограничивались совместными прогулками с собаками и периодическими заседаниями. Единственным, что их объединяло, были собаки. Собаки работали на них, помогали им выстоять, окружали тем, что принято называть бескорыстной любовью, верностью и дружбой.

Женщины были слишком разными и, вероятно, не могли бы подружиться по-настоящему. Кэролин — ей было слегка за

тридцать — выглядела как выпускница колледжа. В клубе она была единственной афроамериканкой, ее ближайшие подруги, такие же молодые и черные, как она, жили в Бруклине, откуда она только что переехала.

Рейчел, самая старшая и, по общему мнению, больше других подходившая на роль лидера, была активисткой еврейской благотворительной организации. Она часто выезжала во Флориду к родственникам и круглый год щеголяла загаром. Рейчел давно пустила корни в Монтклере,

большинство ее старых друзей жили рядом.

Стиль прожженного профессионала, которого придерживалась Синтия, не мог не нравиться остальным, но сама она отлично понимала, что ее «раскованность» осложняет поиски новых друзей. К тому же она целыми днями пропадала на работе, а свободное время старалась проводить с детьми — дочерью и сыном, страдая оттого, что они-то как раз не стремятся проводить с ней так много времени. Синтия понимала, что это естественно и даже необходимо для подростков, но все же чувствовала

себя одинокой и ненужной. Гости, в отличие от детей, ни разу не убежал на прогулку с друзьями вместо того, чтобы провести весь день с хозяйкой.

Салли — никогда не красившаяся, равнодушная к моде женщина с тугими кудрями — считала, что врачи во многом похожи на полицейских: они чувствуют себя непринужденно только в обществе коллег. Ее работа на скорой помощи требовала такой концентрации внимания, что потом Салли с трудом находила общий язык с обычными, здоровыми людьми. Хозяином Кристи был ее муж, но после разрыва он переехал в Нью-Йорк, и

пуделиха досталась Салли, которая вовсе не считала себя большим любителем собак. Ей даже пришлось нанять помощника, чтобы он выгуливал Кристи в ее отсутствие, — в противном случае собаке пришлось бы сутками сидеть в четырех стенах.

Дженис не работала, поэтому в обществе властных, деловых дам чувствовала себя неловко, хотя была убеждена, что выполняет ответственную миссию, воспитывая двоих детей.

— Так оно и есть, — согласилась Рейчел. Ее дети давно стали самостоятельными и разъехались кто куда.

Даже развод у этих женщин проходил совершенно по-разному. Муж Рейчел объявил ей, что любит другую. Их брак продолжался больше тридцати лет, и она считала его нерушимым, поэтому намерение мужа развестись стало для нее сокрушительным ударом.

— Я всегда считала, что нас с Тленном похоронят вместе, — сказала она однажды. — Теперь я понятия не имею, где меня похоронят, а уж тем более — с кем. Эта мысль мучает меня. Думаю, моим спутником станет Авива. Помоему, какие-то древние племена хоронили собак вместе с хозяевами?

Отличная мысль: она станет моей спутницей на этом и на том свете. — Учитывая свой возраст, а ей было больше пятидесяти, Рейчел, несмотря на возражения подруг, сомневалась в том, что у нее есть шанс завязать серьезные отношения с мужчиной. — Я на все сто процентов уверена, что и сама этого не хочу. Может быть, я стану как Тетушка Мейм: буду путешествовать по миру, навещать детей, а потом и внуков, заявляясь с Авивой то к одному, то к другому.

Развод Синтии был особенно беспощадным: они с бывшим мужем с кровью отвоевывали друг у друга

каждый дюйм — печальный финал пятнадцатилетнего брака.

Салли со вздохом призналась, что предпочла семейной жизни карьеру врача, и муж захотел соединить свою судьбу с более свободной и хозяйственной и меньше измотанной на работе спутницей. В последнее время Салли стала интересоваться коллегой — живой, симпатичной врачом-терапевтом. Рейчел шутила, что если «это» произойдет, их Клуб, разнообразия ради, может подать заявку на участие в муниципальных выборах и победить.

Кэролин с прической из множества косичек носила облегающие блузки и брюки. Она совсем недавно переехала в город со своим мужем, белым репортером «The Wall Street Journal», так как до них дошли слухи, что Монтклер — благодатное местечко для смешанных супружеских пар. Прежде чем обзаводиться детьми, в качестве прелюдии, супруги завели себе Шарптона (юмористический намек на активиста черного движения, преподобного Эла Шарптона). Кэролин считала, что Монтклер вполне оправдывает свою репутацию очага терпимости и культуры, но ее

муж, «потерявший голову» при мысли о необходимости взвалить на себя огромные долговые обязательства, «капитулировал» и вернулся в Бруклин. Она не понимала, почему он не задумался об этом раньше, до того как они переехали. Вскоре после своего побега он прислал ей извещение о разводе.

Кэролин, так и не получившая от него никаких объяснений, не понимала, по какой причине ее жизнь так внезапно затрещала по швам.

— Наверное, я упустила какие-то важные симптомы, — задумчиво

произнесла она. — Но я решительно не понимаю, какие. Это он привел Шарптона и считался его хозяином. Но после его отъезда мы с псом стали не разлей вода.

Из всех членов Клуба Кэролин показалась мне самой одинокой.

Она работала над репортажами дома и не имела возможности общаться с коллегами. К тому же она переехала совсем недавно и еще не успела обзавестись новыми друзьями.

— Честно говоря, я не собираюсь состоять в браке с собакой, — сказала она, — но не представляю, что было бы со мной,

если бы не Шарптон. Он стал моей тенью. Благодаря ему я могу жить дальше — думаю, вы понимаете. Он спит в моей постели, у меня под боком. Мы подолгу гуляем. Теперь я не хочу с ним расставаться. Хотя очень тоскую по Джулиану. Я все еще люблю его и в глубине души надеюсь, что он опомнится и все это останется позади, но постепенно начинаю свыкаться с реальностью. Даже не знаю, как объяснить вам, чем стала для меня эта собака.

Честер, тяжело ступая, подошел к Кэролин и смачно лизнул ее в щеку.

В каком-то смысле Честер был звездой собачьего коллектива.

Остальные собаки пасовали перед его вежливостью и внушительными габаритами (только Авива ворчала на него, отгоняя от своей миски или игрушек), а женщины восхищались его нежной и трепетной, как у всех лабрадоров, натурой. Во время собраний он непринужденно расхаживал по комнате, щедро облизывая присутствующих и получая в ответ сердечные объятия и угощение со стола.

Во время одной из таких встреч члены Клуба выбрали Честера «Мужчиной года»; они по достоинству оценили его непревзойденные достоинства — как

собачьи, так и мужские — и вручили ему большущий кусок мяса в качестве приза.

— Он верный, ласковый, надежный и честный, — с гордостью сказала его хозяйка Дженис, — таким и должен быть настоящий мужчина.

— К сожалению, таких нечасто встретишь, — добавила Синтия.

Исследования, проведенные ведущей ветеринарной академией США, свидетельствуют о том, что более половины замужних женщин получают основную эмоциональную поддержку от собственных собак, а отнюдь не от спутников жизни. (В

марте 2001 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовала аналогичные результаты собственного исследования). По словам опрошенных женщин, собаки понимают их лучше, чем другие члены семьи. Более 80% убеждены, что собаки любят их «бескорыстно» и сохраняют им верность, «несмотря ни на что». При этом около половины респондентов утверждали, что не могут сказать того же о своих супругах.

Дженис по секрету рассказала мне, что одна из женщин, входившая в их группу — имени она не назвала — после особенно напряженного

разговора со своим бывшим мужем предложила вывести собак из дома, чтобы они помочились на его фотографию.

Впрочем, Честер отказался в этом участвовать, еще раз продемонстрировав всем, что обида и злость — бесплодные и нездоровые чувства.

— Честер у нас на первых ролях, — торжественно объявила Рейчел. — Он не позволяет нам забыть о том, что и мужчина может быть достойным человеком.

Несмотря на разнородность аудитории, атмосфера была вполне

непринужденной, женщины чувствовали себя комфортно.

— Я очень дорожу нашими встречами, — призналась Рейчел. — Здесь собрались потрясающие женщины со своими собаками, и мне приятно ощущение, что мы в одной лодке. С ними я не чувствую себя обреченной. — Трудно представить, чтобы мужчины — с собаками или без, — пережив развод, объединились в подобный клуб.

Этот пример может служить иллюстрацией гипотезы о новой роли собаки, ставшей спутником или компаньоном, который, вступая в эмоциональный контакт с человеком,

тем самым помогает ему сохранять душевное равновесие в тяжелой жизненной ситуации.

Однако, обращаясь за поддержкой к своим питомцам, члены Клуба разведенных собачниц не отворачивались и от людей, понимая, что возможности собак ограничены.

Новая работа собак таит в себе скрытые опасности. Многие исследователи сообщают о том, что люди, нуждающиеся в эмоциональной поддержке, получают ее от своих питомцев, однако лишь немногие задумываются над вопросом, насколько собаки

подходят на эту роль. Если они являются социальными паразитами, которые демонстрируют эмоции, сходные с человеческими и благодаря этому манипулируют людьми, наши отношения нельзя считать полноценными. С другой стороны, собаки не могут сменить работу или записаться к психоаналитику, так что все козыри на руках у человека.

В некоторых случаях люди связывают со своими питомцами завышенные ожидания и ставят перед ними непосильные задачи, обрекая себя на неизбежное разочарование. Но женщины из Клуба разведенных собачниц

проявляли поразительное здравомыслие: они признавали, что оказались в сложной ситуации и нуждаются в поддержке; но вместе с тем понимали, что не могут полагаться в этом только на собак. Они не впали в эмоциональную зависимость от своих подопечных. Эти женщины стремились иметь семью, им хотелось, чтобы рядом было живое существо, с которым можно поговорить.

Собаки, и это общеизвестный факт, подходят на эту роль. В сложный жизненный период, когда эти женщины были особенно уязвимы, собаки сделали для них то,

что было им под силу: поддерживали своей любовью и создали ощущение защищенности.

Синтия заметила, что Гасты — единственное существо, которое она может впустить в ванную, не раздражаясь от присутствия постороннего, и не ругает собаку, даже когда та укладывается на полотенце. Когда она пыталась втиснуться в прошлогодние наряды, то не стеснялась делать это на глазах у Гасты. Однако ей не хотелось бы, чтобы свидетелями этого занятия стали ее дети или — тем более — мужчина.

— Гости ходит за мной по всему дому. Я не заставляю его — ему просто нравится быть рядом. Думаю, это приятно каждому хозяину, но я сейчас рада вдвойне: мне необходимо восстановить свою способность доверять другим. Мне нужно снова обрести уверенность в том, что рядом со мной еще появится мужчина, и я смогу поверить ему. На мой взгляд, собаки не дают погибнуть той части нашей души, которая отвечает за способность любить.

Эти женщины знали — из книг, от психотерапевтов, друг от друга, — что придется пройти через период

озлобленности, одиночества, депрессии, потери ориентиров, бездействия. Они надеялись, что собака им в этом поможет.

— И оказались правы, — подытожила Дженис. — Иногда из-за всей этой неразберихи наваливается такая депрессия, что просто нет сил, даже на детей. Я слышала от многих, что они не заводят собаку, потому что не хотят ходить на прогулки морозными зимними вечерами. Но я завела собаку именно для того, чтобы заставить себя подниматься и выходить на эту самую прогулку три или даже четыре раза в день, и это пошло мне на пользу.

Это пошло на пользу не только Синтии. Джон Арчер, британский психолог, по мнению которого собак следует отнести к самым изощренным социальным паразитам, в 1996 году опубликовал статью в журнале «Эволюция и поведение человека»; в ней он утверждает, что устройство современного западного общества способствует неуклонному укреплению уз, связывающих людей и их питомцев. Мобильность и участившиеся разводы подтачивают семью, приводя к постепенному распаду больших, разветвленных семейств. Очевидно, в наши дни эта тенденция приближается к своему

логическому итогу, поскольку люди все чаще предпочитают жить в одиночестве.

«Существует множество доказательств, подтверждающих мнение о том, что при недостатке общения с себе подобными люди склонны к созданию самых тесных отношений со своими домашними животными, — я имею в виду одиноких и разведенных», — отмечает Арчер. Этот факт особенно очевиден при сравнении с семьями, имеющими детей. Женщины без семьи чувствуют себя гораздо менее одинокими, если у них есть собака. Арчеру не удалось найти

подтверждение распространенному мнению, что люди, ищущие поддержки у собак, испытывают затруднения в общении с другими людьми; зато он выяснил, что у холостяков и разведенных наблюдается более стойкая привязанность к их подопечным.

Еще в 1962 году такой тип союза, который впоследствии открыли для себя члены Клуба разведенных собачниц, стал предметом научного анализа. В статье, опубликованной в «American Journal of Psychiatry» психиатр А. Сигел объяснял, что наличие собаки помогает добиться хороших результатов такого рода

терапии: «Животные не судят нас..., не пытаются нас запугать, не предъявляют требований, не демонстрируют своего превосходства постоянными критическими замечаниями. Они дают своему хозяину возможность ощутить собственную значимость».

В 1995 Пэт Сейбл выступила по тому же вопросу на страницах «Journal of the National Association of Social Workers». По ее данным, наличие животного в доме повышает самооценку, дает ощущение защищенности, помогает преодолеть одиночество и чувство оторванности от мира. Сейбл особо отмечает

ситуации, связанные с одиночеством, длительной изоляцией от общества или переходные, например, после бракоразводного процесса.

И в Монтклере, и в других городах собаки успешно с этим справлялись.

— Я буду всем рекомендовать психотерапевта моих соседей, — шутила по этому поводу Синтия.

Как выяснилось, она имела в виду весьма примечательную историю. Если — как интуитивно догадались эти женщины, с которыми согласны многочисленные психологи и психиатры — собаки помогают человеку пережить

крушение брака, то, может быть, с их помощью супружеские пары способны избежать судьбы, постигшей членов Клуба разведенных собачниц? Синтия рассказала нам историю своих соседей, Стива и Мелани Кабраль, которые позднее согласились встретиться со мной.

Супруги Кабраль — она честолюбивый новеллист, он редактор крупной кинокомпании — поженились три года назад и, столкнувшись с некоторыми проблемами, с удивлением обнаружили, что сидят в кабинете психотерапевта,

специализирующегося на семейных отношениях.

— Нельзя сказать, что мы не любили друг друга, — поспешила уточнить Мелани, — но нам было необходимо разобраться с кое-какими недоразумениями.

— Когда Стив говорил «нет», я говорила «да», — так она описала суть возникших между ними разногласий. У них были совершенно разные интересы. Дома после работы он часами смотрел фильмы или спортивные передачи, а она была фанатиком фитнеса, увлекалась походами, в том числе на лыжах, пробегала по три мили ежедневно.

Общительная Мелани с удовольствием заводила знакомства, а ее муж представлял собой классический тип интроверта.

Все это казалось им не стоящим внимания, потому что они рассчитывали вскоре посвятить себя заботам о большой семье, о которой оба мечтали. Они приобрели дом с тремя спальнями и огороженным участком, достаточно просторным, чтобы установить там качели и песочницу; к тому же дом находился поблизости от школы. После нескольких неудачных попыток завести ребенка выяснилось, что их

способность к деторождению под вопросом.

Было не совсем ясно, смогут ли они иметь собственных детей или им придется усыновить ребенка. Чтобы получить окончательный ответ, нужно было проделать серию изнурительных и дорогостоящих исследований, которая займет, как минимум, пару лет. В полном смятении супруги обратились к психотерапевту, который провел с каждым из них индивидуальную беседу, после чего пригласил в свой кабинет обоих. Незадолго до окончания разговора, во время которого они успели затронуть массу

серьезных вопросов, психотерапевт задал им вопрос:

— Вам не приходило в голову завести собаку?

Больше он не заговаривал об этом, и через минуту они расстались. Однако, вернувшись домой, супруги продолжили обсуждение этой идеи.

— У нас как будто открылись глаза, — сказала мне Мелани. — Собака сможет объединить нас, а мы пока выясним, будут ли у нас дети. Она станет тем существом, которое полюбим мы оба, тем, кто полюбит нас, соединит воедино...

Три недели спустя они отправились в приют на Лонг

Айленд, поднявшись еще до рассвета, чтобы к моменту открытия быть первыми в очереди. Там они взяли двухлетнего золотистого ретривера по кличке Лола — ее фотография была помещена на сайте Petfinder.com.

— Вот вам любовь с первого взгляда, — обернулся ко мне Стив, когда Лола ткнулась ему в руку, а потом вскочила на диван, где сидели супруги. — Мы понравились ей с самого начала.

Возможно, психотерапевт имел в виду то о чем писала Дороти Берлингхэм в своих «Близнецах»: глубоко укоренившуюся всеобщую

потребность в любви и преданности, стремление найти понимающее существо, которое не станет вас судить. Невозможно вспомнить все случаи, когда мне приходилось слышать от людей о всепоглощающей и верной любви, которую дарит им их собака. Может быть, такое утверждение не вполне соответствует действительности, но для человека это обстоятельство зачастую является решающим.

Когда Лола прибыла домой, вскрылись серьезные проблемы — собака была необученной и страдала ожирением. Она рвалась с поводка, не слушала команд, прыгала на

мебель и людей, подбирала и съедала все, что не было прибито гвоздями.

По словам Стива, психиатр оказался настоящим гением. Лола была именно тем, в чем они нуждались в этот сложный период. Они оба от души полюбили собаку, и их брак получил объект концентрации, в котором нуждался.

Теперь все споры о том, как провести свободное время, остались позади. Стив забросил свои домашние развлечения и вместе с Мелани водил Лолу на прогулки. Они стали посещать двухнедельный начальный курс дрессировки в центре на Мэдисон, а затем

записались на следующий, выбрав самого опытного инструктора.

Теперь их дом и двор были усеяны мячами и игрушками. По выходным все вместе отправлялись на побережье, чтобы Лола могла побегать по пляжу. Посчитав, что энергичной и общительной собаке необходима компания, они присоединились к группе других собаководов, живших по соседству.

— Как будто нам ее послали свыше, — заметила Мелани. — Понимаю, что это звучит странно, но оказалось, что она — именно то, что нам было нужно. Мы оба обожаем ее. Она так радуется, когда мы

возвращаемся домой. Поверьте, мы не сумасшедшие, но Лола стала связующим звеном, в котором мы так нуждались в тот момент.

Стив поспешил добавить, что собака не решает всех проблем.

Они по-прежнему мечтают иметь детей, и если повезет — не одного, это для них принципиальный вопрос (в случае неудачи они собирались усыновить ребенка). Но теперь их брак вне опасности, и советы врачей им больше не нужны.

Есть вероятность, что подобное участие собаки в сохранении брака является проявлением общей тенденции.

В майском номере журнала «American Demographics» за 2002 год приводится сообщение о резком взлете зооиндустрии, что связано с затрагивающими владельцев животных изменениями в демографической ситуации. Только треть этих людей состоит в браке и имеет детей. Все чаще домашних животных заводят молодые пары — в качестве «теста на совместимость» перед тем, как обзавестись детьми.

Замужние «наседки», занимающие противоположный конец демографической шкалы, заводят собак, чтобы заполнить опустевшие гнезда. Так же

поступают одинокие люди, особенно после развода, смерти супруга или родителей.

«Эти изменения, — заключает автор статьи, — способствовали возникновению фактора, который, по мнению экспертов, является решающим в развитии зооиндустрии: речь идет о возрастающей склонности человека к антропоморфизму и очеловечиванию своего домашнего любимца».

Однако у стремления использовать собаку в качестве суррогата для эмоционального общения есть и негативная сторона, ярко проявляющаяся, когда

потребность в таком общении отпадает или снижается; это видно на примере Рашмора, хозяин которого умер, а вдова собралась снова выйти замуж.

Кэролин позвонила Рейчел, чтобы сообщить о своем решении вернуться в Бруклин, — ей хотелось быть поближе к друзьям. В доме, куда она собралась переехать, не разрешалось держать собак, поэтому она договорилась, что отправит Шарптона к сестре, жившей на юге Вирджинии. Сестра Кэролин знала Шарптона и любила его, к тому же в ее владении было целых восемь акров земли, где он мог целыми

днями охотиться на кроликов. Вот только Кэролин опасалась, что соседи негативно отнесутся к кличке ее собаки.

— Они могут и обидеться, — сказала она. — Но все равно, я уверена, что ему там будет хорошо, а потом, кто знает, может быть, через год-два я и сама туда уеду.

Клуб постепенно умирал.

Салли, всегда державшаяся немножко в стороне, нашла общий язык со своей коллегой. Прочие члены Клуба отнеслись к этому с одобрением. Однако новая подруга страдала аллергией на шерсть, поэтому с Кристи, и без того

заброшенной, пришлось расстаться. Салли отнеслась к делу со всей ответственностью: поместила объявления в местной газете и лично провела отбор кандидатов. В конце концов, она нашла молодую пару, обладавшую некоторым опытом в обращении с собаками. Оба супруга мечтали о пуделе. Синтия надеялась, что перемены пойдут собаке во благо.

Дженис, регулярно посещавшая стадион возле школы, где училась ее дочь, познакомилась с симпатичным любителем собак и значительно сократила свое присутствие на собраниях. Отсутствие Честера,

игравшего роль идеального мужчины, стало серьезной утратой для Клуба. А пес был без ума от нового увлечения Дженис. Однажды вечером она потрясла подруг, когда, рассказывая им о новом приятеле, воспользовалась теми же эпитетами, которыми описывала достоинства Честера: «любящий, надежный, внушающий доверие и не слишком умный».

Женщины единодушно согласились, что лучшего и желать нельзя.

— Честер теперь ходит на охоту и плавает, — в полном восторге рассказывала Дженис. — Иногда мне

кажется, что Эл сошелся со мной, чтобы быть поближе к собаке.

Заметно сократившаяся группа планировала закатить обед в честь Кэролин, но в последнюю минуту виновнице торжестве пришлось все отменить из-за каких-то проблем на службе. Рэйчел предположила, что она просто испугалась очередного раунда прощаний. В октябре Кэролин уехала из Монтклера, и с тех пор бывшие подруги ничего о ней не знают.

Члены клуба подумывали о том, чтобы пополнить свои ряды, приняв Даниэллу, подругу Синтии, как раз подумывавшую о разводе.

— Давайте примем кого-нибудь, кто сам решился на развод, а не был поставлен противной стороной перед фактом, — эта фраза стала излюбленной шуткой Синтии.

Подруги устроили смотрины, пригласив Даниэлла на совместную прогулку, но, в конце концов, решили оставить все, как было.

Даниэлла всем понравилась, зато ее шнауцер оказался просто невыносим: сначала прикусил Честера, потом задибался к Авиве. Члены клуба устали от разногласий.

— Нет уж, спасибо, — подытожила Рейчел. — Если бы мы

искали войны, то обратились бы к своим бывшим.

VI

Дуэт

Мои собаки насторожились первыми: кто-то тихонько напевал и время от времени, словно подхватывая припев, взлаивала собака. Обойдя вокруг зарослей — дело происходило в парке поблизости от нашего дома, — я увидел их: женщина сидела на скамье, распевая серенады

рыжеватому вельш-корги с
огромными глазами.

Глядя на собаку, она пела песню на мотив «Красноносый Рудольф с Рейна». Пес тоже не сводил с хозяйки глаз, ловил каждое ее слово, от усердия склонив голову набок. Слова показались мне довольно примитивными, но сюжет был, безусловно, бессмертен:

У Гарри
вельш-корги
Были
огромные уши,
И они все
росли и росли.

Это
продолжалось
годами.
Все
остальные корги
Смеялись
над ним и
дразнили,
И говорили
ему: Эй,
бедолага,
Твои уши,
должно быть,
накладные...

Дождавшись окончания куплета,
Гарри радостно подхватывал припев.
Женщина была бледна и выглядела

нездоровой, а вздувшийся живот и темный парик наводили на мысль о химиотерапии. Тем не менее, ее лицо сияло улыбкой. И в самом деле, размерами ушей ее корги не уступал слоненку Думбо. Казалось, ему достаточно взмахнуть ими как следует, и он вознесется к самому небу, словно на вертолете.

В песне — пока мы обходили заросший кустарником участок, то невольно подслушали следующие куплеты — рассказывалось о том, как все смеялись и отталкивали злополучного корги, пока не пришел Санта Клаус и не исполнил все его желания.

Сцена была настолько впечатляющей, что я не мог оторваться и продолжал смотреть на эту пару, словно замороженный, чувствуя неловкость за свое невольное вторжение. Мои собаки подбежали к Гарри и приступили к принятому в таких случаях ритуалу знакомства; женщина замерла.

— Наверное, у меня галлюцинации, — сказал я, надеясь растопить лед, — или вы действительно пели своей собаке?

Женщина вспыхнула от смущения. Было заметно, что она борется с желанием немедленно встать и уйти. Поколебавшись, она

представилась, — ее звали Донна Дуайт. На первый взгляд я дал бы ей слегка за шестьдесят и впоследствии был поражен, узнав, что ей нет и пятидесяти. Она действительно была нездорова и двигалась медленно, с явным трудом.

— Делать нечего, придется признаваться, — она улыбнулась и пожала плечами, — я действительно частенько пою для Гарри. Вернее, мы поем друг другу. Глупо, правда?

Пока мы неторопливо бродили по парку в компании своих собак, она рассказала, что уже 25 лет работает менеджером в одной страховой компании к северу от

Принстона, но планирует вскоре уйти на пенсию. Да, она действительно больна и в последнее время ей пришлось сократить нагрузку. Ей сделали серию операций и провели изнурительный курс химиотерапии по поводу рака груди, а теперь — по ее собственному выражению — бросили «выжатую, как лимон».

Сейчас она живет одна, — здесь, неподалеку, в поселке, — муж ушел через год после того, как ей поставили диагноз. В Монтклере, стремительно заполняющимся новым поколением «яппи», обычная служащая быстро оказалась

вытесненной на городскую окраину более обеспеченными конкурентами, нескончаемым потоком прибывающими из Нью-Йорка со своими женами и маленькими детьми.

В разговоре Донна осторожно попыталась сгладить отрицательное впечатление о своем муже:

— Он неплохой человек, ему просто не хватило сил, — сказала она. — Откровенно говоря, дело не только в моей болезни, у нас были проблемы и до этого. Думаю, мне не стоит на него обижаться.

Она умолкла, погрузившись в воспоминания.

— Я подумала, что, раз я всегда любила собак — у меня была дворняжка Милли, но несколько лет назад она умерла, и я до сих пор скучаю по ней, — то именно собака поможет мне выдержать этот нелегкий период. И приняла решение. Наверное, оно может показаться странным, но я знаю, на какую любовь и преданность способны собаки..., — Донна наклонилась и протянула Гарри домашнее печенье на арахисовом масле.

— Тогда я отправилась в питомник, — адрес мне попался в интернете, — и взяла Гарри, ему

было всего девять недель. Он был самым маленьким в помете, настоящим недомерком. Едва взглянув на его огромные глаза и уши, я по-настоящему влюбилась.

С тех пор прошло уже четыре года, но Донна — по ее излюбленному выражению — упорно не умирала.

Стоило хозяйке произнести кличку, как Гарри тотчас же подбегал, неизменно получая порцию ласки и комплиментов. Некоторые собаки просто источают обаяние — Гарри был как раз из таких. Между ним и Донной установился в некотором смысле

непрерывный зрительный контакт, который так высоко ценят специалисты по дрессировке. Донне было просто незачем отдавать команды — Гарри постоянно был рядом.

Если собаке дано обладать чувством юмора, — а легионы любителей собак поклянутся вам, что это именно так, — то Гарри им, несомненно, обладал. При взгляде на него было трудно удержаться от улыбки. От него так и веяло озорством, большие глаза лучились любопытством и любовью. Но он отнюдь не был клоуном. Корги —

рабочие собаки, и мало кто из них работал усерднее Гарри.

А Донна, как выяснилось, нуждалась в его помощи. С тех пор как она стала завсегдатаем больниц и медицинских кабинетов, многочисленные прежде друзья предпочли испариться. Она их не осуждала:

— Это слишком тяжело, — говорила она, — некоторое время в период развода и тяжелого лечения мне казалось, что на мне лежит какое-то проклятие. Люди просто не знали, как себя вести. Сначала я обижалась, потом смирилась и решила держать оборону вместе с

Гарри — только он и я. Я понимаю, что он не человек, и не воспринимаю его как человека, но это лучшее решение, которое можно было принять в моей ситуации.

На Гарри можно было положиться. Он не собирался испариться. Он даже не отворачивался от нее.

О чем бы ни заходил разговор, Донна неизменно сводила его к Плану, — ведь у нее был План. Пункт первый: выйти на пенсию. Пункт второй: купить небольшую ферму в Пенсильвании. Пункт третий: подготовить необходимые распоряжения об устройстве судьбы

Гарри после того, как ее не станет, и поручить его заботам единственной оставшейся подруги Джоан, подрабатывавшей агентом по недвижимости и очень любившей собак. Пункт четвертый: когда настанет ее час, мирно уйти из жизни. Это должно произойти в их новом доме, и Гарри будет сидеть у изголовья ее кровати. С учетом ее сбережений, пенсии и других пособий План выглядел вполне реальным. Впрочем, по ее подсчетам ей оставалось прожить год или два, не больше. Часть оставшихся денег она собиралась отписать на пожизненную пенсию для Гарри.

Квартира Донны — в одном из этих неописуемых кирпичных комплексов с псевдоаристократическими названиями — была ухоженной и комфортабельной, но очень скромной. Стены украшали постеры с изображениями собак и птиц, однако меблировка была довольно скудной, диваны и кресла — функциональными и недорогими.

На кофейном столике лежал бинокль и увесистый справочник по птицам северо-восточных штатов, покрытый тонким слоем пыли.

Деревянные скворечники за окном спальни пустовали, зерна в

кормушках не было. Все, чем она когда-то интересовалась, теперь было предано забвению, ее жизнь продолжалась в урезанном варианте.

По утрам они с Гарри выходили на прогулку в парк Брукдейл или в лес, подступавший к жилому комплексу с тыла. Затем она отправлялась на работу, — если сносно себя чувствовала. Вернувшись домой, готовила легкий ужин — немного салата, суп и сандвич для себя, банку «Педигри» для Гарри. Сама Донна обходилась без десерта, — у нее не было аппетита, — но всегда держала дома лакомства для собаки, например

галеты из печени. Они стоили недешево — по 4,99 доллара за банку — поэтому за вечер, в промежутке между ужином и отходом ко сну, он получал всего две-три штуки.

После ужина Гарри полагалась прогулка — последняя перед сном. Остаток вечера Донна проводила у телевизора, одновременно развлекая Гарри игрой. Время от времени она бросала ему тяжелый резиновый мяч, и он с рычанием гонял его по всей квартире, до полного изнеможения бегая из комнаты в комнату. В девять Донна принимала положенный набор лекарств и ложилась спать. У Гарри имелась собственная постель,

но он предпочитал спать вместе с Донной, свернувшись возле ее подушки.

К дому примыкал огороженный внутренний дворик, где Донна с Гарри любили погреться на солнышке. Теоретически туда не разрешалось приводить собак, но домовладелец смотрел на нарушения сквозь пальцы и, если животные вели себя тихо и не кусались, а хозяйева убирали за ними, никто их не прогонял. В сумке Донны, так же, как у большинства сознательных собаководов, постоянно лежал запас пакетиков для собачьих

неожиданностей, — ей не хотелось давать повода к гонениям на собак.

Порой, когда у нее случалось подавленное, «слезливое» настроение, Гарри достаточно было залаять или повилять хвостом, и при одном взгляде на его забавную физиономию с огромными ушами Донна не могла удержаться от улыбки, а иногда и от смеха.

Очевидно, он не выносил приступов тоски и задумчивости и при первых же признаках окружал хозяйку своим вниманием, вынуждая ее двигаться и даже петь. Порой ему было достаточно просто прижаться к ней покрепче.

Несмотря на обилие книг и научных трудов, посвященных чувствам собаки, мы все еще слабо разбираемся в этом вопросе. Мы высказываем гипотезы, но, к сожалению, собаки не имеют возможности поправить нас в случае ошибки. В наших силах только наблюдать и делать предположения о том, каковы истоки глубоких многогранных связей между собакой и человеком. Каждая из созданных человеком теорий — а их великое множество — на первый взгляд ничем не уступает остальным. Эмоциональные связи между людьми и их собаками остаются тайной, но

очень мощной силой, которая не отступает перед противоречиями и реальностью, свободно развивается и почти недоступна пониманию стороннего наблюдателя.

Отношения Донны с ее любящим, внимательным компаньоном не были выдумкой, — она смотрела на вещи вполне реально. Казалось, Гарри понимал, что на него возложена серьезная задача, и ответственно относился к ее выполнению, — стоило Донне протянуть руку, и голова Гарри неизменно оказывалась под ее ладонью. Когда она читала, он дремал рядом. Если ей случалось

застонать от боли, он немедленно бежал к ней со всех ног.

Гарри сопровождал ее во время бесконечных визитов к врачам и нетерпеливо поджидал в машине, не сводя глаз с двери, за которой она исчезла, а, дождавшись, встречал радостным повизгиванием, — даже когда она не обращала на него внимания, измученная изнурительными процедурами, растущей стопкой рецептов и страховых бланков и неутешительными известиями.

Она практически лишилась волос, набрала, потом снова потеряла вес и вела непрерывную

борьбу со слабостью. Гарри — ее главное лекарство — всегда был рядом.

Джоан, ближайшая подруга Донны, регулярно навещала ее и изо всех сил старалась подружиться с Гарри. Она приносила ему лакомства и игрушки и всячески проявляла свое внимание. Он относился к ней с явной симпатией — впрочем, как почти ко всем, кого знал, — но его сердце безраздельно принадлежало Донне. Понимал ли пес, что с ней что-то не так? Этого мы никогда не узнаем. В любом случае, он не мог бы сделать для нее больше.

— В нем вся моя жизнь, — однажды, когда мы гуляли в парке, сказала Донна. — Даже самые близкие друзья не решаются говорить со мной о болезни, а муж — так просто не выдержал. У меня нет никого, кроме Гарри, — это он заставляет меня улыбаться, не чувствовать себя брошенной, только благодаря ему я еще двигаюсь. Благодаря ему я живу.

Сколько раз мне приходилось слышать от людей, что собака стала для них смыслом жизни. В определенных ситуациях собаки способны слышать потайные, глубоко спрятанные струны нашей

души. Вероятно, так случилось и у Донны с Гарри.

Донна обладала сильной, открытой натурой и неиссякаемым запасом оптимизма. Она никогда не жаловалась на болезнь, не осуждала неверных друзей, поспешивших исчезнуть, когда с ней случилось несчастье. Собака стала для нее единственным утешением и спасением от одиночества.

Как отнестись к такой ситуации? Выслушивая подобные истории о собаках, невольно проникаешься ощущением чуда. Но в этот раз мне было нелегко избавиться от сожалений о том, что

кроме преданного корги, Донне не на кого положиться, — только с Гарри она могла поговорить о своей болезни и приближающейся смерти так, как если бы рядом с ней были близкие люди.

Живи мы в другом обществе или в другое время, — скажем, лет пятьдесят лет назад — за Донной ухаживали бы многочисленные родственники, прихожане местной церкви, друзья, соседи и, может быть, даже вернувшийся муж.

Но, зная о человеческой разобщенности, я старался не задумываться о том, что стало бы с

ней без ее лопоухого приятеля. Он выполнял чертовски важную работу.

— В наших отношениях нет ничего сложного, — как-то объяснила она, — он дает мне возможность чувствовать себя любимой и находить в себе силы для ответной любви. Мне это необходимо. Не думаю, что собака всегда может заменить общение с людьми. Но ведь иногда это случается?

Донна медленно угасала, она реже выходила в парк, все чаще выезжала на машине. Она быстро уставала и мерзла от малейшего ветерка, в котором уже ощущалось

близость зимы. Впрочем, несмотря ни на что, она по-прежнему присылала на мой электронный адрес жизнерадостные послания, новые песни для Гарри, рассказы об их странствиях по городу, захватывающие повести о совместных приключениях и даже рецепты собачьих лакомств.

— Я несколько раз готовила для Гарри шарики из рожкового дерева [\[2\]](#) по рецепту из «Собачьей поваренной книги», — сообщила она однажды. — Он пробовал три разновидности.

Шарики из рожкового дерева готовились из снятого молока, меда,

ванили, отрубей и растертых семян рожкового дерева. Но бесспорным кулинарным фаворитом оставалось печенье, рецепт которого они привезли из Лагерь Тэффи (летнего лагеря для хозяев с собаками, — Донна и Гарри отдыхали там несколько лет назад).

Когда Джоан была свободна, она, Донна и Гарри частенько отправлялись в дальние походы. Однажды ветреным субботним утром они съездили на побережье в Джерси, чтобы прогуляться по пляжу и отведать суп из моллюсков. В окрестностях Уотер Гап они любовались осенней листвой. Кроме

того, Донна готовила для Гарри сюрприз.

Она решила сделать из него настоящую пастушью собаку.

Тщательно обдумав свой замысел, Донна вступила в переписку с овцеводами, советовалась с владельцами пастушьих собак. Она понимала, что силы будут постепенно оставлять ее и напоследок хотела сделать Гарри незабываемый подарок.

— Ведь он — корги. Разве можно допустить, чтобы он ни разу не увидел овец?

На севере штата Нью-Йорк они с Джоан нашли овечью ферму и в

погожий осенний денек отправились на свидание с овцами, захватив с собой Гарри.

Донна держалась бодро, хотя была бледна, сильно исхудала и время от времени теряла ориентацию. Теперь ее постоянно знобило, поэтому, несмотря на теплую солнечную погоду, она надела множество шарфов и кофт, а также дополнительную пару носков. Приступы, сопровождавшиеся тошнотой и диареей, тоже участились, что дополнительно осложняло поездку. Но Донна светилась энтузиазмом.

Я ехал следом за «субару» Джоан в компании двух своих бордер-колли, — оба моих пса уже имели некоторый опыт в пастушьем деле. Донна, пекущаяся о моих собаках не меньше, чем о Гарри, настояла на том, чтобы я взял их с собой.

— Мы устроим настоящий праздник, — предвкушала Донна. Она взяла с собой три пластиковых канистры с водой, пастуший посох, широкополую шляпу от солнца, массу лакомств для собак — в том числе собственноручно изготовленное печенье — и новую

пастушью песенку на мотив
известной песни Биттлз «Hey Jude»:

Гар-ри,
Пастуший
пес
Ты быстрее
всех на свете,
Ты
поймаешь всех
овец,
Ведь ты
просто молодец,
Ты
помчишься
Словно
ветер!

Инструктор, Джоан, а вместе с ними и я немного нервничали по поводу нашей авантюры. Работа пастуха требует больших затрат энергии, она необычайно изнурительна физически и морально, поскольку и собака и овцы непрерывно перебегают с места на место.

В отличие от сотрудников канала «Дискавери» настоящим пастухам приходится много двигаться — и нередко в очень быстром темпе. Собаки могут повести себя непредсказуемо по отношению к овцам, да и овцы нередко платят им той же монетой. До сих пор

единственными
сельскохозяйственными животными,
которых Гарри довелось увидеть,
были лошади. Он видел их во время
экскурсии на ферме в графстве Бакс,
где побывал вместе с хозяйкой, и с
удовольствием облаял.

Донна отмахнулась от наших
предостережений. Она
безоговорочно верила в свою собаку.

— Это у Гарри в крови, —
повторяла она. — Только
представьте, какое его ждет
удовольствие.

Через три часа мы прибыли на
ферму «Колумбия»; — среди ее
зеленых лугов виднелись красный

амбар и белый фермерский домик, построенный еще до Гражданской войны. Сара Хардинг, хозяйка фермы, заранее предупрежденная Донной о нашем приезде, уже вынесла на лужайку кресло, поставив его возле небольшого загона. По секрету Сара шепнула нам с Джоан, что отобрала самых спокойных овец. Как выяснилось, она имела в виду старых, медлительных животных, абсолютно равнодушных к собакам. Эти овцы заранее знали, куда их погонят, и без всякого принуждения сами поворачивались в нужном направлении. Даже новичку вроде

Гарри было под силу с ними справиться.

Сара призналась, что беспокоится за Гарри. Овцы весят около 140 кг каждая, запаниковав, могут бежать очень быстро и сбить с ног собаку или человека. Маленькая собака, не имеющая опыта в общении с овцами, рискует получить серьезные травмы.

Овцы подчеркнуто невозмутимо смотрели по сторонам. Они едва взглянули на Гарри и вновь опустили морды в траву. Донна, уставшая от долгой поездки, неторопливо шагала к загону, загораживаясь ладонью от солнца. Ее снова знобило, бросало то

в жар, то в холод. Несмотря на показную бравату, чувствовалось, что ей не по себе. Тем не менее, она по-прежнему была полна решимости и, натянув шапку и шарф, приготовила крошечную 35-миллиметровую камеру.

— Я готова, — объявила она, усаживаясь в кресло и наводя объектив.

Гарри заметно встревожился: взволнованно поглядывая на хозяйку, он подошел и сел у ее ног. Повидимому, овцы его не интересовали.

Сара объяснила Донне и Джоан — и Гарри, разумеется, тоже, хотя он не особенно прислушивался к ее

словам, — основные правила работы пастуха. Пес успокоился, наслаждаясь обществом и лакомствами, хотя еще не понимал, какое отношение имеют к нам пасущиеся овцы.

— Вы готовы? — спросила Сара.

Донна кивнула. Сара взяла Гарри на поводок — он заметно растерялся, — подвела к изгороди, отперла ворота и впустила его внутрь. Овцы, сообразившие, что за этим последует, отошли в дальний угол.

Потрясенный Гарри оглянулся на Донну, перевел взгляд на Сару, а затем на овец. Его огромные глаза

округлились, а развесистые уши легли на затылок.

— Давай, Гарри, покажи им! — крикнула Донна со своей импровизированной трибуны. — Пусть они узнают, какой ты пастух! Сара отстегнула поводок. Ее собственный бордер-колли Блейз лежал, свернувшись, возле входа в загон, готовый в любую минуту придти на выручку. Овцы зашевелились, Гарри прижал уши и, торопливо подбежав к выходу, ткнулся носом в ворота, прося, чтобы его выпустили. Сара вывела его наружу, он со всех ног бросился к

Донне и нырнул под ее кресло, косясь оттуда на овец.

— Все в порядке, малыш, не бойся, — ласково повторяла Донна, подсовывая ему кусочки котлеты. Он поднял на нее глаза и снова обернулся на овец. Было заметно, что Донна расстроена его провалом.

И тут Сару осенило:

— Донна, вас не затруднит зайти в изгородь и постоять у ворот? Я впущу туда Блейза и встану с другой стороны. Может быть, тогда Гарри почувствует себя увереннее. — Донна с сомнением оглянулась на Джоан и, неуверенно ступая, вошла внутрь загона, позвав за собой Гарри. Сара и

Блейз заняли позицию метрах в двух от Донны. Та сунула Гарри очередной кусочек котлеты и ободряюще шепнула:

— Не бойся, Гарри. Вперед.

Дважды Гарри собирался с духом, пытаясь заставить себя приблизиться к этим огромным существам, заросшим густой шерстью, и дважды отступал, прячась за Донну; в конце концов, он взял себя в руки и решился. Овцы подняли головы и, бесстрастно смерив его взглядом, снова захрумкали травой. Тут вмешался Блейз: не двинувшись с места, он нетерпеливо и властно гавкнул. Овцы

попятились и неохотно отошли на несколько шагов. Гарри, ободренный поддержкой, шагнул вперед и тоже залаял. Овцы отступили еще немного, — вероятно, в основном из вежливости. Публика разразилась аплодисментами.

— Получилось! Получилось! — Джоан и Донна восторженно рукоплескали. Гарри приосанился и горделиво, с достоинством двинулся на выход. Сара отодвинула щеколду, и они с Донной с победоносным видом вышли наружу, — это был настоящий триумф пастуха и его собаки. Ликующая Донна, взвизгнув от восторга и возбуждения, выдала

Гарри двойную порцию лакомств. Овцы с недоумением переглянулись и, облегченно вздохнув, снова занялись травой.

— Какой же ты храбрый! — восхищалась Донна.

— У него все получилось, — поддержала ее Сара. — Гарри — настоящий пастух, рабочая собака.

Они еще немного поболтали, и Донна, ухитрившаяся за эти несколько минут отщелкать почти целую кассету — вскоре снимки украсили стены ее квартиры, — распрощалась и медленно, с трудом направилась к машине. Джоан села за руль, Гарри вскочил на заднее

сиденье и, высунув голову в окно, на прощание окинул овец торжествующим взглядом. Перекусив в ближайшем кафе, они двинулись в обратный путь — домой, в Нью-Джерси.

— А вы не верили! — восклицала Донна. — Я же говорила вам — у него гены!

Прошло около двух месяцев. Как-то Донна позвонила мне по телефону и сказала, что хотела бы встретиться. С квартирой и ее хозяйкой за это время произошли разительные перемены: Донна стала еще бледнее, а ее комната превратилась в настоящую

больничную палату — с переносной капельницей, инвалидным креслом, кислородной маской и целой батареей флаконов с таблетками. Дважды в день приходящие помощники мыли посуду, меняли простыни, измеряли давление и выполняли предписания врача — их перечень, так же, как и список лекарств, стал заметно длиннее.

Впервые по ее лицу можно было понять, что она испытывает физические страдания. Если в начале нашего знакомства ей можно было дать лет шестьдесят, то теперь она выглядела значительно старше. Донна призналась, что переживает

период упадка, хотя подъемы все еще случаются и длятся, бывает, довольно продолжительное время.

Она больше не заговаривала о доме своей мечты, в который собиралась переселиться вместе с Гарри.

— Наверное, время, которое было мне отпущено, подходит к концу, — философски заметила Донна. Она наняла человека, чтобы выгуливать Гарри в течение дня, а по вечерам ее навещала Джоан, если была свободна. Иногда Донна просто выпускала Гарри на улицу. Он знал, что от него требуется, быстро делал все, что нужно, и возвращался.

Пес стал как будто серьезнее, выглядел несколько подавленным и встревоженным, но работал все так же усердно.

— Он такой молодец! — воскликнула Донна. — Я не устаю благодарить Бога за то, что у меня есть Гарри. — Она сказала, что теперь не всегда успевает добежать до ванной во время приступов тошноты, а лекарства надолго погружают ее в похожее на сон оцепенение. Но Гарри по-прежнему постоянно рядом с ней — несмотря ни на что.

Вернее — почти постоянно. По просьбе Донны, один-два раза в

неделю Джоан забирала Гарри к себе. Однако всем своим поведением он опровергал теории, утверждающие, что собака не в состоянии понять сложных человеческих ситуаций.

У Джоан — хотя она и не говорила об этом Донне — Гарри беспокоился и ничего не ел. Ходил из угла в угол, скулил, бросался на дверь, а потом неподвижно замирал возле нее. Когда Джоан, наконец, сдавалась, он опрометью бежал к ее машине и прикидал к окну, нетерпеливо ожидая возвращения домой, к Донне.

— Не сомневаюсь, когда все закончится, мы с ним прекрасно поладим. Но этот пес сознает свою миссию, — с грустью заметила Джоан, — и исполнит ее до конца.

Вероятно, она была права. Куда бы ни пошла Донна, голова Гарри, словно прикрепленная невидимыми нитями, неизменно поворачивалась за ней. Он ходил следом за хозяйкой из комнаты в комнату, вскакивал на постель, когда она засыпала, сопровождал ее в ванную во время приступов рвоты. Такие сцены нелегко вынести — и человеку, и собаке — но Гарри явно не желал быть в это время в другом месте.

Пусть он и не чувствовал себя пастухом, — его призванием была Донна.

Даже во сне она порой протягивала к нему руку, — пес неизменно был рядом. Он никогда не попадался ей под ноги, не налетал на трубки и провода, опутавшие квартиру.

Во время этой нашей встречи она спела свою последнюю песню, написанную на мотив «Джингл Белл Рок»:

Гарри Дуайт, Гарри Дуайт, Гарри Дуайт, ты — мой, Как прекрасно сознавать:

Ты всегда со мной...

— Наверное, получилось так себе, — хриплым шепотом выговорила она. Гарри так не думал. Как всегда, когда она пела, он подпевал, помахивая обрубком хвоста, и осыпая поцелуями ее лицо.

VII

Мальчик с собакой

В день своего рождения Джамал Саттон — ему исполнилось четырнадцать — попросил у матери разрешения завести собаку. Это

желание давно стало у него навязчивой идеей. Три года назад отец Джамала уехал в Вирджинию, и с тех пор мальчик постоянно твердил матери о том, что жить не может без собаки.

Джамал — высокий, застенчивый подросток, с детства отличавшийся ровным, спокойным характером. Он долго был настоящим «книжным» ребенком, пока не сообразил, что в современной жизни это равносильно клейму отверженного. Со временем он научился не выделяться среди своих ровесников. Так же, как и остальные мальчишки из их квартала, Джамал

боготворил Майкла Джордана, а позднее Шейкила О'Нила и Кобе Брайанта из «Лос-Анджелес Лейкерс», день и ночь слушал хип-хоп — по дороге в школу, во время уроков и прогулок в парке Нишуан, примыкавшем к городу с противоположной стороны от Национального парка Миллз. Однако с тех пор, как его лучший друг Малик переехал в другой город, Джамал ни с кем особенно не дружил и предпочитал держаться одиночкой.

Мальчик не мог похвастаться атлетическим сложением, но со временем намеревался стать настоящим спортсменом и считал,

что у него больше шансов «взять скоростью, а не силой». Джамал играл в баскетбол в школьной команде Монтклера и сумел добиться приличных, хотя и не выдающихся успехов.

В школе он был середнячком, но кое-кто из учителей оценил способности мальчика и откровенно симпатизировал ему. Педагоги опекали его, исподволь подготавливая к поступлению в колледж. Однако он не поддавался на подлобные уловки. Внимание со стороны учителей только осложняло отношения Джамала с приятелями, обзывавшими его подлизой, что

серьезно подрывало авторитет мальчика. Он сказал, что не собирается поступать в колледж, разве что баскетбольная команда возьмется выплачивать ему стипендию.

Его мать понимала, что, заводя собаку, Джамал рассчитывает таким образом поднять свой социальный статус среди подростков квартала и оградить себя от местной шпаны.

В конце концов, она согласилась. Для начала Джамал обошел все местные приюты. Он искал питбуля или ротвейлера — это были его любимые породы. Не ограничившись Монтклером, он съездил в соседний

Блумфилд и даже Ньюарк, — для него это было целое путешествие, — но повсюду его просили вернуться с кем-нибудь из взрослых.

Тогда-то живший по соседству приятель сказал ему, что у служащего местной почты недавно ошенилась сука питбуля. Хозяин просил за щенка двадцать пять долларов. Джамал подрабатывал после уроков, когда хотел купить себе что-нибудь из одежды, компакт-диск или сладости; — он разгружал товары в магазине, ходил за покупками для миссис Эдвардз, наводил порядок на участке перед церковью св. Павла. Словом, двадцать пять долларов

были для него вполне реальной суммой. Накопив денег, он выбрал пятнистого черно-коричневого щенка, самого большого и энергичного, и назвал его Дри.

Дом Джамала расположен на юго-восточной окраине Монтклера, почти примыкающей к соседнему Вест-Оранджу. По современным городским стандартам, жизнь там не выходит за рамки нормы. Однако по меркам Монтклера этот район считается самым бедным и неблагополучным в криминальном отношении.

Семья Джамала снимала первый этаж в деревянном бараке,

построенном девятнадцать лет назад. Их было шестеро: мать Джамала, супервайзер Ньюаркского филиала «Нью-Джерси транзит», бабушка, и две родных сестры Джамала — с одной из них ему приходилось делить комнату — и сводная сестра.

За садиком и газоном перед домом ухаживали с любовью, чего не скажешь о самом жилище. Водопровод регулярно выходил из строя, оконные ставни покосились, проводку постоянно замыкало, краска облезала хлопьями внутри и снаружи. Соседние дома, рассчитанные на две семьи, пребывали в таком же плачевном

состоянии. К тому же они стояли так близко друг к другу, что до жильцов доносились все разговоры соседей и запахи готовящегося обеда.

В этот прохладный осенний денек было довольно ветрено, и по улицам квартала — грязноватого по сравнению с другими районами Монтклера — перекатывались кучки мусора. Джамал и его мать Алисия в один голос заявили мне о том, что в их районе существует проблема наркотиков.

— В наше время от этого никуда не деться, — заметила Алисия.

В отличие от большинства детей Монтклера Джамал не имел

возможности выбирать щенка на сайтах питомников и не рассчитывал найти мохнатый подарок под рождественской елкой. Главным подарком для него стало согласие матери, а собаку он купил себе сам.

Однако — и в этом Джамал ничем не отличался от остальных местных собаководов — он души не чаял в своем питомце, хотя воспитывал его по собственным методам. Все время, пока Джамал находился в школе, Дри сидел на привязи у забора.

Щенок подрос и превратился в классического питбуля. Его массивное тридцатикилограммовое

тело с широкой, словно бочка, грудью венчала крупная, высоко посаженная голова характерной формы с ясными живыми глазами. С окружающими Дри держался дружелюбно, но свой дом охранял, к посторонним относился недоверчиво и просто обожал Джамала.

Вернувшись из школы, Джамал первым делом заглядывал во двор.

— Эй, Дри — окликал он собаку. Пес лаял в ответ и, неистово виляя хвостом, прыгал вокруг хозяина, стараясь лизнуть мальчика в лицо. Крошечный дворик, с трех сторон стиснутый соседними домами, был сплошь залит бетоном, только

посередине одиноко торчало чахлое деревце, да стоял явственный запах собачьих испражнений.

Поздоровавшись с собакой, Джамал брал в руки обрезок узкой доски. Настроение у пса резко менялось: он на мгновение замирал, затем пятился с негромким ворчанием. Налицо были все признаки собачьего стресса: Дри поджимал хвост, отворачивался, прижимал уши и тяжело дышал. Пару раз он показывал зубы, но только на секунду; Джамал, казалось, этого не замечал или же не придавал значения. Дри нервно озирался по сторонам в поисках какой-нибудь

лазейки, но выхода не было: со всех сторон двор окружал сетчатый забор.

Отказавшись от мысли о побеге, пес поворачивался к своему хозяину, и Джамал наносил удар — сбоку по голове. Взвизгнув, пес отскакивал назад. Теперь удары сыпались по бокам, спине и плечам. Деловито, бесстрастно Джамал снова и снова обрушивал на него удары. Он не стремился бить до крови. Удары были резкими, но не грубыми — если такое слово уместно — и продолжали сыпаться на собаку около десяти минут. Смотреть на это было нелегко.

Постепенно возбуждение у пса нарастало, он начинал злиться, рычать и через несколько минут почти выходил из-под контроля — лаял, делал выпады в сторону Джамала, огрызался в ответ на удары.

Почувствовав, что Дри дошел до нужного состояния, Джамал останавливался, выжидал минут пять, затем бросал собаке крекеров и наполнял миску водой, — взвинченный, задыхающийся пес сразу же проглатывал половину. Потом Джамал набрасывал ему на шею веревку и отводил в дом, крикнув младшей сестре, чтобы она

держалась подальше. Дри переставал рычать и лаять, но все еще волновался: об этом свидетельствовала напряженная поза, поднятые вверх хвост и голова. Предупредив бабушку, Джамал отправлялся на прогулку.

Народу на улицах было немного: кто-то вышел посидеть на крыльце, мамы катили коляски, дети играли в мяч, гуляли с собаками или возвращались домой из школы. Навстречу нам, в этот раз я сопровождал его, женщина вела на поводке маленькую дворняжку; заметив Дри, она поспешно утащила свою собаку в переулок. Мать,

толкавшая коляску, торопливо сошла с тротуара. Дети бросили свой мяч и отступили к крыльцу, дожидаясь, пока Джамал и Дри пройдут мимо.

— Он в жизни никого не тронул, — рассказывал Джамал, пока мы шли по улице. — Но я не хочу, чтобы он доверял посторонним. Такая собака должна выглядеть грозно. Люди уважают его, а значит, и меня.

Мы направлялись к парку Нишуан, расположенному в нескольких кварталах от дома, — иногда Джамал играл там в баскетбол, во всяком случае, так было раньше. Его мать сказала, что

теперь в парке правит бал новая компания подростков.

В определенном смысле жизнь ближайших соседей Джамала была связана в основном с Ньюарком или Оранджем, а не со второй половиной родного Монтклера. Джамал рассказал, что пару раз ездил на велосипеде в богатые кварталы — поплавать в городском бассейне или просто покататься по улицам, — но знакомых или друзей у него там не было, как, собственно, и поводов туда являться.

Его мать припомнила только один случай, когда ей довелось побывать в Верхнем Монтклере, —

они с подругой смотрели какой-то фильм в кинотеатре «Белльвью», а потом перекусили в японском ресторане.

Вся их жизнь была сосредоточена в южной части города. Они ходили за покупками на авеню Блумфилд, а бакалеей запасались в дешевом магазине по соседству. Церковь, которую они посещали, — Алисия неоднократно повторила, что Джамал с сестрами регулярно ходят в церковь св. Павла — тоже находится на южной окраине.

Поскольку все контакты семьи ограничивались школой и соседями, Джамал с матерью полагали, что их

жизнь едва ли отличается от жизни остального Монтклера, хотя в его второй части даже слухи о распространителях наркотиков способны были вызвать настоящий бунт со стороны родителей.

Вдали уже виднелась зелень парка.

Я поинтересовался, не обижают ли его в школе. Джамал только пожал плечами, хотя признался, что несколько раз ему приходилось уходить из парка из-за шайки подростков, приезжавших на велосипедах из Ист-Орандж, — двое из них посещали среднюю школу Монтклера. (Нередко дети из

соседних городков записывались в более престижные школы Монтклера, указав адрес друзей или родственников; некоторые попались и были отчислены, других поймать не удалось).

Джамал отвечал односложно — он не слишком мне доверял и очень смущался. В ответ на некоторые вопросы, касавшиеся его личной жизни, он не смог выдать из себя ни звука. Он не собирался посвящать меня в детали этой войны за передел территории или упоминать какие-либо имена.

У входа в парк Дри, казалось, сообразил, что они направляются на

работу. В этом-то и заключалась его миссия, это было то, чего ждал от него Джамал.

Дети, собравшиеся в парке, во все глаза смотрели на собаку. Дри отвечал им тем же и не сводил с них напряженного сосредоточенного взгляда. Взгляд собаки внушал ужас и как будто бросал вызов. Никто не двинулся с места. Пока Джамал, сосредоточенно глядя вперед, шагал мимо баскетбольной площадки, ни один из присутствующих не проронил ни слова.

Четверо парней, облаченных в фирменную спортивную одежду — тренировочные брюки, бейсболки и

майки — играли в баскетбол, еще двое стояли возле ограды. Они, смеясь, подбадривали игроков и дожидались своей очереди. На соседней площадке дети помладше бегали за мячами, качались на качелях.

Баскетболисты, игравшие на площадке, посмотрели Джамалу вслед и что-то сказали друг другу. Все рассмеялись. Обрывок фразы — «сучка» — достиг наших ушей. Джамал обернулся, и все смолкли, сосредоточившись на игре. Джамал свернул на площадку и вышел на самую середину. Игроки отошли на край поля и отвернулись.

Почувствовав напряжение Джамала, Дри тихонько зарычал. Джамал улыбнулся и пошел дальше: Дри справился со своей работой.

О Джамале я узнал от местного ветеринарного врача, во время разговора о новой роли собак и о том, что хотят получить современные люди от общения с ними. Джамал приводил Дри в ветклинику только однажды, — у пса была сломана лапа; мальчик сказал, что он попал под машину. Они должны были придти снова, чтобы снять гипс и сделать рентген, но так и не появились. Врач подозревала, что это

объяснялось причинами финансового характера.

— Не редкость, когда люди бьют своих собак, чтобы озлобить их и использовать для охраны или личной защиты, — сообщила она.

Ей не раз приходилось видеть собак в весьма плачевном состоянии. По сравнению с ними Дри был здоров и в целом хорошо ухожен.

— В серьезном случае я позвонила бы в приют или полицию, но тогда это показалось мне излишним. Во-первых, мальчик и собака любят друг друга, а кроме того, в приюте пес, скорее всего, был бы обречен на смерть.

Специалисты, изучающие поведение собак, практически единодушно утверждают, что собаки таких пород, как питбуль, ротвейлер и немецкая овчарка, могут быть прекрасными друзьями человеку. Как правило, они не обладают врожденной агрессивностью, хотя именно это качество нередко прививают им хозяева. Впрочем, эта деталь едва ли может послужить утешением для людей, вынужденных вступать в контакт со злобными собаками.

Стоит сделать неверный шаг, и последствия могут быть очень скверными. К сожалению, такие

шаги люди делают достаточно часто, в результате страх перед собаками этих пород может перерасти в настоящую эпидемию, — несмотря на то, что согласно статистическим данным Общества защиты животных, лабрадоры кусают людей гораздо чаще, чем питбули. Количество судебных процессов, в которых фигурируют эти собаки, достигло заоблачной цифры, и некоторые страховые компании предпочитают не связываться с их владельцами.

Человек, продавший Дри Джамалу, научил мальчика, что нужно делать, чтобы пробудить в собаке мощные охранные инстинкты.

Джамал рассказывал, что этот парень по-настоящему, до крови бьет своих собак. От побоев остаются шрамы.

Дразня пса, нанося ему удары и провоцируя на нападение, Джамал стремился активизировать мощные бойцовские инстинкты.

Однако он также — пусть и неосознанно — обучал и успокаивал Дри. В результате процессы возбуждения и торможения были уравновешены.

После прогулки они возвращались домой и уединялись в спальне Джамала. Там они просиживали часами. Джамал

слушал хип-хоп, шепотом разговаривал с Дри, угощал его кусочками хлеба, иногда собачьими бисквитами из бакалейного магазина. Лакомства и внимание хозяина успокаивали пса и укрепляли их дружбу, и Дри вылизывал Джамалу лицо, словно комнатная собачка.

Иногда пес ненадолго отлучался, чтобы побродить по другим комнатам, но очень скоро возвращался к Джамалу, чтобы тот почесал ему живот или поиграл с ним скрученным старым полотенцем. Иногда Дри даже удавалось одержать верх.

Забившись в уютную комнату, где стояли две одинаковые кровати — для него и его младшей сестры Ашамы — Джамал подолгу читал, в основном комиксы, спортивные журналы и детективы. У детей имелся компьютер, но из-за проблем с проводкой он был отключен и стоял на письменном столе без всякой пользы.

Несколько раз Джамал приносил научно-фантастические романы — он брал их в школьной библиотеке или у учителя английского языка, который по-прежнему советовал ему подумать о колледже. Дри нравилось

лежать под боком у хозяина, пока тот читал.

В последнее время рассуждения о нанесенной собаке «обиде» приобретают все большую популярность среди собаководов. Многие из тех, кто прогуливается с собакой по улицам Монтклера, не сомневаются, что в прошлом их питомцев «обижали». Дри действительно обижали, притом ежедневно, однако этот факт нисколько не препятствовал взаимной любви между псом и его застенчивым, нелюдимым хозяином.

На все мои вопросы о побоях как методе дрессировки — разумеется,

незаконном — Джамал лишь пожимал плечами.

— Я бью его только для того, чтобы держать в форме и подготовить к прогулке.

Теперь Дри слегка прихрамывал при ходьбе, но в глазах Джамала этот дефект был чем-то вроде боевого шрама. Пес никогда не трогал людей, однако, по словам Джамала, несколько раз устраивал безобразные стычки с соседскими собаками.

Мальчик, молчаливый и бесстрастный, заметно оживлялся, заговаривая о «старине Дри», его любовь к собаке не вызывала сомнений. Находясь дома, Джамал

ни на секунду не расставался с псом и до отхода ко сну еще несколько раз выводил его на прогулки. На ночь Дри устраивался возле его кровати.

Общение мальчика с остальными членами семьи сводилось к кратким репликам по существу дела, но с Дри он разговаривал подолгу и, забившись в свой укромный уголок, даже декламировал ему тексты любимых песен. Алисия не была в восторге от того, что ее сыну проще найти общий язык с собакой, чем с собственной семьей.

Никто из домочадцев не занимался Дри. Альма — бабушка

Джамала, к которой пес относился с явной симпатией, — не одобряла его обращения с собакой.

— Не бей его, он тебя любит! — кричала она из гостиной, где обычно смотрела телевизор.

— Я знаю, бабушка, — почтительно соглашался Джамал.

Из всех трех сестер только Ашама изредка общалась с Дри. Остальные избегали его, а мать вечно пропадала на работе.

Алисия постоянно тревожилась о Джамале, как всякая мать-одиночка, лишенная возможности обсудить с мужем стратегию воспитания упрямых сыновей.

— У него отцовский характер, — твердила она, — в последние месяцы он не раз ввязывался в драки.

Алисия — высокая женщина сорока двух лет с мягким, негромким голосом, носившая самую незатейливую прическу и обходившаяся без ювелирных украшений, за исключением обручального кольца, — рассказала, что настоящий отец Джамала — он был военным программистом — ушел из семьи еще до рождения сына. Она подозревала, что Джамал догадывается об этом, хотя он никогда не задавал ей никаких

вопросов. Она надеялась, что к тому времени, когда мальчик закончит школу, у него сложится правильное представление об этой истории.

Мужчина, которого Джамал считал своим отцом, говорил Алисии, что хочет иметь семью, но вел себя не слишком хорошо. В детстве с ним обращались грубо, поэтому он тоже бывал груб с Джамалом. До чего-то серьезного дело не доходило, но всем было достаточно тяжело. В сущности, поэтому ему и пришлось уехать отсюда. Алисия считала, что из-за предательства близкого человека Джамал и стал таким недоверчивым.

Я не мог не вспомнить о том, как сам Джамал обращается с Дри, — до серьезного, конечно, не доходит, и все же... А какой верностью и любовью платит ему за это собака.

Алисия была права: Джамал действительно рос недоверчивым. Он никогда не заговаривал о своем отце и не отвечал на вопросы о нем. Только молча пожимал плечами. Впрочем, однажды он сказал, что ему бывает тяжело в доме, где полно женщин.

Как и большинство матерей-одиночек, Алисия постоянно находилась в нервном напряжении.

Ей приходилось решать множество проблем одновременно, всегда оглядываться через плечо — все ли в порядке с ее детьми и матерью. Она работала в операционном центре крупной компании «Нью-Джерси транзит» в Ньюарке и очень этим гордилась. График работы менялся каждую неделю, однако из-за скромной зарплаты — годовой доход составлял 34 000 долларов — и необходимости на эти деньги содержать семью из шести человек она с радостью соглашалась поработать сверхурочно и нередко работала без выходных.

Алисия строго контролировала каждого из своих детей, проверяя лично или по телефону, находятся ли они там, где им положено быть, аккуратно ли одеты, сделаны ли уроки или задание воскресной школы, молились ли они перед сном.

Несмотря на ее загруженность, в доме царил порядок, — если не считать обшарпанной мебели и постоянного шума, издаваемого телевизором в гостиной, хип-хопом Джамала и его псом, облаивающим прохожих.

Алисия была заботливой матерью, дети относились к ней с уважением. Она приучала их

помогать по дому и убирать за собой: в их обязанность входило складывать всю грязную одежду в громоздкую, битком набитую корзину, стоявшую в коридоре, по очереди пылесосить квартиру и присматривать за бабушкой. Помимо этого Джамал еще выносил мусор, несколько раз в неделю мыл посуду и ходил за покупками, когда мать оставляла ему список. Разумеется, заботы о Дри тоже были его обязанностью. Одним словом, в отличие от основной массы подростков Монтклера, на его плечах лежала серьезная ответственность.

— Джамал — хороший мальчик, — как-то вечером после

работы разоткровенничалась Алисия. Она была такой же застенчивой, как и ее сын, постоянно выглядела уставшей, но очень гордилась своей семьей. — Я им довольна. Если кто меня и беспокоит, так это девочки.

Когда он сказал, что хочет завести собаку, чтобы иметь друга и защитника, я поняла, что за этим стоит. В действительности ему нужен отец, но Джо от нас ушел, и я чувствую себя виноватой. Джамал не один год изводил меня этой просьбой, и, в конце концов, я согласилась. Честно говоря, у нас в районе действительно неспокойно, и он сказал, что собака будет охранять

его и девочек. Многие ребята заводят себе больших собак. Это придает им уверенности.

Алисия почти не интересовалась Дри и уж, разумеется, не разделяла сыновней любви к этому псу. Она никогда не имела дела с собаками и боялась их, особенно питбулей. Дри не представлял опасности для членов семьи — с этим она не стала бы мириться, — а больше от пса ничего не требовалось:

— Это собака Джамала. Он сам ухаживает за ней. Я в это не вмешиваюсь.

Нередко за решением завести собаку стоят более сложные

причины, чем может показаться на первый взгляд.

По оценке ветеринаров, пожизненное содержание собаки весом около сорока килограммов обходится владельцу приблизительно в 8353 долларов; на собаку весом пять килограммов требуется около 3525 долларов, на кошку — 3957 долларов. Такие цифры приводят Алекса Альберт и Крис Балкрофт в «Journal of Marriage and Family», причем авторы имеют в виду содержание городских животных, поэтому в сумму включены оформление лицензии, уход за шерстью, затраты на ветеринарное

обслуживание и услуги по передержке. (Только на корм для кошек и собак американцы ежегодно тратят около 5 миллиардов долларов, тогда как на детское питание — всего 3 миллиарда).

Исследователи утверждают, что с экономической точки зрения содержать животных невыгодно, особенно в крупных городах. Действительно, некоторые собаки используются в психотерапии, выполняют работу поводырей и охраняют своих хозяев. Однако, за исключением этих, сравнительно редких случаев, животные не приносят никакой пользы и лишь

требуют постоянного вложения денег, отнимают время и нередко становятся для своих хозяев источником тягостных обязанностей.

Одним словом, — заключают Альберт и Балкрофт, — животные — это тяжелое бремя, в особенности когда их интересы вступают в противоречие с интересами современной городской семьи. Именно этот парадокс порождает массу самых непростых вопросов о роли собаки в современной семье.

Разумеется, Джамал не согласился бы с утверждением, что собаки не приносят пользы. Хотя он не высказывался на эту тему и

задумывался над тем, для чего ему собака, еще реже, чем Роб Кочран, живший в паре миль отсюда, на Гроув стрит. На мой вопрос Роб убежденно ответил:

— С собакой мне лучше, спокойнее и веселее — вот за это я ручаюсь.

Дети из неполных семей, в особенности пережившие развод или другие эмоциональные потрясения, особенно склонны привязываться к собакам.

По данным исследований, опубликованных в 2001 году австралийским психологом в журнале «Anthrozoos», можно сделать

вывод, что особенно ярко такая привязанность проявляется в неполных семьях, и причины этого явления вполне очевидны: когда родительской поддержки недостаточно, собака служит для ребенка дополнительным источником эмоциональной устойчивости.

Д-р Питер Фонеджи — один из создателей теории привязанности — утверждает, что в период дошкольного и подросткового развития дети с нарушениями привязанности могут проявлять склонность к замкнутости, испытывать трудности в вербальном

общении, страдать нарушениями речи, демонстрировать симптомы депрессии и агрессивности.

Имелись ли такие проблемы у Джамала? Человек, которого он знал как отца, внезапно бросил его, — за последние три года Джамал виделся с ним лишь однажды. Он не принимал участия в жизни своего сына и, — как пожаловалась Алисия, не оказывал материальной поддержки. Да и когда жил в семье, он почти не общался с Джамалом, вел себя с ним грубо и непредсказуемо.

Алисия призналась, что год, когда родился Джамал, был одним из

самых тяжелых периодов ее жизни. Первые два года мальчика растила ее мать, — сама Алисия училась на курсах, закончив которые «слава Богу, привела свою жизнь в порядок».

Алисия знала, что Джамал ежедневно избивает собаку, — об этом ей рассказала ее мать, — и говорила сыну, что не считает такой метод воспитания подходящим.

— Хотя Джамал и сам это понимает, — добавила она. — Но он хочет ходить по улицам с высоко поднятой головой и чувствовать себя под защитой грозной собаки. Я как его мать хочу того же. С тех пор, как

появился Дри, он действительно чувствует себя увереннее. К тому же это его личное дело.

Я не слишком разбираюсь в собаках, но могу сказать вам одно — эти двое любят друг друга. Мне бы не хотелось оказаться на месте того, кто попытается встать между ними.

VIII

Сказка о двух собаках

Рождественским утром Кейт О'Брайен вскочил ни свет ни заря, —

как, впрочем, и остальные дети в Монтклере.

Родители давно намекали, что на Рождество Кейт получит совершенно особенный, незабываемый и очень ценный подарок. Мальчик никогда еще не видел, чтобы они так волновались.

Сначала он думал, что получит новый пульт для электронной игры, о котором Кейт, азартный игрок, мечтал как ни о чем другом.

Однако пульт он получил на день рождения, совсем недавно. Тогда, может быть, это будет новая модель компьютера, такая, о которой отец рассказывал ему год или два назад. В

сочельник он заметил, как родители пронесли что-то в подвал, но подумал, что его просто водят за нос.

В рождественское утро он сбежал вниз и увидел двухмесячного щенка лабрадора, возбужденно подпрыгивающего в пластиковом контейнере. За все свои десять лет ему не приходилось видеть ничего прекраснее. Катрина, восьмилетняя сестра Кейта, бросилась к щенку, но остановилась, заметив прикрепленную к контейнеру открытку: «Поздравляю Кейта с Рождеством. Меня зовут Руди».

— Это собака Кейта, но она будет общей, — сказала мать,

спускаясь вместе с отцом в гостиную. — Это наша общая собака. Катрина получила хомяка.

Руди был само очарование: почти белоснежный, лопоухий, с влажным темными глазами — именно таких щенков любят снимать для рекламы.

Обаятельный Руди вызывал всеобщее умиление, но порой вел себя как настоящее чудовище. За первые несколько дней совместной жизни с О'Брайенами он продемонстрировал, на что способен двухмесячный щенок: грыз половики и обувь, прыгал на окружающих. Впрочем, с ним было весело: они с

Кейтом любили затевать возню или игру в салки. Белокурый мальчик и белый щенок, играющие на ковре, представляли собой прелестную картину. Вот только Руди, пожалуй, слишком увлекался и, свирепо рыча, хватал кого-нибудь за штанину или рукав и нередко портил одежду.

Кейту нравилось играть с собакой, но ведь щенка нужно кормить, да еще и выводить на прогулки... Словом, повторилась обычная история. Как бы ни обманывали себя родители, но именно так чаще всего и получается, когда дома появляется щенок. Поведение Кейта несколько

разочаровало старших О'Брайенов. В первое время он опрометью мчался из школы, торопясь поиграть с Руди. Но уже через неделю едва замечал щенка.

Честно говоря, винить Кейта было бы несправедливо. Он никогда не просил купить ему собаку, не обещал за ней ухаживать. Когда подходило время выводить Руди на прогулку, мальчик всегда был занят: то он трудился над домашним заданием, то не мог прервать компьютерную игру, или уже переоделся в пижаму. А уж когда на улице шел дождь или было холодно,

родители сами не решались напомнить ему о его обязанностях.

О'Брайены не разбирались в собаках и не слишком ими интересовались. Кроме того, оба были заняты на работе — Сэм служил бухгалтером в крупной фирме на Манхэттене, Джина работала в издательстве — и, как правило, отсутствовали с восьми утра до восьми вечера. Няня Кармен помогала им заниматься хозяйством. Свободного времени почти не оставалось, и О'Брайенам было жаль тратить драгоценные часы на собаку.

Задумываясь о судьбе Руди, они полагались на собственную

интуицию и расхожие представления. Джина считала клетку жестоким изобретением и отказывалась ею пользоваться. Сэм разделял широко распространенное мнение о том, что собаки являются общественными животными, которым необходимо как можно скорее, в том числе с применением силы, указать их место в стае. Он отлично помнил, как его собственный отец лупил их дворняжку — «отличную собаку», — когда та вела себя неправильно.

— Когда я был мальчишкой, мы держали собак, — рассказывал он, — и я знаю, что им нужно объяснить,

кто в доме главный. Необходимо продемонстрировать им это хотя бы однажды, а потом они сами все поймут.

В первые же недели совместной жизни Сэм преподавал Руди такой урок — и не однажды. Он шлепал его по заду или колотил свернутой в трубку газетой, сопровождая свои действия наравоучениями.

Процедура повторялась каждый раз, когда Руди совершал какой-нибудь промах, а он, естественно, совершал их множество. В сущности, естественное поведение щенка может возмутить кого угодно. Как правило, мы учим своих собак вести

себя неестественно, чтобы они могли мирно сосуществовать с людьми. Каждый хозяин хотел бы видеть проявления любви, привязанности и хороших манер, но не все эти качества свойственны собаке от природы.

Получая шлепки или слыша крики в свой адрес, щенок конфузился и пугался, но благодаря свойственной лабрадорам жизнерадостности, быстро восстанавливал душевное равновесие. Вопреки теории Сэма, он не желал усваивать урок.

В другом доме, как раз напротив О'Брайенов, Диана Уиндшип сидела

на полу, наслаждаясь компанией своего щенка, которого она получила на Рождество. Свою гладкошерстную черную бельгийскую овчарку она назвала Кеос. Диана была на тридцать лет старше Кейта, но точно так же, как и он, каталась по полу в обнимку со щенком, разрешала лизать себя в нос и почесывала ему животик.

Правда, в отличие от Кейта, Диана ждала этого подарка — она давно мечтала о собаке. Ее муж Фил хотел, чтобы она выбрала собаку сама, поэтому, посвятив целый месяц поискам в интернете и телефонным переговорам, сообщил ей фамилию

заводчика из Мичигана. Фил не сомневался в том, что нашел лучшего специалиста по бельгийским овчаркам; этот парень подогревал в нем интерес бесконечными рассказами о жизни, о детях, о своей любви к собакам, описывал свой дом и хозяйство.

Щенок прибыл рейсом Детройт — Ньюарк, и Фил, экономист компании «J. P. Morgan», сам встретил его в аэропорту. До Рождества он собирался так же, как и соседи, прятать собаку в подвале, но Диана не хотела ждать ни минуты. Вместе с детьми — семи и десяти лет, — она пробралась в подвал

накануне праздника и влюбилась в щенка с первого взгляда.

Угольно-черный Кеос был настоящим красавцем — пока еще маленьким (через несколько месяцев он сравняется в весе с младшим из детей), но уже ласковым и приветливым. Песик отличался сообразительностью и безудержным любопытством, он интересовался всем на свете — от звуков, доносившихся с улицы, до голосов из телевизора на верхнем этаже.

Уиндшипсы сделали кое-какую перестановку, отвели и оборудовали специальные места для щенка: в кухне, у задней двери, и наверху, в

спальне, где, как все догадывались, и будет спать Кеос. На пол положили пищащие игрушки, мячи, косточки для зубов (по совету ветеринара они купили самые прочные, из скрученных жил, чтобы щенок не подавился) — словом приняли все меры, чтобы занять малыша и предотвратить порчу более ценных вещей.

Диана уже обзвонила нескольких дрессировщиков и выбрала специалиста, который пришелся ей по душе. Договорилась, что он будет приходить к ним домой на один час в неделю. Его услуги стоили недешево — за двухмесячный

курс предстояло заплатить около 500 долларов, — но Диана считала, что индивидуальные занятия в привычной обстановке будут эффективнее групповых. Кроме того, инструктор сказал, что Диана и в дальнейшем сможет обращаться к нему за консультациями. Такой серьезный подход — редкость для Монтклера; местные жители регулярно тратят солидные суммы на оплату уроков для своих детей, но деньги, потраченные на дрессировку собаки, считают выброшенными на ветер.

Диана все продумала заранее. Она решила, что Кеос останется в

кухне, пока не научится соблюдать чистоту, а до тех пор они будут пользоваться лотками. Это позволит избежать окриков и необходимости тыкать щенка носом в собственные испражнения.

— Я очень сознательно подошла к этому вопросу, — вспоминала Диана. — Мне так часто приходилось видеть необученных собак... Ужасно, когда хозяева постоянно кричат на них. Мне хотелось, чтобы наши отношения с Кеосом с самого начала строились на любви и доверии.

Во время прогулок по Монтклеру мне нечасто доводилось встречать

людей, которые придавали бы такое значение дрессировке собаки. Диана заказала множество книг о позитивном подходе к обучению (опираться следует на естественные привычки собаки, поощряя желательные действия и корректируя нежелательные). Этот способ принципиально отличается от традиционного (собаки — стайные животные, которым нужно указать их место).

Она решила ознакомиться с информацией, а затем выбрать то, что ей подойдет. Инстинктивно она склонялась к позитивной методике, но не боялась исправлять ошибки

Кеоса с помощью твердо сказанного «фу» или — что случалось гораздо реже — «плохая собака». Так Диана поступала в критических ситуациях, когда дело касалось безопасности щенка, если он неосторожно выбегал на проезжую часть или пытался погнаться за грузовиком. Она видела, как, стремясь порадовать собаку, люди часто не знают меры и перевозбуждают животное, заваливая его игрушками, слишком часто выводя на прогулки, затеывая слишком активные игры и возню. Все собаки легко возбуждаются, но лишь немногие из них умеют быстро успокаиваться.

Инструктор посоветовал отложить начало занятий до тех пор, пока Кеосу не исполнится четыре месяца, но согласился с общей концепцией воспитания, посоветовав Уиндшипам избегать игр, поощряющих собаку кусать, тянуть или грызть. Необходимо не забывать хвалить собаку, когда она ведет себя спокойно, приучать к прикосновениям и поглаживаниям.

На то, чтобы усвоить навыки чистоплотности, Кеосу понадобилось около недели.

— Я только раз или два
повышала на него голос, — с
гордостью сообщила Диана. Она

строила отношения, о которых мечтала, и радовалось, если у нее это получалось.

В первые дни щенок с непривычки скулил, но потом стал охотно проводить время в своей будке с игрушками и косточками. Диана приучала его постепенно, ежедневно оставляя одного сначала на пятнадцать, потом на тридцать минут и, наконец, на целый час для того, чтобы в дальнейшем все члены семьи могли одновременно уходить из дома. Конура — она прочитала массу литературы на эту тему — никогда не использовалась для наказания, только как личное

убежище щенка; там он всегда находил что-нибудь подходящее, чтобы поиграть или погрызть.

— Это не жестокость, — собака должна слушаться хозяина, а не наоборот. Я хочу иметь возможность уходить из дома, не терзаясь чувством вины и не беспокоясь о том, что в мое отсутствие Кеос сгрызет весь дом. Чтобы, возвращаясь домой, мы не нервничали и не расстраивались, ожидая увидеть что-нибудь ужасное. В какой-то книге мне попалась хорошая мысль: «не оставляйте собаке шансов напроказничать, тогда она не сумеет этого сделать».

Руди — как истинный лабрадор — был полон энергии и с энтузиазмом жевал и портил все, что ему попадалось. Когда он написал на ковер в гостиной, Сэм и Джина вышли из себя. Сэм схватил щенка за шиворот и с воплем «фу! плохая собака» вытолкнул за дверь.

Когда он забрался в корзину с бельем, Сэм выхватил оттуда изжеванную рубашку и сунул ее Руди под нос, а потом отшлепал воскресным номером газеты. Щенок взвизгнул и в ужасе убежал.

Пару раз, застав Руди с поличным, Сэм тыкал его носом в испражнения и выталкивал во двор

— общепринятая методика приучения к чистоплотности.

Решив, что этого недостаточно, он, по рекомендации кого-то из сослуживцев, насыпал пригоршню монет в жестяную банку из-под газированной воды, и плотно запечатал крышку. Заметив, что собака присаживается или что-нибудь грызет, Сэм с грохотом швырял банку на пол, и испуганный Руди тотчас же убегал. Талантливый специалист, любящий муж и отец он отнюдь не считал такие методы жестокими или унижительными — ведь в свое время точно так же поступал его родитель. Однако

февраль, пришедший на смену январю, доказал всю несостоятельность подобной методики.

В довершение всего Сэма раздражало, что сын, который, как предполагалось, должен был стать настоящим хозяином лабрадора, полностью устранился от его воспитания.

— Собаку мы покупали для Кейта, но оказалось, — и наш случай не единственный, — что ему нравился щенок, а вовсе не собака, в которую тот превратился. Мы все видели симпатичную щенячью мордашку, но не задумывались над

тем, в какого бегемота он вырастет. Словом, попытались прыгнуть выше собственной головы.

Сэму пришлось признать, что Кейту больше по душе компания друзей и компьютерные игры. Он с огорчением добавил, что винит только себя, — они с Джиной никогда не спрашивали Кейта, хочет ли он ухаживать за собакой.

— Кейт живет очень насыщено, — поддержала мужа Джина. Их сын участвовал во всем на свете — от соревнований по видеоиграм до настоящих футбольных матчей, брал уроки игры на гитаре и носился по всему городу

на своем выдавшем виде велосипеде. — Мы совершили ошибку.

И весьма распространенную. Разделяя общепринятое заблуждение, родители считали, что жизнь ребенка нельзя считать полной, если у него нет собаки. Однако в отличие от остальных атрибутов детства — велосипеда, уроков музыки, лагеря отдыха на лето — собака требовала ежедневной заботы, притом в течение долгих лет. Дети часто просят купить им собаку и, пока клянутся, что будут заботиться о ней, вероятно, сами верят своим обещаниям. Но ведь жизнь

подростков так стремительно меняется, а вместе с ней меняются и их желания.

Кейт совсем не хотел брать на себя ответственность за Руди, а родители не чувствовали себя вправе принуждать его к этому. Если бы они настояли на своем, все равно это ни к чему бы не привело, поскольку сын не слишком интересовался дрессировкой собак. Да и заставить его дома тоже было нелегко.

Катрина не могла справиться с Руди, она была еще слишком мала, а Кармен боялась собак, в результате большую часть дня пес проводил под арестом в кладовой. К тому времени,

когда Кармен выпускала его на задний двор, он был на грани помешательства. Впрочем, и во дворе его не оставляли надолго — он лаял и выкапывал ямы на газоне.

Вскоре он перестал помещаться в кладовой. Мучаясь от скуки и недостатка движения, пес прогрызал картонные заграждения, возведенные О'Брайенами перед уходом на работу, с легкостью отодвигал стулья, подпиравшие картонные коробки, и без труда перепрыгивал барьеры, какими обычно преграждают дорогу младенцам, только что научившимся ходить.

Даже когда Кармен и дети были дома, вернувшись с работы, старшие О'Брайены нередко обнаруживали настоящий разгром — следы собачьих зубов были на письмах и газетах, ножках столов, кроссовках, да мало ли еще где. Это вызывало новый взрыв возмущения и наказание газетами. Теперь окружающие уже не считали Руди забавным. Он прыгал на них, лаял, и никто не знал, как его остановить.

О'Брайены не хотели замечать, что Руди чувствовал себя одиноким. Его не бросили в парке и не отдали в приют, но постепенно он стал отверженным.

Лабрадоры — терпеливые, любящие и надежные собаки, однако люди иногда забывают о том, что эту породу вывели для охоты. Это крупные, сильные животные с мощными инстинктами, побуждающими их копать землю в поисках пищи. Лабрадорам необходима дрессировка, но О'Брайены не имели ни времени, ни желания заниматься с собакой. Тем не менее, расставаться с Руди они не собирались.

— Отдать Руди? Ни за что! Это собака Кейта, — отрезал Сэм. Мне показалось, что он растерян. О'Брайены считали, что относятся к

той категории людей, которые берут в приюте собак, а не сдают их туда.

— Собака стала для нас настоящей головной болью, — признался Сэм. — Мы думали, что сделали отличный подарок сыну, но теперь не представляем, что нас натолкнуло на подобную идею.

Однако и Сэм и Джина упорно продолжали надеяться на то, что Руди перерастет свои недостатки, успокоится и привыкнет.

Когда на улице потеплело, они попробовали оставлять его на заднем дворе, привязав к стволу дуба. Пытаясь избавиться от поводка, Руди бегал вокруг дерева, пока не

запутывался до такой степени, что едва мог шевелиться. Вернувшись домой, хозяева находили его задыхающимся и обессиленным.

О'Брайены поняли, что это опасно: собака могла задохнуться. Тогда, посоветовавшись с хозяином зоомагазина, они сдались и приобрели конуру. Казалось, Руди вздохнул с облегчением — наконец, у него появился собственный угол, место, где он не доставлял окружающим никаких проблем.

Диана с самого начала стала приучать щенка к конуре, понимая, что ему необходим укромный уголок, где он мог бы побыть один. Для

хозяев Руди покупка конуры стала жестом отчаяния. С появлением конуры Руди действительно стал спокойнее, а его хозяева получили передышку. Теперь его можно было оставлять там вместе с любимыми косточками и отмахиваться от разговоров о дрессировке и налаживании отношений. Руди превратился в так называемую «собаку в клетке» — таких животных покупают, поддавшись минутному порыву, а затем обрекают на тюремное заключение, продолжающееся изо дня в день, пока хозяева работают или учатся.

Обычно по утрам кто-нибудь выводил Руди на прогулку или, — что случалось чаще, — просто выпускал на задний двор.

Невозможно сравнить эти прогулки с походами Роба и Чероки в Миллз. Сэм доводил собаку до угла и возвращался домой. Если он был занят, за дело брался Кейт, тогда прогулка оказывалась еще короче. После прогулки пса запирали в конуре и оставляли там до самого вечера, если только Кармен не выпускала его ненадолго.

Вернувшись из школы, Кейт выводил его еще раз — если не уходил на тренировку, в студию или к

друзьям — однако такие дни выпадали нечасто. Затем Руди сидел в конуре до ужина. После ужина ему разрешали побродить по первому этажу и, когда семейство ложилось спать, закрывали в конуре уже до утра.

Казалось, конура его вполне устраивала, хотя там нечем было заняться и приходилось сидеть почти неподвижно. В целом, ситуация в доме стабилизировалась.

Очаровательный щенок вырос в двадцатикилограммовую собаку. Прогулки превратились в изнурительное испытание: Руди рвался с поводка и прыгал. Его редко

выводили из дома и со двора, редко разрешали подниматься на второй этаж в спальню детей. Когда это случалось, он запутывался в проводах от компьютера Кейта или совершал еще какой-нибудь проступок, всех раздражал, а заканчивалось это всегда одинаково: пса отводили вниз, в конуру. Жизнь О'Брайенов — активная, насыщенная, яркая — текла мимо него, пес не принимал в ней участия и не чувствовал привязанности ни к одному из членов семьи.

Собаки нуждаются во внимании и одобрении. Подолгу оставаясь в одиночестве, часто — в конуре или

другом маленьком помещении, собаки, как правило, озлобляются. Те из них, кто постоянно общается со своими хозяевами, имеет больше шансов порадовать их в ответ. Собаки легче поддаются обучению, когда рядом есть тот, кто может поддержать их и исправить ошибки. Кроме того, собакам необходимо двигаться. Такие простые приемы делают этих животных счастливыми и легкими в общении.

В этом смысле весьма показательным следует считать пример Кеоса, особенно если учесть тот факт, что их с лабрадором разделяло не больше сотни ярдов.

В отличие от Руди появление Кеоса не было ошибкой. Рано утром, до того как проснутся дети, Диана, получившая диплом дизайнера и работавшая дома, водила Кеоса в расположенный неподалеку парк Брукдейл. Кроме того, несколько раз в неделю он отправлялся в дальние походы в Старбакс — Диана брала его с собой, когда ходила туда, чтобы выпить кофе с друзьями. Кеос был хорошим ходоком, однако на обратном пути его язык свисал чуть ли не до земли.

Вот уже два месяца инструктор приходил домой к Уиндшипам каждую неделю. Ни дождь, ни жара,

ни грязь или снег не останавливали хозяйку и ее питомца — каждое утро и каждый вечер они выходили во двор, чтобы повторить урок.

Диана старалась делать так, чтобы уроки проходили весело, чередовала отработку команд с игрой в мяч. Она понимала, что цель дрессировки не сводятся к обучению собаки хорошим манерам, — большинство специалистов по поведению утверждает, что тренировки помогают собаке лучше понимать законы человеческой жизни, а значит, делает ее жизнь безопасной. Например, выполняя команду «лежать», собака никогда не

вступит в конфронтацию с другими собаками, да и те на нее не набросятся. С помощью дрессировки собака учится ориентироваться в социуме.

Случалось, что Кеос отвлекался, не слушался или не подчинялся командам. В таких случаях Диана наказывала его молчанием — отворачивалась от него или складывала руки на груди.

Инструктор объяснил ей, что собаки любят получать знаки внимания — притом не обязательно одобрения, — поэтому, закричав на собаку или повторяя команды, можно только подкрепить неправильное

поведение. Когда Кеос не выполнял команду, Диана отворачивалась от него и выжидала тридцать секунд, а затем произносила ее еще раз. За послушание он получал печенье, похвалу или ласку, а нередко все одновременно.

Впрочем, для некоторых ситуаций Диана делала исключение. За попытку выйти на дорогу или прыгнуть на прохожего щенок получал шлепок по крупу или выговор. И то и другое было так необычно, что производило на него сильное впечатление.

Конура Кеоса стояла возле рабочего стола в кабинете Дианы.

Она дорожила своим временем, а ее работа требовала концентрации внимания. Поэтому несколько часов в день Кеос дремал в конуре или грыз косточки, довольствуясь присутствием хозяйки. Там же он ждал ее возвращения, когда она выходила за покупками или по другим делам.

— Я хотела, чтобы пес привык спокойно сидеть у себя, — объясняла Диана. — Это своего рода договор: я уделяю ему достаточно внимания, занимаюсь и играю с ним, но в конуре он должен сидеть спокойно. Если Кеос шумит или скулит, я полностью игнорирую его. Я

разговариваю с ним только тогда, когда он ведет себя как полагается.

После обеда пес отправлялся на прогулку или путешествовал на заднем сиденье пикапа: Диана брала его с собой, когда ездила в магазин или в школу, чтобы забрать детей. После трех часов дня наступало самое напряженное время: начинались занятия в секциях и студиях, уроки, визиты к дантисту. Диана с Кеосом успевали повсюду.

Фил, работавший на Уолл-стрит, целый день проводил в своем офисе и часто возвращался домой лишь после ужина. Два или три раза в неделю он выводил собаку на

прогулку — это была идея Дианы — пытаюсь наладить с ним отношения. Хозяин общался с псом, однако у них не было иллюзий относительно того, кому действительно принадлежит сердце собаки.

— Диана без ума от Кеоса, — говорил Фил. — Если я полезу с советами, то боюсь, мне достанется с обеих сторон.

Когда Фил возвращался с работы не слишком поздно, они ходили на прогулку вдвоем. За несколько месяцев Диана научила Кеоса ходить рядом без поводка, — это было непросто, ей пришлось проявить

незаурядное терпение и твердость характера.

— Если он приближался к бордюру, я бросала перед ним разные предметы и даже стучала по земле палкой. — Разумеется, желаемого результата можно было добиться с помощью позитивной методики, но она не хотела допускать ни малейшего риска. Кеос оценил ее настойчивость и теперь послушно бежал по тротуару рядом с ней и Филом. Тем не менее, заметив ребенка или другую собаку, Диана брала Кеоса на поводок во избежание неприятностей: крупная овчарка,

даже совсем молодая, могла кого-нибудь испугать.

Взглянув на них во время прогулки, каждый понимал, что решительно шагающая женщина и собака, идущая возле ее левой ноги, составляют счастливую пару.

— Согласна — мне повезло, я работаю дома, — рассуждала Диана. — Но мне трудно понять людей, которые заводят собак, а потом не хотят с ними заниматься. Мой пес знает свое место, и мне не приходится кричать на него целыми днями. Он выучил правила и ведет себя спокойно. Конечно, все мы очень заняты, но дрессировка

экономит время. Если бы я не работала дома, обучение продлилось бы дольше, но я в любом случае не отказалась бы от него. И намерена продолжить.

Наступила весна. По утрам, когда Диана выходила на прогулку, Руди, сидевший на заднем дворе, начинал лаять, вилять хвостом и рваться с поводка, пытаясь приблизиться к Кеосу. Диане нравился приветливый пес, и она частенько подходила к забору, чтобы угостить его печеньем. Она помнила его очаровательным щенком и очень жалела, — ведь он почти всегда сидел в одиночестве.

Между Дианой и ее собакой установилось полное взаимопонимание. Они любили друг друга и, что гораздо важнее, доверяли друг другу. Каждый понимал, чего хочет другой, что можно делать, а чего нельзя.

Руди, вопреки всем добрым намерениям О'Брайенов, не доверял им и не любил никого из своих хозяев. Зато при виде Дианы — в отчаянных попытках привлечь к себе хоть чье-то внимание — просто выходил из себя. Однажды когда она подошла к забору, он радостно прыгнул ей на грудь, пачкая куртку своими большими лапами и улыбаясь

до ушей, как умеют улыбаться лабрадоры. К сожалению, Диана не учла того, что Кеосу такая ситуация показалась опасной: еще бы, к нему — а главное, к его хозяйке — устремилась посторонняя собака. Кеос бросился на Руди и вцепился ему в морду.

Руди с визгом отскочил назад. Схватка продолжалась не дольше секунды и закончилась без кровопролития, но оставила неприятный осадок.

Диана оттащила Кеоса и скомандовала «лежать». Он никогда не проявлял агрессии к другим собакам, да и Руди казался таким

добродушным. Однако Диана поняла, что сама спровоцировала поведение Кеоса. Собаки не всегда умеют отличать агрессию от агрессивных проявлений дружелюбия. Диана осмотрела Руди, убедилась в том, что он не ранен. Кеос, уверенный, что опасность миновала, лежал совершенно спокойно.

Руди снова не повезло: он хотел поздороваться с соседкой и получить печенье, и вот чем все это закончилось. Теперь Диана вряд ли подойдет к забору, а Руди лишится возможности завязать дружбу. В который раз.

Диана с Кеосом ушли, а Руди завыл. Возможно, он чувствовал себя брошенным и оплакивал свое одиночество. Может быть, просил вывести его на прогулку или угостить печеньем. Или просто хотел убежать, — куда глаза глядят.

Я не раз встречал собак с такой же судьбой, как у несчастного Руди. Это одинокие души, заблудившиеся на нейтральной полосе между брошенными животными, ожидающими своей участи в бруклинском приюте, и домашними любимцами, ежедневно приходящими в Миллз.

Наши отношения с собаками сложны и далеки от совершенства. Мне частенько приходилось пересматривать и подвергать сомнению как собственные выводы, так и перлы общественной мудрости. К примеру, истинные любители собак всегда с жаром доказывают, что вовсе не «сходят с ума» по своему питомцу. Однако, понаблюдав за собаками Монтклера, я заметил, что чаще всего именно эти «сумасшедшие» являются владельцами самых счастливых собак, потому что строят отношения на взаимном удовольствии, — хотя допускаю, что домашнее печенье для

собак может показаться кому-то излишеством. Так почему бы тогда этим любителям не выйти из подполья и не написать собственные учебники по дрессировке?!

Я был поражен, познакомившись с исследованием сотрудников Ветеринарной клиники Пенсильванского университета. Его авторы — Виктория Войт, Джон Райт и Пегги Даннеман — подвергли сомнению верность расхожего мнения о том, что хозяева, склонные приписывать своим собакам человеческие качества и балующие их, непременно сталкиваются с поведенческими проблемами.

Как указывают эти исследователи, «владельцам часто советуют не воспринимать собаку как человека, поскольку из-за этого могут возникать серьезные поведенческие проблемы». Совершенно недопустимо, следуя этой же логике, позволять собаке спать в вашей постели или кормить ее деликатесами, поскольку «такое отношение приводит к непослушанию».

Тем не менее, работа, опубликованная в научном журнале «Applied Animal Behavior Science» за 1992 год, не дает оснований для подобных опасений. «В

действительности, — отмечают указанные выше авторы, — у собак, которых берут с собой в отпуск или угощают деликатесами с собственного стола, значительно реже возникают проблемы с поведением».

Такое утверждение весьма неожиданно. Видимо, исследователи хотят сказать, что у хозяев, по-настоящему привязанных к своим собакам, больше шансов воспитать спокойную, общительную собаку.

Диана не слишком задумывалась над такими вопросами, но когда я начал расспрашивать о ее детстве, она призналась, что вспоминает о

нем без радости. Родители вели непрерывную борьбу за выживание, и их отношения с дочерью трудно было назвать теплыми и сердечными. Отец редко бывал дома, а мать критиковала каждый ее поступок и предъявляла непомерные требования.

— Ей всегда казалось, что я проявляю недостаточно усердия, делаю все не так. Ее никогда не устраивали мои школьные успехи. В детстве я не сомневалась, что она меня ненавидит. Теперь-то понимаю — мама меня очень любила, но у нее жизнь сложилась непросто, поэтому она боялась, что я вырасту

недостаточно стойкой и ничего не добьюсь в жизни. К тому же — не буду закрывать глаза на очевидный факт — она понятия не имела о том, что значит быть матерью. Она скрывала свою любовь к детям.

Кеос не прятал своей любви, наоборот, неустанно демонстрировал ее. Стоило Диане заговорить с ним, как он принимался вилять хвостом. Он проявлял чувства всеми доступными собаке способами: смотрел хозяйке в глаза, оборачивался, услышав свою кличку, слушался каждого ее слова. Он ни на шаг не отходил от нее на прогулке, садился по команде, подходил по

первому зову. Конечно, у него были недостатки — Диана никогда не оставляла кухню без присмотра, если там готовилось жаркое или остывал цыпленок — но она сама этого хотела. «Мне приятно, что он живой и естественный, поэтому я иду на некоторые уступки его собачьей природе».

Диана, видевшая в детстве слишком мало любви и много принуждения, нашла оптимальный баланс в отношениях со своей собакой — ненавязчивая дисциплина и обучение не исключали любви и одобрения, в которых она сама так нуждалась в детстве. Не только Кеос

выиграл от такого сочетания, но и сама Диана, хотя она не могла объяснить, почему дружба с собакой оказались для нее настолько благотворной.

У Руди все сложилось совсем по-другому. Монтклер окружал подрастающее поколение изобилием. У детей среднего класса было все, что, как принято считать, необходимо детям — хорошая школа, уроки музыки, спортивные секции, велосипед, на котором можно колесить по городу. В глазах многих родителей собаки были частью этого списка и включались в него в тот момент, когда семья решала

расстаться с Бруклином или Верхним Вест-Сайдом и переселиться в пригород.

От Руди, в отличие от большинства современных собак, не ждали любви или эмоциональной поддержки, его не предназначали для какой-либо работы. Его купили как подходящий подарок для ребенка, считая полезным, чтобы любящее, преданное существо поделило с ним детские годы, но не задумываясь о том, нуждается ли сам ребенок в этой дружбе.

Не исключено, что при более взвешенном подходе эксперимент закончился бы вполне удачно,

учитывая великое разнообразие собачьих пород. Крупные и мощные собаки красивы и обладают спокойным нравом, но нуждаются в физической нагрузке и интенсивных тренировках. Мелкие породы — мальтийская болонка, бишон фризе, мягкошерстный уитонский терьер, западно-шотландский терьер и другие сообразительные, общительные и хорошо поддающиеся обучению собаки — могут довольствоваться сравнительно небольшими нагрузками. Они гораздо лучше подходят вечно занятым горожанам и жителям пригородов. Однако в Монтклере —

если верить регистрационным документам — эти породы встречаются почти втрое реже крупных, энергичных служебных и охотничьих собак.

Сэм сказал, что выбрал лабрадора, поскольку постоянно видел собак этой породы по телевизору и в журналах и поражался тому, насколько они красивы.

Прогуливаясь по Монтклеру в компании других владельцев собак, я то и дело натыкался на различные версии этой истории. Оказалось, что Руди не одинок: в городе было множество крупных и сильных рабочих собак, мучающихся от

безделья. Эти любящие создания, стремящиеся подружиться с человеком, в буквальном смысле слова не находили ни одной живой души. Хозяева всячески ограничивали их во время прогулок, а собаки изо всех сил рвались на свободу, как будто стремясь выжать все возможное из этих жалких нескольких минут.

Как видно на примере Кеоса, рабочие собаки не обязательно должны пасти овец или приносить дичь. Их вполне удовлетворят и другие занятия — игра с мячом, погоня за мелкой живностью в лесу или в парке, общение с любящим

хозяином. Если ничего этого нет, собаки нередко попадают в беду.

Дни сменяли друг друга, а Руди по-прежнему сидел, скорчившись в конуре или кружил вокруг своего дерева; с каждой новой встречей он держался все более замкнуто. Когда-нибудь настанет момент, и он «сломается». Иногда мне кажется, что в его темных глазах уже не видно живой души.

IX

**«Ну, разве она не
прелесть?»**

После обеда Тома Фогарти с Пенни почти всегда можно было застать возле изгороди, окружающей стадион, — как раз напротив его домика с растениями в горшках и американским флагом, — они приходили посмотреть на тренировки школьных команд. Как правило, с трех до шести Том выходил прогуляться по свежему воздуху. Сутулый старик, независимо от погоды одетый в спортивную куртку, серые брюки и кепку, неторопливо с трудом брел по тротуару. В одной руке он держал собачий поводок, в другой сжимал трость.

Несколько лет назад он похоронил жену: ей было только пятьдесят два года, когда она умерла от рака.

— Дети тоже разъехались кто куда, — рассказывал Том, присвистывая через прореху в верхних зубах. — Их у меня трое, но они не часто приезжают повидаться.

На вопрос о возрасте старик ответил уклончиво и, усмехнувшись, добавил, что бегом бежит к восьмому десятку. Тем не менее, он все еще работал: четыре раза в неделю отправлялся на своем потрепанном «бьюике» за несколько миль от

города на бензоколонку, где исправно заправлял автомобили.

Поддерживать с ним разговор оказалось непросто. Том постоянно озирался по сторонам и, увидев приближающегося прохожего, поспешно уходил с тротуара, волоча за собой короткошерстную остромордую собаку, непрерывно вилявшую хвостом и так же непрерывно лаявшую.

На первый взгляд Пенни с Томом казались ровесниками. Она была приземистой и коренастой, почти беззубой, сверкала проплешинами на крупе и лапах — три года назад,

когда дочь подкинула ее Тому, все тело собаки было покрыто паршой.

По словам старика, дочку, которой пришлось переехать в Сиэтл, очень волновало то, что он остается совсем один. Поэтому, уплатив положенное вознаграждение местному приюту, она приобрела собаку и сделала отцу сюрприз, подбросив ее под дверь его дома. С умилением вспоминая об их первой встрече, во время которой Пенни «чуть не отгрызла» ему ногу, старик посетовал, что «зубы у нее уже не те». Он признался, что влюбился в нее с первого взгляда.

Бывший хозяин Пенни оставил ее привязанной у дверей приюта. Сотрудники рассказали мне, что собака прожила у них целых полтора года, и за исключением вышедшего на пенсию школьного учителя, желающих «удочерить» ее не нашлось, да и учитель на следующий же день привел ее обратно, не выдержав непрерывного лая.

— У меня никогда не было собаки, а жена предпочитала кошек. Но перед отъездом дочь зашла ко мне и просто подбросила ее вместе с миской и поводком. Она сказала: «Папа, я не могу представить, как ты тут будешь один». Так что, все

правильно, — добавил Том, — Пенни ведь тоже была одна.

— Сам не знаю почему, но мы отлично поладили. И не разлучаемся вот уж сколько лет.

Пенни почесала за ухом и свирепо залаяла, словно выплевывая звуки из практически беззубого рта.

— Разве она не прелесть? — просиял Том.

«Прелесть» не была похожа на собаку из телевизионной рекламы. У нее не было глаз с поволокой. Она не отличалась красотой, не умела выполнять трюки, не слушалась команд, не проявляла дружелюбия или хотя бы интереса к чему бы то

ни было, за исключением Тома. И — так же, как хозяин, — передвигалась медленно, с заметным усилием.

Однако, в отличие от Тома, Пенни трудно было не услышать, — она лаяла на всех, будь то человек или кошка. И терпеть не могла других собак; подобравшись к ним поближе, бросалась и щелкала зубами. Вскоре выяснилось, почему при виде прохожих Том так поспешно ковылял прочь: он признался, что боится, как бы кто-нибудь не пожаловался в полицию на шум, производимый его собакой. Старик считал, что копы могут забрать у него Пенни. Кроме того,

домовладелец, у которого старик снимал жилье, не подозревал о ее существовании.

Старик не вписывался ни в одну из многочисленных разновидностей субкультуры, объединяющей городских собаководов. Он жил в рабочем квартале, на первом этаже дешевого двухквартирного дома, стоявшего возле муниципальных гаражей. В один прекрасный день — в этом можно было не сомневаться — дом вместе с землей перейдет к очередному богатому выскочке, а его хозяин получит приличную мзду, — такие истории случались сплошь и рядом. Среди жителей Монтклера

почти не осталось людей, зарабатывающих себе на жизнь на заправочной станции.

Том никогда не слышал о курсах по послушанию или о позитивной мотивации. Он не покупал в зоомагазине жевательных косточек и матрасиков, набитых кедровыми опилками. У него не было мяча или фрисби, чтобы играть с Пенни, а ее постоянные почесывания с большой долей вероятности указывали на то, что собаку донимают блохи.

Тем не менее, никто не мог бы служить более убедительной иллюстрацией, подтверждающей мнение, что в жизни собак и людей

бывают моменты, когда они не могут обойтись друг без друга, а новая роль собаки в нашем обществе разительно отличается от прежней. Живи Том в другое время или в другом месте, он был бы окружен близкими или соседями, знавшими его долгие годы. Однако его семья рассеялась по свету, родной город изменился до неузнаваемости, и у старика осталась только Пенни.

Их вселенная ограничивалась задним двором, крошечной лужайкой у парадного входа и проволочным забором, огораживающим футбольное поле. К этому забору он привязывал Пенни, пока наблюдал за

тренировкой школьной команды, отсюда она лаяла на игроков, тренера и его свисток, на других зевак, собиравшихся возле ограды, на проезжающие грузовики и велосипеды, на разные непривычные звуки и запахи.

Их день начался с прогулки вдоль ограды. На дальние прогулки Том не отваживался и отходил всего на дом-два от собственного жилища. В парке они не гуляли: Том опасался, что Пенни убежит, подерется с другими собаками или перепугает детей своим громким лаем. К тому же он сомневался, что она осилит такое расстояние.

Вернувшись с прогулки, они сели завтракать. Том удовольствием хлопьями и тостом, его старая кошка получила полбанки тунца. Вторую половину съела Пенни; жадно набивая рот, она не забывала рычать на меня.

— Тсс, — шепотом твердил Том, — Тсс, Пенни, будь хорошей девочкой.

Он постоянно извинялся за нее, призывал ее к порядку, уговаривал быть поприветливее. С любовью глядя ему в глаза и повиливая хвостом, она выслушивала очередное увещевание, после чего снова заливалась лаем.

— Кроме нее, у меня никого не осталось. Все меня бросили. Она умеет вести себя как следует, особенно кое с кем из соседок, — заверил Том, — им она лижет руки, виляет хвостом. Но мужчин недолюбливает, впрочем, как и собак. — В конце концов, ему пришлось признать, что Пенни не питает особой любви и к женщинам тоже, за исключением соседки, которая приносит им остатки от обеда и оставляет миску возле дорожки, ведущей к их дому.

Ни разу в жизни Пенни никого не укусила, — ни человека, ни другую собаку, — но я почти

физически ощущал, какой ужас охватывал Тома при одной только мысли об этом. Он очень боялся, что в один прекрасный день кто-нибудь придет и отберет у него Пенни («ее имя по цвету шерсти, она совсем как медяшка»), в результате эта мысль переросла в навязчивую идею.

После завтрака Том отправлялся на работу. Иногда он брал Пенни с собой, тогда она дожидалась его в «бьюике», на досуге облаивая клиентов. В другие дни собака оставалась дома, и часами смотрела в окно, сидя на подоконнике в гостиной, стены которой украшали фотографии покойной жены, детей и

самого Тома в компании армейских приятелей. По лаю, доносившемуся изнутри, соседи всегда знали, дома ли собака.

Кто эти солдаты на снимке? Том только махнул рукой:

— Никого из них уже не осталось, — он не стал распространяться на эту тему.

В комнате с вытертым линолеумом в стиле пятидесятых, деревянными панелями и мебелью с выцветшей обивкой один из стульев принадлежал Пенни, хотя формально ей было запрещено вскакивать на мебель.

— Я все время твержу, чтобы она слезла, — он пожал плечами, — но эта псина ничего не желает слушать. Да вы и сами увидите.

Она действительно не слушалась, но при этом не сводила с Тома влюбленных глаз.

Вернувшись с работы, старик делал уборку, выносил мусор, выгуливал Пенни вдоль ограды стадиона, а затем располагался на парадном крыльце, привязав поводок к своему стулу.

— За ней нужен глаз да глаз, — стоит зазеваться, как она чего-нибудь да натворит.

Просидев так несколько часов, в течение которых Пенни неумоимо облаивала прохожих и автомобили, а Том здоровался с соседями и непрерывно шикал на собаку, повторяя: «Перестань, Пенни, разве трудно вести себя как следует?» — парочка уходила на ужин, чаще всего состоящий из цыпленка или гамбургера, иногда сэндвича или разогретых полуфабрикатов.

Что бы ни значилось в меню, Пенни получала ровно половину, в том числе салат и десерт, — Том был щепетилен в вопросах справедливости. Поставив собачью миску на кухонный стол, он

скрупулезно делил надвое каждое блюдо с помощью старого ножа с фарфоровой рукояткой. По окончании этой процедуры, он опускал миску на пол у своих ног и включал в соседней комнате телевизор, чтобы послушать новости.

Пенни жадно поглощала еду, даже с набитым ртом не забывая огрызаться, от чего весь пол вокруг оказывался заплеванным, тогда как Том ел неторопливо, не забывая о застольной беседе:

— Кушай, девочка. Тебе нравится? — и оборачивался ко мне, — Ну разве она не прелесть?

Перед тем как окончательно устроиться перед телевизором и насладиться вечерними передачами, он еще раз выводил Пенни на прогулку.

— Глаза у меня уже не те, я вижу не так ясно, как в былые годы, зато все слышу, слух-то у меня еще хороший.

Пенни соскакивала со стула, взбиралась на диван и сворачивалась в клубок рядом с Томом. К вечеру она уставала не меньше своего хозяина.

— Где она спит?

— Ну, в постель-то я ее не пускаю, — поспешно ответил Том. — Но иногда она все же

залезает — хотя теперь-то она уж не такая шустрая. — Действительно, время от времени Пенни поглядывала на кровать или диван, но как видно, приходила к выводу, что игра не стоит свеч.

Мы встречались еще несколько раз, пока я, наконец, не понял, какая миссия возложена на Пенни и насколько серьезно она относится к своей обязанности — составлять компанию Тому и поддерживать его.

Однажды вечером, когда Пенни временно об этом забыла и ушла спать во внутренний двор, Том намекнул, что «здоровье у него уже не то», он быстро устает на работе.

Старик предполагал, что болен и, возможно, нуждается в лечении. Но ничего не просил, просто очень беспокоился о том, как будет жить Пенни, если с ним что-нибудь случится. Том спросил, не смогу ли я взять ее себе, и понимающе кивнул, когда я ответил, что она едва ли поладит с моими бордер-колли.

— Сначала я не хотел ее брать, — в который раз рассказывал Том, словно изумляясь собственной глупости. — Я вообще не хотел заводить собаку. Но теперь... теперь я не знаю, как жил бы без нее. Она для меня — все, решительно все.

Вокруг нас роились светлячки, издалека доносился гул шоссе. Пенни вернулась и теперь спала, почти касаясь головой башмаков Тома, тихонько порывая во сне. Том, преисполненный благодарности за возможность любить кого-то, с обожанием смотрел на нее.

— Дочь говорит, что мне, наверное, придется переселиться в дом престарелых или в какое-нибудь подобное заведение, — произнес он, протягивая руку, чтобы погладить собаку. — Но я не могу, по крайней мере, пока Пенни жива, — он лукаво усмехнулся.

— К тому же я прекрасно обойдусь своими силами. Нам и здесь хорошо.

Пенни проснулась и, увидев меня, яростно залаяла.

— Тише, тише, — льстиво прошептал Том.

Устав лаять, Пенни успокоилась, снова уснула и громко засопела во сне. Том погладил ее по голове, она, не открывая глаз, тихонько рыкнула.

Х

Трикси

Свой восемьдесят восьмой день рождения Анжела Джааматти отмечала точно так же, как делала это вот уже десять лет, с тех пор как умерла ее лучшая подруга Грейс, то есть в своей квартирке на Уоллнат-стрит, в полном одиночестве, если не считать собаки — миниатюрного карликового пуделя Трикси, несколько дней назад отпраздновавшей свое семнадцатилетие. Впрочем, миссис Джааматти знала, что дочери не забудут ее поздравить.

Старшая, Мария, проживавшая в Таксоне вместе с мужем и двумя детьми, позвонила около полудня,

чтобы поздравить мать с днем рождения и узнать, как у нее дела. Мария постоянно предлагала матери приехать и помочь с устройством праздника, но миссис Джиаматти упорно отвечала отказом.

Тина, младшая дочь, обычно звонила по вечерам. Она работала в Сиэттле в филиале фирмы «Майкрософт».

— Они договариваются друг с другом, — объяснила миссис Джиаматти. — Одна звонит мне утром, вторая вечером, чтобы я не чувствовала себя одинокой. Думают, я не догадаюсь.

Судя по фотографиям, выставленным в гостиной на полированном столе из красного дерева, миссис Джиаматти и Трикси не разлучались уже много лет. На самых ранних снимках миссис Джиаматти была тоненькой, как спичка, брюнеткой с огоньком во взгляде, а Трикси — элегантной собачкой с кудрявой белой шерстью и прической в стиле «девушка из Джерси» — пышная шевелюра, схвачена голубой лентой, завязанной бантом над ухом.

Однако время не пощадило обеих. Миссис Джиаматти перенесла две операции на тазобедренном

суставах и теперь принимала гору таблеток от артрита, диабета и высокого давления. Она выглядела нездоровой и немного сутулилась, но по-прежнему тщательно следила за собой. Голубоватый оттенок белоснежных волос оттенял аквамариновый брючный костюм, дополненный маленьким золотым распятием.

Трикси уже несколько лет страдала болезнью почек, а недавно у нее обнаружили рак желудка. Собачка выглядела тощей и изможденной, шерсть свалялась и пожелтела, глаза слезились, зубы покрылись темным налетом.

Большую часть дня она лежала на круглой подстилке в гостиной рядом с любимым зеленым креслом миссис Джааматти.

— Мы всегда отлично ладили друг с другом, у меня никогда не было с ней проблем, — с горечью заметила Анжела. — А теперь мы обе вынуждены проводить полжизни в кабинетах у врачей.

Каждый поход с Трикси к ветеринару становился серьезным испытанием для почти девяностолетней дамы с больными ногами; миссис Джааматти извлекала из стенного шкафа картонный ящик («контейнеры для

перевозки слишком тяжелы, к тому же Трикси их терпеть не может»), вызывала такси и доплачивала водителю за то, что он относил Трикси в машину, а затем в кабинет врача. По окончании визита процесс повторялся в обратном порядке. Соседи порекомендовали ей ветеринара, выезжавшего на дом, но его услуги оказались миссис Джиаматти не по карману. Кроме того, Трикси всегда лечилась у д-ра Бренды Кинг.

И все же это было непросто. Трикси, заметно ослабевшая от болезни, без всякого восторга относилась к перспективе сидеть в

картонном ящике, да еще терпеть прикосновения посторонних людей. Еще несколько лет назад она могла «наделать дырок в том, кто попытался бы вынести ее из дома», — сказала Анжела. Но это относилось к прежней Трикси, молодой и энергичной; теперешняя Трикси уже не могла причинить неприятностей.

Последние два дня собака ничего не ела и едва держалась на ногах, отказываясь выйти на прогулку даже ненадолго. Впрочем, д-р Кинг заранее предупредила о таких переменах.

Миссис Джиапатти записала Трикси на прием, — ее ждали в клинике завтра, к восьми утра. Анжела предчувствовала, что домой вернется одна.

Как видно, час Трикси пробил.

Еще год назад, когда Трикси могла вспрыгивать на широкий подоконник, они подолгу смотрели в окно, за которым проезжали автомобили, соседи выгуливали своих собак, а возле здания муниципалитета сновали деловые люди.

Неподалеку от пятиэтажного кирпичного дома, в котором жила миссис Джиапатти, находились

городской торговый центр и супермаркет, а также два крошечных сквера, которых было вполне достаточно для прогулок с маленькой собачкой, — ей хватало места, чтобы побегать и сделать свои дела. Судя по всему, реконструкцию здания уже запланировали, чтобы затем привлечь сюда более состоятельных жителей, преимущественно тех, кто еще не обзавелся семьей. А в настоящее время здесь проживали пенсионеры. Для молодых профессионалов дом был слишком ветхим, а для семей среднего класса — слишком тесным, зато вполне устраивал представителей старшего

поколения, которые не хотели уезжать из города и считали, что в состоянии обходиться без посторонней помощи, во всяком случае, пока.

Миссис Джиапатти пользовалась двумя комнатами — просторной гостиной и спальней — хотя в квартире было еще три: кухня, оборудованная в стиле пятидесятых годов, вторая спальня, которую занимали дочери, когда приезжали навестить мать, и столовая. Миссис Джиапатти редко заходила туда, хотя стены и украшали фотографии домочадцев.

Никто из них не знал о предстоящем визите к ветеринару. Миссис Джиапатти не сказала Марии о том, что Трикси стало хуже. С этим можно подождать: Анжела предполагала, что дочь будет переживать. Кроме того, она считала, что это сугубо личная проблема, касающаяся только ее и Трикси.

— Мария так любила собачку, — вспоминала миссис Джиапатти. — Когда у нее были неприятности с мужем, она приезжала ко мне и целую неделю буквально не спускала Трикси с рук. — После того как семейные проблемы счастливо разрешились, они обе не могли

избавиться от ощущения, что благополучный исход во многом объясняется присутствием этой крошки.

Кроме того, Мария начнет еще сильнее беспокоиться о матери, зная, что та осталась совсем одна. Мысль о том, что Трикси осталась с матерью, когда все остальные разъехались, притупляла чувство вины, мучившее дочерей миссис Джааматти, сознававших, что слишком отделились от нее. Миссис Джааматти не винила дочерей, понимая, что в наши дни дети, как правило, разлучаются с родителями и

никто не в силах повлиять на эту печальную тенденцию.

— Тут уж ничего не поделаешь.

Однако миссис Джияматти понимала и то, что с уходом Трикси ее ждут неизбежные перемены. Она лишится последнего предлога, позволявшего ей не расставаться с привычной обстановкой.

— В каком-то смысле, я уже готова к этому, — вздохнула она, — хотя сомнения еще остались. — Она хотела все обдумать сама, а уж потом заводить серьезный разговор с родней. Трикси была последним бастионом, отделяющим ее от этого разговора.

Когда я пришел к ним в первый раз, Трикси поднялась с подстилки, обошла вокруг меня, тявкнула один раз, после чего вернулась на свое место и снова погрузилась в тяжелый беспокойный сон. Наблюдая за этими проявлениями бдительности, свойственной прежней Трикси, миссис Джиаматти улыбнулась.

Маленькие собаки обладают странной особенностью: они удивительно бесстрашны, словно не отдают себе отчета в своей слабости и считают себя хозяевами положения. В результате окружающие, в том числе и другие собаки, невольно проникаются их

уверенностью. Мне нередко приходилось наблюдать, как мопс или бишон фризе помыкают ротвейлером или немецкой овчаркой. Трикси, даже ослабленная болезнью, держалась с королевским достоинством и снисходительно гавкала, заслышав рокот проезжающего автомобиля или чьи-нибудь шаги на лестничной площадке.

До недавнего времени Трикси проводила большую часть дня на коленях у миссис Анжелы, бдительно следя со своего поста за окружающей обстановкой. Миссис Джиаматти договорилась с детьми из своего

церковного прихода, что они будут выводить Трикси на прогулки утром и вечером, особенно в дождь или снегопад, когда выбираться на улицу ей особенно трудно. Однако в теплые солнечные деньки, когда обе компаньонки чувствовали себя сносно и ноги миссис Джиаматти болели не слишком сильно, они с Трикси спускались на лифте и направлялись в небольшой парк, где могли посидеть на скамейке, подышать воздухом, поболтать с кем-нибудь из приятельниц миссис Джиаматти. К сожалению, почти никого из них уже не осталось.

— Все мои подруги ушли из жизни или переселились в дома престарелых, — миссис Джиапатти покачала головой. — Почти никого не осталось, к тому же мы редко выходим из дома. — Подруги Анжелы да и она сама не имели привычки «висеть на телефоне», что только усугубляло чувство одиночества. Однако присутствие Трикси во многом меняло дело.

Традиции, в которых была воспитана Анжела Джиапатти, не позволяют излишне проявлять чувства — хоть к людям, хоть к собакам, — но женщины все равно любят поворковать над своими

детишками. При упоминании о дочерях или внуках миссис Джияматти заметно оживилась и, просияв, разложила передо мной семейные фотографии.

— Что осталось человеку, дожившему до моих лет? — Миссис Джияматти отхлебнула крепкого чаю, который пила без молока и сахара. — В таком возрасте вечно то слишком жарко, то слишком холодно, то вдруг навалится болезнь или усталость, поэтому у стариков достаточно времени, чтобы оглянуться назад и понять, что жизнь осталась в прошлом, а впереди ничего уже нет. Смерть меня не пугает.

Что же я вижу, оглядываясь назад? Свою семью. Я вижу своих родных. И Трикси — она ведь тоже часть семьи, которая столько лет жила в этом доме; она — все, что у меня осталось. Я очень люблю своих детей, но у них своя жизнь, — да так и должно быть. А у меня есть Трикси, да благословит ее Господь.

Анжела не любила жаловаться. Каждому приходится решать свои проблемы, и многим — гораздо более серьезные; проблемы вообще являются неотъемлемой частью нашей жизни, поэтому она благодарила судьбу за то, что имела.

Миссис Джияматти родилась в Ньюарке, — так же, как и ее муж, Винсент, который уже в тридцати пятилетнем возрасте возглавил в Монтклере Департамент общественных работ. Она считала, что обязана посвятить себя семье, и не работала до тех пор, пока дочери не окончили школу, а затем поступила на должность секретаря в местную школу. Выйдя на пенсию, они с Винсентом переехали в этот дом — вместе с Трикси, которую Винсент тоже обожал. Вскоре муж скончался от болезни почек.

Будучи глубоко религиозным человеком, Анжела не пропускала ни

одной воскресной службы, пока не случилось несчастье с ногами. Теперь миссис Джияматти ходит к мессе не чаще одного раза в месяц.

— Но ведь можно молиться и дома, — заметила она, указывая на изображение Иисуса, висящее на стене гостиной. Да и отец Джозеф частенько заходит меня проведать, я очень благодарна ему за доброту.

Она ужасно скучала по дочерям, но никогда не говорила им об этом, — они и так чувствовали свою вину из-за того, что им пришлось уехать.

— Ни одна мать не могла бы пожелать большего. Слава Богу, у

каждой отличный муж с хорошим заработком, прекрасные дети, красивый дом. Господь услышал мои молитвы, жаль только, что Винсент не дожил до рождения внуков.

Внуков было четверо. Бесчисленные снимки, запечатлевшие различные стадии их взросления, смотрели на меня отовсюду — младенцы на пляже, дети, празднующие очередной день рождения, подростки в Диснейленде. Пусть Мария с Тиной не могли часто навещать свою мать, но они, по крайней мере, позаботились о том, чтобы она была в курсе всех важных событий их жизни.

Уйдя на покой, миссис Джияматти не отказалась от привычного образа жизни — даже после смерти Винсента — и неотъемлемой частью этого образа жизни была Трикси. Три раза в день Анджела обязательно выходила на прогулку, участвовала в благотворительной работе церковного прихода, встречалась с друзьями. Иногда она предпринимала вылазки в Атлантик-Сити (до всей этой истории с ногами), чтобы просадить пять долларов в игровых автоматах, и два — три раза в год отправлялась навестить дочерей, подгадав свой

визит к их отпуску, — на это время Трикси оставалась в гостинице для собак у доктора Кинг. В каком-то смысле это были беззаботные годы.

Трикси всегда была рядом и, судя по снимкам, участвовала во всех самых важных событиях.

Миссис Джиапатти не забыла о том, как Трикси ждала ее дома, когда в больнице ей сказали о смерти Винсента. Она помнила, как Трикси поддержала ее, когда Мария, а следом за ней и Тина, переехали на Запад. И никогда не забудет о том, какое терпение проявляла Трикси, когда ее хозяйка начала ходить после операции, как они гуляли вдвоем... А

потом еще и лучшая подруга Грейс умерла от рака яичников.

Собака стала важной частью ее жизни, хотя миссис Джияматти принадлежала к поколению, представители которого неодобрительно относятся к тенденции очеловечивать животных. О Трикси она говорила по-другому, не так, как о дочерях или внуках, и не пыталась угадать, о чем думает ее собака и думает ли она вообще.

Она не разговаривала с Трикси, — по крайней мере, вслух — и не обсуждала с ней своих проблем.

Такое нежелание видеть в собаке человека не говорило о том, что

миссис Джияматти не была к ней привязана, не боялась ее потерять или кормила объедками. Трикси ела два раза в день: по утрам она получала маленькую баночку консервированного корма, а перед сном ей в широком ассортименте предлагались блюда итальянской кухни в домашнем исполнении, — больше всего ей нравились спагетти.

К тому времени я уже понимал, что люди любят собак по самым разным причинам: Роб обожал своего молчаливого Чероки не меньше, чем Сандра — маленького шпица, подарившего ей возможность проявить материнские чувства.

Миссис Джиаматти видела в своей собаке не суррогат, восполняющий ей общество ее близких, а отрезок жизненного пути, с которым она была неразрывно связана. Трикси была звеном в цепи: глядя на нее, миссис Джиаматти видела не только любимую собаку, но и своего мужа, детей, всю свою жизнь, представавшую перед ней в виде белого полотна, на котором картины прошлого сменяли друг друга.

Альберт и Балкрофт, в 1988 году опубликовавшие свое исследование о влиянии домашних животных на семью, утверждают, что среди владельцев животных сравнительно

немного людей, лишившихся своего спутника жизни. Этот феномен объясняется целым рядом причин: проблемы со здоровьем, расходы, ограничения, связанные с жилищными условиями, стремление к независимости. Пенсионеры из Монтклера не раз говорили мне, что не хотят заводить собаку, поскольку она почти наверняка переживет их.

Но для тех одиноких или осиротевших людей, у которых уже имелось животное в доме, оно может стать важным источником любви и дружбы. «Будучи объектом и источником любви, — отмечают Альберт и Балкрофт, — животные

оказывают моральную поддержку людям, лишившимся семьи или живущим в окружении, неспособном оказать такую поддержку». Как выяснили исследователи, такое умение присуще именно собакам.

Я прочитал этот отрывок Анжеле Джиаматти. Она с улыбкой покачала головой. Миссис Джиаматти понятия не имела о том, что имеют в виду авторы, говоря о «моральной поддержке» и, судя по всему, не собиралась углубляться в эти проблемы.

— С Трикси мне не так одиноко, благодаря ей я чувствую себя при деле, — пояснила она.

— Когда умер Винсент, мы остались с Трикси вдвоем, и отлично справлялись. Она хороший компаньон и вообще хорошая девочка. Эй, Трикси? — Услышав призыв, Трикси с трудом поднялась с подстилки, подошла и, вильнув хвостом, села у ног миссис Джиаматти. Посидев, она ушла обратно и снова улеглась. Она выглядела неважно.

Если бы не Трикси, миссис Джиаматти, вероятно, уступила бы просьбам дочерей: еще два года назад, когда ее проблемы со здоровьем усугубились, они настаивали на том, чтобы мать

переехала в дом престарелых при католической церкви.

Миссис Джиапатти знала о том, как Марию и Тину беспокоит ее одиночество. Ей и самой было нелегко. С каждым днем любой пустяк давался ей все труднее. Она понимала, что не сможет долго обходиться без посторонней помощи да еще и заботиться о старой собаке. Но ей не хотелось уезжать из Монтклера, а о том, чтобы расстаться с Трикси, не было и речи. Миссис Джиапатти не хотела усыплять собаку прежде, чем пробьет ее час.

Мне неоднократно приходилось слышать от ветеринаров Монтклера о

том, каким страданиям подвергают своих собак хозяева, отказывающиеся их усыпить, но миссис Джияматти была реалисткой. Она не хотела обрекать собаку на мучения и, если Трикси больше не сможет есть спагетти или ходить... Д-р Кинг обсудила с ней, что придется сделать, когда настанет время. «Иногда истинная любовь заключается в том, чтобы не заставлять собаку жить дальше», — произнесла она, цитируя ветеринара. Она была согласна с этим утверждением.

Однако я не был уверен в том, что миссис Джияматти понимает,

как трудно ей придется в первые недели и даже месяцы.

Психиатрам, как отмечает Кеннет Кедди в «British Journal of Psychiatry», хорошо известна реакция людей на смерть близких друзей или родственников, тогда как влияние гибели домашнего животного на психическое здоровье человека во многом еще остается белым пятном. Однако Кедди обнаружил, что смерть кошки или собаки порой оказывается не меньшим потрясением, чем тяжелая инвалидность или потеря собственного дома, и вызывает острые депрессивные состояния,

возбуждение или другие проявления психических расстройств.

Наступил четверг. Утро обещало превратиться в ясный ветреный весенний день. Миссис Джиаматти проснулась рано, оделась, постояла перед изображением Иисуса, склонив голову в молитве, затем поставила кофейник на плиту и стала собираться на прогулку с Трикси.

С трудом наклонившись, она пристегнула поводок. Трикси, которая послушно подошла на зов, стояла неподвижно, словно в оцепенении.

Они медленно прошли по коридору, вошли в лифт и спустились на первый этаж.

Дойдя до треугольного газона у парадного входа, Трикси остановилась и легла на землю.

— Пойдем девочка, нужно идти. Давай постараемся. — В последнее время, когда шел дождь или они с Трикси чувствовали себя особенно неважно, миссис Джияматти расстилала на кухне газеты для Трикси. Наконец, Трикси пописала в кустиках и они вернулись к себе.

В половине восьмого у подъезда остановилось такси. Огромный старый «шевроле», коричневый с

белым, выглядел таким потрепанным, как будто отмахал целый миллион миль. Из-за собаки транспортная компания увеличивала счет на пять долларов. Выскочив из кабины, водитель поднялся в квартиру миссис Джиаматти и помог ей вынести картонную коробку с собакой. Трикси не протестовала. Миссис Джиаматти с трудом забралась в машину, то и дело тяжело приваливаясь к дверце или опираясь на руку водителя.

В этот день Анжела надела темно-коричневое платье и жакет, так она обычно ходила в церковь, и — хотя ноги болели

немилосердно, — коричневые лодочки. В руках у нее была хозяйственная сумка.

Через несколько минут такси остановилось перед клиникой доктора Кинг, — я следовал за ними в своей машине. С помощью водителя миссис Джиаматти выбралась из автомобиля и с трудом поднялась по ступенькам. Коробку с Трикси нес помощник ветеринара. Добравшись до смотровой, миссис Джиаматти с Трикси тревожно переглянулись.

Д-р Кинг осмотрела почти бесчувственную собаку, заглянула ей в глаза, прослушала сердце, измерила

температуру. Прodelав все необходимые манипуляции, она закрыла дверь, чтобы побеседовать с миссис Джиапатти наедине.

Прошло около десяти минут, и дверь снова открылась. Покопавшись в сумке, миссис Джиапатти вынула фотографии своего мужа, двух дочерей и четырех внуков. Еще она захватила снимок — он был у нее единственным, — на котором Трикси была запечатлена вместе со всей семьей. Они сфотографировались, когда семейство в последний раз собиралось вместе.

Миссис Джиапатти пыталась взять себя в руки:

— Я пережила не одни похороны и не собираюсь распускаться.

— Не на людях. Не в ветеринарной клинике.

— Доктор Кинг сказала, что время пришло. — Доктор Кинг, уважаемый местный ветеринар, мрачно кивнула. Она сказала, что у собаки прогрессирует почечная недостаточность, к тому же она все равно скоро умрет от рака. Кинг считала, что истинно любящие хозяева понимают, что порой принять решение об усыплении необходимо. Она относилась к ним с уважением и старалась действовать оперативно, без лишних слов.

Миссис Джиапатти поставила фотографию на край смотрового стола, чтобы Трикси могла видеть людей, которые ее любили.

Собака, лежавшая почти без сознания, подползла поближе к старой женщине, лизнула ее руку и закрыла глаза. Доктор Кинг спросила, не хочет ли миссис Джиапатти побыть минутку наедине с Трикси. Она отказалась, но поднесла к губам распятие и положила ладонь на голову Трикси. Д-р Кинг ввела анестетик, а затем, через несколько минут, сделала вторую инъекцию, от которой сердце собаки мгновенно остановилось.

Все произошло за считанные минуты. Трикси лежала неподвижно и, приложив к ее груди стетоскоп, доктор Кинг покачала головой. Все было кончено.

Она выразила миссис Джааматти соболезнование и, похлопав ее по руке, вышла из кабинета. У миссис Джааматти на глазах выступили слезы. Она попросила, чтобы собаку кремировали и отдали ей пепел, хотя не очень представляла, что будет делать с урной. Вернувшись домой, она позвонит Марии и Тине и сообщит им о том, что произошло. Или, может быть, позвонит им

завтра. Анжела Джиаматти
выглядела усталой.

Она собрала фотографии,
сложила их в сумку и обернулась к
Трикси, застывшей на смотровом
столе.

— Прощай, девочка, — сказала
она и вышла из кабинета.

Миссис Джиаматти забыла
оплатить процедуру, но д-р Кинг
шепнула помощнику, чтобы тот не
беспокоился на этот счет.

Я проводил Анжелу к церкви
Пресвятой Девы, — по дороге она не
проронила ни слова, — и подождал
на улице, пока она разговаривала с
отцом Джозефом. Он вышел вместе с

ней, пообещав навестить ее на следующий день, и выразил свои соболезнования.

Анжела сказала мне, что поставила свечку и прочитала молитву за упокой преданной любящей души.

— И за себя тоже, — негромко добавила она. Миссис Джааматти не сомневалась в том, что им с Трикси суждено встретиться, и отец Джозеф был с ней вполне согласен.

Вернувшись на Уоллнат-стрит, миссис Джааматти с трудом выбралась из машины и, опираясь на мою руку, медленно вошла в вестибюль. Она кивнула соседу,

вызвала лифт, тяжело ступая прошла по коридору, вставила ключ в дверной замок и замерла. Но, помедлив, все-таки открыла дверь.

Она повесила жакет на плечики и пошла в кухню, чтобы согреть чаю. Наконец, вода закипела, миссис Джияматти опустилась в любимое кресло, обитое зеленой тканью. Она выглядела спокойной и собранной, но донельзя измученной. Оглядевшись вокруг, она взглянула на собачью подстилку.

Иногда смерть собаки становится для людей настоящим горем. Некоторые стыдятся слишком откровенно оплакивать животное и

предпочитают сдерживать свои эмоции. Очевидно, миссис Джааматти относилась к этой категории.

Многие из тех, кому пришлось пережить смерть любимой собаки, признаются в том, что спустя недели или даже месяцы подсознательно ожидают увидеть ее на привычном месте; наверное, и миссис Джааматти будет некоторое время заново переживать свою потерю каждый раз, когда опустит глаза и не увидит рядом Трикси.

Она сказала, что не будет торопиться и выбросит подстилку только через несколько дней. Потом

она выбросит корм, поводок и игрушки. А потом соберется с духом и позвонит дочерям, а там — будь что будет.

Эпилог

Снова в Догвилле

В сентябре прошлого года мои бордер-колли Гомер и Девон участвовали в испытаниях пастушьих собак, проводившихся в рамках фестиваля шотландской и ирландской культуры. Это были горячие деньки для моей хорошей

приятельницы Кэролин Уилки, работавшей инструктором и тренировавшей в том числе и моих собак. На ее ферме «Земляничный кряж» работа начиналась с зарей, когда Кэролин выводила на пастбище свою отару. Затем, с помощью собак она заталкивала в пикап полдюжины овец и части разборной изгороди, чтобы потом на ярмарке соорудить из них загон.

Полностью снаряженный автомобиль выглядел фантастически: из кузова торчали колья изгороди, вокруг мешков с сеном сгрудились овцы, тут же стояли емкости с водой и контейнеры для перевозки собак,

для надежности обвязанные веревками.

Оплата, обещанная Кэролин организаторами фестиваля, была чисто символической: несколько сотен долларов за два дня тяжелой работы от зари до зари, причем в один из этих дней стояло настоящее пекло, а весь следующий шел дождь. Впрочем, Кэролин все это не смущало. Она принимала любые предложения и разъезжала с выступлениями по всему восточному побережью, она считая, что подобные мероприятия позволяют с самой выгодной стороны продемонстрировать публике древнее

искусство пастуха и способности пастушьей собаки.

Я не мог не признать такую цель благородной и время от времени присоединялся к Кэролин. С помощью микрофона — нужно признать, что иногда техника все же работала — я комментировал ее действия, в то время как Кэролин — надев родовой знак клана МакУилки, шарф, килт, берет и представившись зрителям — руководила своими собаками и овцами. Зато и моим собакам выпадал случай продемонстрировать свои таланты.

Такие ярмарки, обычно в форме сборных, не приносящих прибыли

выступлений, пользовались бешеной популярностью, особенно у родителей с маленькими детьми, отчаявшихся найти какое-нибудь разумное развлечение на выходные. Казалось, эти мероприятия доносят до нас дух живой этнической культуры; в нашем гомогенизированном мире они не позволяли людям забыть о своих корнях.

Как водится, главным элементом таких ирландских и шотландских ярмарок оказывались всевозможные музыканты с волынками и рожками, ансамбли народных инструментов и флейтисты; открывалось и несколько

павильонов, торгующих керамикой и резными тростями, а так же палаток, в которых можно угоститься мясным пирогом и рыбой с жареным картофелем; настоящий бизнес, представленный хот-догами и пиццей, скромно ютился на задворках.

Однако выступление пастухов всегда было незаурядным событием. Бордер-колли вывели в Ирландии и Шотландии сто лет назад специально для того, чтобы собирать овец в стадо и выгонять из хлева на пастбища, открытые всем ветрам, а затем снова пригонять домой. Теперь они демонстрировали свое умение в

небольших парках или на школьных игровых площадках. В ту субботу мы давали три выступления, собрав по меньшей мере, человек пятьсот. Пробившись на лучшие места, зрители расставляли раскладные стулья, настраивали фотоаппараты и видеокамеры, рассказывали детям и знакомым о том, что смотрели передачу о пастухах на канале «Дискавери», и как будет занятно увидеть это зрелище вживую.

Каждое выступление длилось около получаса. Сияющая Кэролин, радовавшаяся каждой возможности показать свое древнее искусство, выпускала овец и посылала собаку

отогнать их на несколько сотен ярдов вверх по заросшему травой холму, а затем отправляла вторую, — чтобы собрать овец и привести их обратно в загон.

Дейв — вожак и коренной шотландец — был главным и заслуженным действующим лицом в этом спектакле; он повиновался каждой команде Кэролин, отданной голосом или с помощью свистка. А я объяснял аудитории, что происходит.

Зрелище, состоявшее из достаточно примитивных трюков, производило на публику неизгладимое впечатление. По толпе проносился возбужденный шепот:

зрителей поражало, с какой легкостью Кэролин управляет собаками, приказывает им повернуть налево или направо, развернуться или лечь на землю, как будто держит в руках пульт дистанционного управления. Собаки действовали слаженно и молниеносно; овцы, создавая необходимую атмосферу, блеяли и старались ухватить побольше травы.

— Господи, — прошептала одна из женщин, стоявших рядом со мной, — а я-то девять лет не могу заставить своего пса просто выполнить команду «сидеть».

После окончания хоккея на траве или состязания ткачей, публика расходилась, не задерживаясь. Но Кэролин зрители обступали стеной. Они единодушно восхищались ее собаками и сожалели о том, что им самим не посчастливилось работать с такими умными животными. Те из зрителей кому уже случалось видеть бордер-колли и других пастушьих собак за работой — в Европе или одном из западных штатов, — в один голос уверяли, что никогда не забудут этого зрелища. Это было здорово. Похоже, публика воспринимала собак Кэролин, да и моих заодно, как нечто сверхъестественное.

Учитывая обширный арсенал развлечений, доступных большинству американских семей, странно, что работа собак, гонящих по лужайке овец, представляется им таким захватывающим зрелищем. Впрочем, может быть, в этом нет ничего удивительного. Вероятно, людей подкупала возможность увидеть нечто необычное, окунуться во времена, когда человек и собака в буквальном смысле не могли обходиться друг без друга, будучи связаны друг с другом не только эмоциями, но и совместной работой.

Думаю, в качестве ответа на этот вопрос можно привести слова одной

из зрительниц: «Глядя на них, я почему-то задумалась о том, зачем нам нужны собаки, откуда они взялись и как давно начали помогать человеку».

Как бы там ни было, наблюдая за тем, как овцы перебегают вверх и вниз по склону холма, останавливаясь, чтобы пощипать траву, а Кэролин дует в свисток и командует: «Ко мне» или «Вперед», и собаки послушно гонят стадо, толпа так дружно ахала и охала, как будто по склонам разъезжал луноход.

Мои собаки тоже грелись в лучах славы. Почти каждый из зрителей старался погладить их или окликнуть

по имени. Гомер принимал восторги, но держался безразлично, — его интересовали только овцы. Он мог целыми днями сидеть у загона, не сводя с них глаз, с нетерпением дожидаясь своей очереди поработать. Девон, как обычно, нервничал и не отходил от меня ни на шаг.

Когда настало время третьего, заключительного выступления, мы все немного устали, в том числе и собаки. Хотя стояла ранняя осень, солнце еще ощутимо припекало, было душно. Гомер терпеливо сидел возле изгороди, дожидаясь, когда можно будет приступить к делу.

Небольшой отряд волынщиков — их музыка служила сигналом к началу нашего выступления — прошел мимо огромного мужчины, несущего на плечах нечто, напоминающее телеграфный столб. (Позднее оказалось, что это и был телеграфный столб).

Пока я готовил микрофон, на подъездной аллее показался небольшой желтый фургон. Он медленно пробрался сквозь толпу и остановился за моим грузовиком. Две женщины средних лет в джинсах и кроссовках выпрыгнули из кабины и открыли боковые дверцы.

Из фургона вышла группка ребяташек из интерната для неполноценных детей.

Среди них было несколько тяжелых инвалидов, остальные страдали умственной отсталостью, трое передвигались в инвалидных креслах. Группа двинулась в нашу сторону.

Один из детей — тот, что сидел в кресле, — подъехал прямо к нам. Вскоре я узнал, что его зовут Джои и ему двенадцать лет. Он заметил Девона и начал выкрикивать что-то невнятное. «Собака, собака!» — во всяком случае, так мне показалось. Мальчик не выглядел испуганным,

скорее возбужденным. Его круглое лицо обрамляли белокурые волосы, на нем была поношенная коричневая бейсболка, синие кроссовки и джинсы и майка с изображением Микки Мауса. В руках он крепко сжимал плюшевую игрушку и производил невероятный шум.

Воспитательница, катившая его кресло, старалась успокоить мальчика, но он продолжал кричать, не сводя глаз с моей собаки. Девон стоял рядом со мной, в нескольких метрах от ребенка, а тот постепенно возбуждался все сильнее, — он колотил руками по креслу и топал ногами.

Я шагнул вперед и загородил собой Девона. Бордер-колли не любят неожиданных резких движений.

Любители этой породы расскажут вам массу историй о странной, неприветливой натуре своих питомцев, о неудачных встречах с туристами, с любителями кататься на велосипеде и скейтборде и даже с автомобилями, — любой из этих объектов может стать спусковым крючком, включившим инстинкт пастуха. А пастушья собака, преследующая шумный удаляющийся объект, небезопасна, хотя в нашем выступлении это

зрелище пользуется наибольшей популярностью.

Кроме того, в прошлом Девона были и темные страницы, он очень возбудим и непредсказуем. Правда, пес никогда не проявлял агрессии, но когда я только взял его, Девон пугался детей и подскакивал, когда кто-нибудь неожиданно прикасался к нему или заставлял его врасплох. Целых два года мы с Кэролин упорно работали, стараясь избавить его от повышенной восприимчивости к резким звукам и движениям. И преуспели в этом — Девон стал гораздо спокойнее. Однако я понятия не имел, как он может отреагировать

на шумного, слишком оживленного Джои.

Неожиданно Девон подошел прямо к мальчику и, поколебавшись секунду, положил голову ему на колени, а потом и весь туда забрался.

Джои мгновенно успокоился, как будто кто-то повернул выключатель. Воспитательница просияла, шепнув что-то на ухо мальчику, взяла его руку в свою и показала, как нужно гладить собаку. Два человека из толпы нацелили на Джои свои видеокамеры, словно считая его очередным номером выступления. Я подошел поближе, не очень представляя, как себя вести.

Девон лизнул Джои в лицо. Мальчик засмеялся и взвизгнул от удовольствия. Я жестом указал на них Кэролин; она улыбнулась.

Вдруг Джои схватил Девона и, крепко стиснув его руками, начал повторять: «Мии-ни. Мии-ни» Девон окаменел. Я негромко заговорил с ним и сделал шаг вперед, но тут же остановился. Если вмешается воспитательница либо я буду приближаться слишком поспешно, нам не избежать неприятностей. А что если Джои будет неосторожен? Девон может испугаться.

Я сказал Джои, как зовут собаку, и теперь он повторял нараспев: «Де-

вон. Де-вон» — только у него получалось «Де-он, Де-он», причем второй слог он произносил громче, почти выкрикивал. Он по-прежнему стискивал Девона, как плюшевого медведя, — редкой собаке понравилось бы такое обращение, в особенности со стороны возбужденного незнакомца. Однако, оправившись от удивления, я обнаружил, что Девон ведет себя совершенно спокойно.

Когда я вышел на сцену, ко мне подошла воспитательница Джои. Ее лицо сияло от радости: «Джои почти не разговаривал в последнее время. В эти месяцы ему приходилось

нелегко, — он у нас новенький. Ему понравилась ваша собака. Вы не возражаете?»

Пока что у меня не было для этого оснований.

Девон тоже не проявлял беспокойства и миролюбиво помахивал хвостом. До меня начало доходить, что на моих глазах происходит нечто необыкновенное. Моя рабочая собака выполняла несвойственную ей работу.

Я с трудом могу объяснить этот факт. Может быть, Джои испачкал рубашку едой. Может быть, Девон решил ответить на поток любви и внимания, исходивший от мальчика.

Может быть, он чувствовал, что мальчик нуждается в нем. Как бы там ни было, оба были в полном восторге друг от друга.

Воспитательница с моей помощью объяснила Джои, что он должен сидеть спокойно и обращаться с собакой бережно, иначе Девон уйдет. Джои почти не обращал на меня внимания, но внимательно выслушал то, что Чарлин прошептала ему на ухо. Он не хотел, чтобы Девон ушел, поэтому постепенно все больше успокаивался. Да и пес вел себя очень спокойно. Я не замечал никаких признаков агрессии или испуга: он не прижимал уши, не

рычал и не скалил зубы. Честно говоря, он выглядел совершенно спокойным и лежал, свернувшись на коленях у мальчика.

Поглядывая одним глазом на эту необычную пару, оставшуюся под бдительным присмотром Чарлин, я включил микрофон и приступил к рассказу об истории пастушьего ремесла и подвигах Кэролин МакУилки. Мое выступление продолжалось около получаса, и все это время Джои не выпускал из рук мою собаку, а пес спокойно сидел у него на коленях, с удовольствием принимая знаки внимания, хотя, насколько мне было известно, ему не

приходилось сталкиваться с людьми, которые выглядели, двигались и вели себя как Джои.

Гомер, не удостоивший Джои ни единым взглядом, — впрочем, как и всех остальных зрителей, — вышел на исходную позицию. Кэролин взяла микрофон, а я открыл ворота загона и послал Гомера собрать овец, а затем обвести отару вокруг лужайки и холма.

Обернувшись к Джои, я увидел, что Девон соскочил на землю — Чарлин убедила Джои его отпустить, — и начал обходить остальных детей из той же школы, позволяя им погладить себя. Однако,

как только Джои начал выкрикивать его кличку, Девон быстро вернулся обратно, встал рядом и положил голову мальчику на колени. Джои хлопал в ладоши и смеялся. «Де-он! Де-он!» — я слышал его голос даже с вершины холма, откуда мы с Гомером гнали овец, отнюдь не горевших желанием снова оказаться в загоне. Когда настало время уходить, Джои начал кричать и плакал до тех пор, пока его не посадили в фургон.

Чарлин призналась, что никогда не видела Джои таким разговорчивым и оживленным, и спросила, не смогу ли я как-нибудь привезти Девона к ним в школу, пока

воспоминания об этой встрече еще свежи в памяти мальчика. Разумеется, я согласился; мы обменялись номерами телефонов и электронными адресами.

Девон провожал взглядом уезжающий фургон, пока тот не скрылся из виду. Гомер по-прежнему сидел у загона, свирепо вытаращившись на овец. Передо мной были две рабочие собаки, одна из которых выполняла работу, для которой была предназначена по рождению, другая помогала тяжело больному ребенку — по причинам, которые мне, вероятно, никогда не удастся постичь, — общаться с

окружающим миром. Другими словами, я получил два примера собачьей работы — в старом и новом ее понимании.

Прошло несколько месяцев, и я вернулся в Монтклер, чтобы посмотреть, как поживают мои герои. То, что я узнал, лишь подтвердило мои первоначальные выводы: истории этих собак и их хозяев — не что иное, как отражение самой жизни.

Немецкая овчарка Рашмор, с которым я познакомился в Миллзе, оказался не нужен после того, как хозяйка второй раз вышла замуж. Поддержав ее после смерти мужа,

пес стал помехой на пути к новому счастью. Кейт Де Ланд не захотела рисковать и отдала Рашмора группе спасателей, занимавшейся немецкими овчарками. Теперь он живет в новой семье неподалеку от Нью-Платц, в Нью-Йорке. Кейт уверена, что с ним все в порядке, впрочем, она не интересовалась.

Сандра Робинсон продолжает борьбу за жизнь. Отношения с программистом из Морристауна у нее не сложились, — на ее взгляд, он оказался слишком беспомощным. Конечно, она всегда мечтала стать хорошей матерью, но не для взрослого мужчины. Теперь, когда

она осознала масштабы своих эмоциональных проблем, истоки депрессии, одиночества, болезненных воспоминаний, борьба продолжается с переменным успехом. Но у нее появились новые друзья, и она чаще выходит из дома. Элли была для нее якорем, за который она уцепилась в трудную минуту.

— Она помогла мне выжить, — считает Сандра.

Впрочем, у них не все гладко. Сандра сказала, что их отношения с Элли достигли той точки, когда она стала ощущать некоторый дискомфорт. Элли стала слишком

требовательной и капризной. Приходится постоянно уделять ей внимание — играть в мяч или в другие игры. У Сандры почти не остается свободного времени, она не успевает ни почитать, ни посидеть за компьютером, ни посмотреть очередную серию «Клана Сопрано».

Но этим проблема не исчерпывалась: Элли, давно приученная к чистоплотности, начала мочиться дома — на ковер и даже на кровать. Сандра решила, что Элли делает это в отместку за то, что не получает должного внимания.

Сандра пытается оправиться от жизненного кризиса, встречается с

людьми, ищет работу. Ей хочется, чтобы собака понимала ее и вела себя соответствующим образом.

Я попытался предостеречь Сандру. Никто, даже любящая хозяйка, не согласится бесконечно терпеть нечистоплотную собаку, — тем более, если считает, что собака так поступает назло. Назревала опасная ситуация — нередко люди, столкнувшиеся с подобными проблемами, избавляются от собаки или отправляют ее в приют.

Элли, над которой в течение долгих месяцев причитали и сюсюкали практически ежеминутно, внезапно превратилась в источник

неприятностей. И так же внезапно любовь Элли перестала казаться Сандре бескорыстной и совершенной. Теперь Сандра считала собаку злобным и неблагодарным созданием.

Сандра все больше видела в Элли человека — по многим причинам, главной из которых была нереализованная мечта о материнстве. В результате шпиц приобрел над ней определенную власть. Если Сандра выходила из дома, то потому, что Элли вынуждала ее к этому. Если Сандра прерывала работу, то потому что Элли хотела играть, а она не могла отказать ей.

Если она знакомилась с кем-нибудь на улице, то тоже благодаря Элли.

Постепенно она начала приписывать собаке, в которой видела преданного друга, — как раз о таком и писала психоаналитик Дороти Берлингхэм, — все более сложные мысли и побуждения.

Во время наших разговоров с Сандрой меня преследовал созданный Дороти образ ранимого, обиженного ребенка, лелеющего мечту о верном друге. Такой друг из мира животных является неизменным персонажем литературы и кино, начиная с «Маленького Лорда Фаунтлероя» и заканчивая

Лесси и героями Диснея. В отношении Сандры к собаке отражалась мечта «ребенка, не расстающегося со своим воображаемым другом и потому никогда не страдающего от недостатка общения... Такие друзья делятся друг с другом всем на свете; они могут обходиться без слов, а если разговаривают, то на своем, секретном языке; понимание между ними происходит за границами сознания».

Проблемы, связанные с поведением собаки, и отношение к ним Сандры вызывали у меня противоречивые чувства. Я отдавал

должное сложной работе, которую — как полагала Сандра — проделала для нее эта маленькая собачка, и сожалел о том, что Сандра в ней так нуждалась. Ни одна собака на свете не смогла бы столь долго оправдывать подобные ожидания.

В своей книге «В компании с животными» Джеймс Серпелл пишет о современной тенденции очернять некоторые аспекты общения с животными. Хотя любовь к животному приветствуется, — об этом можно судить хотя бы по средствам массовой информации, — тем не менее, слишком сильные чувства к собаке или кошке

(характерные скорее для женщин, чем для мужчин) чуть ли не ставят на человека клеймо асоциальности. Однако, по мнению Серпелла, нет никаких доказательств в пользу того, будто подобные любители животных испытывают больше затруднений в общении с людьми, чем все остальные.

Несмотря на то, что интенсивность взаимоотношений Сандры и ее собаки иногда внушали мне тревогу, я неизменно восхищался храбростью и решительностью Сандры, ее стремлением приблизиться — пусть и постепенно — к пониманию элементарной

истины: собаки — не люди. Я не сомневаюсь, что у них с Элли есть шанс.

Как и предсказывала Рейчел Голднер, «Клуб разведенных собачниц» распался, когда его члены постепенно оправились от психологической травмы, полученной в результате развода, и взялись за кропотливую работу по восстановлению своей жизни. Судьба улыбнулась и некоторым собакам из их группы, они получили награду за свою преданность. Честер сдружился с новым избранником Дженис. Тот играл с лабрадором в мяч и фрисби, по выходным брал его с собой на

загородные вылазки, приносил ему кости от мясника и даже купил за 85 долларов подстилку, набитую кедровыми опилками и украшенную его инициалами ЛЧ, вышитыми готическим шрифтом.

— Иногда, — как заключила Дженис, — везет и хорошим ребятам.

У Гасты тоже все сложилось вполне благополучно, он даже обзавелся подружкой — еще одним спасенным грейхаундом.

Сварливая мопсика Авива вместе с Рейчел переехала в роскошный кондоминиум в соседнем Вест-Орандже. Рейчел было невыносимо больно расставаться с

домом, который она проектировала сама и все еще обожала, но она бодро рассуждала о том, как выстроит свою новую жизнь. Разумеется, она уже не сможет гулять по лесным тропинкам в Миллзе, но они с Авивой и не особенно в этом нуждаются. В распоряжении кондоминиума имеется чуть ли не тридцать гектаров земли — более чем достаточно для маленького мопса. И все же порой Рейчел грустила и упрямо отказывалась верить в то, что они с Авивой проведут остаток своих дней в новом доме, хотя она успела оборудовать его со вкусом и любовью.

— Я надеюсь, что собака умрет раньше меня, — сказала мне Рейчел. — Иначе это событие станет для нее настоящей трагедией.

Кэролин не поддерживала контактов с остальными членами Клуба, но я без труда нашел ее в Бруклине, где она по-прежнему трудилась на ниве журналистики. Переезд Шарптона к ее сестре не обошелся без неприятностей: местные собаки встретили его довольно агрессивно, и ему пришлось переселиться к другим хозяевам. Кэролин не получала о нем никаких известий, но была уверена, что все в порядке.

— Честно говоря, в противном случае я предпочла бы ничего не знать — мне было бы слишком тяжело пережить плохое известие.

Может быть, она все еще чувствовала себя его хозяйкой? Я спросил. Оказалось — нет.

— Я хорошо к нему относилась. Надеюсь, у него все благополучно. Но ведь он — собака.

Даже после распада Клуба его члены продолжали считать, что именно от своих собак получили необходимую поддержку в трудную минуту. На мой взгляд, большинство из них и без собаки имели все шансы снова обрести почву под ногами, но

сами женщины придерживались другого мнения.

Бетти Джин по-прежнему руководит группой спасателей и работает на пределе человеческих возможностей; она периодически проходит обследование по поводу болей в желудке и по-прежнему пару раз в неделю ездит в Бруклин. Бетти все еще надеется накопить 20 000 долларов, бросить работу в офисе и посвятить все свое время спасению собак.

Впрочем, кое-какие перемены все же произошли: ее дочь поняла, что настало время сменить стратегию:

— Дело не в том, что она нас не любит. Она просто всецело посвятила себя своему призванию. Если мы хотим наладить отношения, — а я очень этого хочу, — нам придется играть по ее правилам.

Два раза в неделю она стала приводить к матери своих подросших детей. Ребята помогают Бетти чистить вольеры, выводить во двор мелких собак и играют с щенками.

— Им нравится приходить сюда, да и мать довольна, что видится с внуками.

Откровенно говоря, я не представляю более полезного

занятия для детей. Это единственное, что может оторвать их от компьютера.

Юридическая фирма, где работает Роб Кочран, стала жертвой нестабильной экономики, поэтому рабочий день у него сократился, в результате он стал больше гулять с Чероки, отправляясь в настоящие походы и открывая новые места. Но по-прежнему отказывается регулярно использовать лакомство как поощрение в дрессировке или обучать собаку более формальными методами — и в том и в другом случае ему кажется, что он идет на уступки. Роб не прекращает попыток

обуздать норовистого лабрадора. Впрочем, начав применять лакомство, он добился кое-каких успехов: когда Чероки рвется с тротуара, Роб бросает на землю шарики сухого корма, обучая собаку команде «тихо», — чтобы во время прогулок Чероки держался подальше от автомобилей. Заметив приближающегося прохожего, Роб крошит на землю бисквит, чтобы отвлечь внимание пса.

Роб не мог остаться равнодушным к тому, что стал хозяином невоспитанной собаки, однако, учитывая его прошлое, не мог смириться и с необходимостью учить

ее дисциплине. Даже убедившись в том, что прием с кормом работает, он посчитал, что пользоваться им — все равно, что признать собственное поражение.

— Собака должна делать это ради меня, — уверен он.

Он продолжал думать о том, почему собака может стать «больше чем другом». А я уже догадался. В Робе и Чероки воплотились самые счастливые и грустные обстоятельства человеческой жизни: их безграничное одиночество — в кругу семьи тоже — отсутствие настоящих друзей, неспособность к откровенному разговору даже с

близкими любящими людьми и при этом верность, честность и стойкость. Я был рад тому, что Роб и Чероки нашли друг друга — ведь в каком-то смысле у обоих больше никого не было.

Донна так и не успела построить свою ферму и пожить там с Гарри, ушастым корги. Но она смирилась с тем, что судьба распоряжается жизнью и рушит все планы, и от этого не спасет даже любовь верной собаки.

Ее болезнь прогрессировала, боли и слабость усилились, и к середине зимы она уже не вставала с постели; ей стали делать

внутривенные инъекции морфия, поскольку другие болеутоляющие препараты перестали помогать. Она решила, что для Гарри будет лучше, если он переедет к Джоан раньше, чем они планировали.

Донна чувствовала, что не сможет больше ухаживать за ним. Ей постоянно вводили лекарства, в квартире непрерывно сменялись сиделки и сотрудники хосписа, и она слишком ослабла, чтобы водить Гарри на прогулки или играть с ним.

— Разве это жизнь для собаки! К тому же мне невыносимо думать о том, что нам придется прощаться.

Еще один день, и я просто не выдержу.

Поэтому Джоан упаковала имущество Гарри — подстилку, любимые игрушки и косточки, корм и витамины, а также документы, ветеринарную карту и фотографии, запечатлевшие его пастушьи достижения. Донна выписала чек на 8000 долларов — это была так называемая пожизненная пенсия для Гарри. Джоан не хотела брать деньги, но Донна была непреклонна.

Вечером, когда наступил момент отъезда, Гарри словно почувствовал что-то неладное. Он тревожно переводил взгляд с Донны на Джоан,

пока она складывала у двери его пожитки. Донна подозвала его к своей кровати и обняла на прощание, а он раз пять вылизал ей все лицо. Она в последний раз сфотографировала его, а затем, заливаясь слезами, жестом показала Джоан, чтобы та увела собаку. Джоан надела на ушастого корги ошейник, и они вышли за дверь.

На прощание Донна написала для Гарри песенку на мотив «Счастливые деньки еще вернутся», но спеть ее уже не могла, поэтому текст первого куплета я получил по электронной почте:

Счастливые
деньки вернутся
Мы с Гарри
снова
встретимся
И будем
гонять овец и
есть лакомства.
Счастливые
деньки
вернутся...

Джоан пообещала, что найдет подходящий момент и сама споет ее для Гарри. Когда она тянула Гарри к двери, он все время оборачивался и, прижав свои огромные уши, не сводил с Донны выразительных глаз.

Но непослушание не входило в его привычки, поэтому он подчинился и, выйдя на улицу, сел в машину Джоан.

Донна уткнулась в подушку, чтобы не расстраивать его своими рыданиями. Садясь за руль, Джоан посмотрела на ее окна — во всей квартире было темно.

Прошло несколько недель, Джоан сообщила, что с Гарри все в порядке. В первые дни после переезда он плохо ел, беспокоился, ходил из угла в угол. Со временем к нему вернулся аппетит, он даже начал грызть специальные собачьи лакомства. Джоан удалось его приручить, и теперь он спал на ее

кровати и смотрел телевизор, сидя у нее на коленях и поедая кусочки мяса, свое любимое лакомство. Он подружился с двумя дворнягами, жившими по соседству, и регулярно принимал приглашения поиграть в их огороженном дворе. Уходя на работу, Джоан вставляла в видеоплеер кассету с фильмом о пастухах. Она сказала, что он смотрит ее, не отрываясь.

Дрессировщики и специалисты по собакам знают об их способности адаптироваться. Люди мучительно расстаются с теми, кого любят, и уверены, что собаки испытывают такие же чувства. Однако память и

восприятие времени у собак отличаются от наших. Окунувшись в новые впечатления — обстановку, запахи и занятия — они привыкают. И забывают. Психолог Джон Арчер утверждает, что собаки являются одним из видов, обладающих самой высокой приспособляемостью и запасом прочности.

Собаки, безусловно, могут работать в новых условиях или любить новых хозяев. Преданность Гарри была бесспорной. Однако его «предательство» демонстрирует важную особенность собак, хотя мы и неохотно признаем ее: они

отличаются от нас. Они не такие, как мы.

Джоан и Донна договорились, что не будут говорить о Гарри, разве что возникнут проблемы, но Джоан не сдержала слова.

Порой, когда она брала поводок, пес приходил в особенное возбуждение, — вероятно, надеялся увидеть Донну. Но в целом, он чувствовал себя прекрасно.

Как ни тяжело было Донне сознавать, что всего лишь несколько миль отделяют ее от Гарри, она выслушала новость с явным облегчением.

— Когда-то я была знакома с женщиной, которая распорядилась, чтобы ее бульдога усыпили, когда она умрет, — сказала мне Донна. — Мне отвратительна сама мысль о таком эгоизме. Гарри — чудесная собака, и впереди у него еще много счастливых дней. Неужели я буду возражать против этого? Достаточно вспомнить, сколько счастья он мне подарил.

Руди — палевый лабрадор — по-прежнему проводит большую часть дня на заднем дворе, обнесенном для безопасности забором из деревянных кольев с заостренными концами, слишком высоким, чтобы его можно

было перепрыгнуть. По выходным его для разнообразия привязывают на несколько часов к гигантскому тополи, растущему у парадного входа. Впрочем, соседи редко видят его. Зато они постоянно видят Кеоса — бельгийскую овчарку Дианы Уиндшип — когда он с достоинством прогуливается по улицам со своей хозяйкой. Почти все дети, почтальоны и сотрудники службы доставки носят в карманах печенье для него.

Том и Пенни — экстравагантная и счастливая пара — по-прежнему вместе. Пошатнувшееся здоровье Тома чудесным образом пошло на

поправку, и я больше не слышал, чтобы он упоминал об операции. Более того, сделав своеобразную заявку на будущее, Том истратил почти все свои сбережения на ограду из сетки, которую установил по периметру заднего двора, даже не поставив в известность своего домовладельца. Ему хотелось, чтобы Пенни могла погреться на солнышке, пока он на работе. Ограда обошлась ему в 1300 долларов. Это единственная крупная трата денег, которую он позволил себе за долгие годы, — не считая старенького автомобиля.

— Почему-то мне казалось, что я обязан сделать это для нее, — признался он. — Черт возьми, иначе мои денежки достанутся какой-нибудь богадельне.

Оставаясь во дворе одна, Пенни усаживалась у ворот и ни на шаг не отходила со своего поста. Отсюда ей было хорошо видно улицу, по которой проезжали велосипеды, скейтборды и школьные автобусы, проходили пешеходы и собаки, которых она могла облаивать.

В погожие вечера они выходили посидеть на крыльце, и Пенни охраняла хозяина, неустанно отражая нападение воображаемых

злоумышленников. В холодные дождливые дни, глядя на освещенное окно их комнаты, я с удовольствием представлял, как им уютно сидеть у телевизора вдвоем. Впрочем, телевизор не мешал Пенни лаять на прохожих. Время от времени на улицу долетали нотации Тома:

— Ну, перестань, хватит, девочка, будь умницей.

Осенью Джамала приняли в баскетбольную команду средней школы (для ребят постарше), что было для него серьезным достижением. Команда собиралась попасть в финал чемпионата, тренер требовал дисциплины и усердной

работы, хороших результатов и
непременного присутствия на
тренировках после уроков и в
выходные дни.

Между Джамалом и Алисией
состоялся серьезный разговор. Они
согласились, что Дри нужно
подыскать других хозяев. Но Джамал
не мог решиться попрощаться со
своей собакой, поэтому Алисии
пришлось взять эту миссию на себя.
Она ужасно перенервничала, пока
вывела Дри из комнаты и, как они
договорились, отвела его в местный
приют для животных.

Он пробыл там несколько
недель. Администрация приюта

честно призналась, что у него почти нет шансов найти себе новых хозяев. Питбулей редко забирают из приютов из-за плохой репутации этой породы и проблем со страховкой.

Я позвонил Бетти Джин, и она согласилась оказать мне любезность. Дри она нашла «миленьким», не обнаружила признаков каких-либо заболеваний, пес не нуждался в медицинской помощи. По ее мнению, будущего хозяина нужно искать среди одиноких людей — мужчин или женщин, предпочтительно без детей. Бетти пообещала найти для Дри новый

дом. А пока будут идти поиски, ему придется сменить свои музыкальные пристрастия.

Что же касается Джамала, игра в составе команды принесла ему желанный авторитет, новых друзей и перспективные отношения с тренером, который, как и учитель английского языка, ратовал за его поступление в колледж. Алисия надеялась, что сын без потерь преодолеет трудный, потенциально опасный период взросления, и была благодарна за помощь, которую оказал ему Дри. Джамал не любил распространяться о своих проблемах. Наверное, он скучал без Дри, но

никогда не заговаривал об этом. Алисия сказала, что он вообще ни разу не упомянул о нем.

Миссис Джиаматти по-прежнему живет одна в своей квартире на Уоллнат-стрит, она ждет, когда ее дочери прилетят домой на Рождество, и они втроем подберут для нее какой-нибудь пансионат, непременно под патронатом католической церкви. Анжела планировала переехать туда следующей весной.

— Надеюсь, это будет последний переезд в моей жизни, — вздохнула она. В целом, миссис Джиаматти не жаловалась на

здоровье, хотя ходить становилось все тяжелее.

Прах Трикси она хранила в картонной коробке, стоявшей на каминной полке. Миссис Джиаматти тосковала по своей собаке.

— Я то и дело протягиваю руку, чтобы погладить ее. Но ее больше нет.

В наши дни перед собаками стоит такое множество задач, что от их разнообразия захватывает дух: они участвуют в поисковых и спасательных работах, помогают слепым, охраняют имущество, ищут бомбы и наркотики, утешают стариков, инвалидов, одиноких

людей и тех, кто потерял близких. Психотерапевты-энтузиасты включают собаку в список лекарств для наркоманов и алкоголиков, а также рекомендуют общение с ними как вспомогательное средство на период реабилитации. Собаки все чаще принимают участие в судьбе детей, переживших эмоциональные потрясения.

Разумеется, все не так уж безоблачно: судьба этих животных складывается по-разному, результаты их работы трудно оценить, к тому же они часто остаются без вознаграждения.

В собранных мною книгах, повествующих о взаимоотношениях человека с собакой, — а их на моем столе целая стопка — едва ли найдется ответ на вопрос, пошло ли собаке на пользу ее новое амплуа. Хотя в некоторых из них содержится предположение, что, ограничив нашим собакам свободу передвижения, мы невольно вынудили их поглупеть.

Понимаю, что попытка выступить в интересах другого вида, не обладающего речью и мышлением — в общепринятом смысле этого слова, — может показаться самонадеянной. Однако мне хотелось

бы взглянуть на новую собачью работу с точки зрения перспективы.

В своей замечательной книге «Двое в стае», посвященной дружбе со щенком по кличке Люсиль, Кэролин Напп пишет: «В наши дни владельцы собак — и я в том числе — поддерживают со своими питомцами самые тесные эмоциональные отношения; мы стали лучше понимать их, не в последнюю очередь благодаря колоссальному объему информации о природе собаки, ее наследственных чертах, генетике и мышлении. Трудно представить, чтобы мой дедушка посвящал свой досуг

чтению собачьих чатов и сайтов в интернете или участвовал в ветеринарных конференциях «онлайн».

Тем не менее, мои прогулки по Догвиллю, США, подтолкнули меня к другому, далеко не радостному выводу о новой роли собаки. Вероятно, такие владельцы собак, как Напп (и я сам), живут в тесном эмоциональном контакте со своими питомцами потому, что мы нуждаемся в общении с ними больше, чем наши деды и прадеды. Наверное, мы чувствуем себя более одинокими, более слабыми и уязвимыми, оторванными от других

людей. Видимо, многие из нас терпеть не могут свою работу и не уважают людей, из-за которых нам так неуютно на службе. Семьи распадаются, друзья предаются... Все чаще и чаще мы обращаемся к собаке, когда нуждаемся в любви, стремимся заполнить пустоту или стоим перед лицом смерти.

Почему бы и нет? Собаки — верные, любящие существа. Мы часто боимся, что люди не захотят или не смогут помочь нам, если мы потеряем работу, окажемся в одиночестве, заболеем или состаримся. Собаки же, по крайней мере, постараются.

Не могу сказать, что разделяю мнение Напп о том, что мы стали лучше понимать собак.

В наше время собаки, как никогда, ограничены регламентом, взяты под контроль и отделены от людей, чем, кстати, и объясняется ажиотаж, который вызывают выступления Кэролин Уилки. Снова и снова во время своих прогулок по Монтклеру я удивлялся тому, как мало люди знают о своих собаках.

Если бы мы действительно понимали собак, разве мы стали бы приписывать им обширный и сложный спектр чувств, свойственных исключительно

человеку? Видеть в них людей, тогда как они ими не являются? Приобретали бы крупных и активных собак рабочих пород для тесных квартир или домов, выходящих на оживленное шоссе? Разве мы ленились бы с ними заниматься? Бить и бросать на верную гибель? Запрещали бы им практически все, что для них естественно и необходимо, не давали бы им гулять и обнюхивать то, что им нравится, выяснять отношения с другими собаками или гоняться за белками?

Возможно, участь собак всегда сводилась к тому, чтобы служить нам и отходить в тень после выполнения

своей задачи (наверное, многие замечали, что порой мы точно того же требуем от людей). Вероятно, это и есть плата за кров, и заботу, которые мы предоставляем, итог естественного эволюционного процесса, начавшегося в тот момент, когда собаки противопоставили себя представителям дикой природы и взяли под защиту своих хозяев.

Мне не дает покоя мысль о том, что мы можем изменить саму природу животного, чтобы подогнать ее под наши потребности, исходя из высокомерной идеи, будто целый вид, стоящий ниже нас на ступенях эволюции, существует единственно

для того, чтобы протянуть нам руку помощи, когда мы в ней нуждаемся, а потом, когда эта нужда отпадет, быть выброшенным как ненужный балласт. Причем в нашем обществе именно такая судьба постигает множество собак.

Мне не дает покоя также мысль о том, насколько эффективной показалась новая работа собаки тем представителям человеческого рода, которые нуждались в ней. Удалось ли им получить желаемое? Удалась ли их собакам роль суррогатного человека?

В своей книге Напп рассуждает о том, что «человек не может жить

одной только собакой». Она пишет: Собака помогла мне избавиться от ненужных отношений. Но помогла ли она завязать нужные? Или я видела в ней в некотором смысле альтернативу интимной дружбе взрослых, менее сложный и не требующий усилий способ жить рядом с другим существом? Где проходит грань между самосохранением и самоограничением?»

Я и сам задумывался над этими вопросами во время своих походов по стране чувств — человеческих и собачьих.

Я задавал себе эти вопросы, наблюдая за Сандрой, отказавшейся от надежды найти подходящего партнера, стать любящей матерью и обратившей свою любовь на крошечную собачку, которую она сделала своим другом. И за Донной, посвятившей последние дни своей жизни лопухому корги. Я думал об этом, вспоминая Джамала и его дружбу с Дри, придававшую ему уверенность в себе и ощущение своей значимости. И с грустью представлял, как миссис Джияматти вдали от любящих дочерей сидит у окна одна-одинешенька, без верной Трикси.

Прогуливаясь по Догвиллю, я поражался тому, что никто не создал для людей организации под руководством какой-нибудь Бетти Джин. Почему не существует сайта с фотографиями одиноких людей, брошенных стариков, разведенных или овдовевших женщин, умственно неполноценных детей, чтобы к ним могли примчаться верные спасатели? Почему для людей не создают специальных поселений, чтобы выхаживать их, пока к ним не вернется физическое и душевное здоровье. А уж потом они сами заживут новой счастливой жизнью, полной любви?

Может быть, давно пора организовать группы скорой помощи для одиноких людей, которые помогут облегчить разлуку с уехавшими детьми или умершими супругами, залечить травмы, полученные в годы несчастливого детства, сделать жизнь наполненной и более радостной? Спасатели могли бы подобрать им новых партнеров, проверить новых друзей, убедиться в их порядочности, взять на контроль новые дома своих подопечных и проследить, чтобы за ними ухаживали как следует. Они были бы всегда под рукой, их можно было бы вызывать днем и ночью, без

выходных, и если что-нибудь случится, если новый дом не подойдет, спасатели повторили бы все с самого начала, строя новую жизнь для забытых и брошенных людей во всем мире.

Нужно отдать собакам должное: они выполняют тяжелую и иногда неблагодарную работу. Этот факт вполне определенным образом характеризует нас самих, нашу жизнь, страну и мир, хотя едва ли интересует средства массовой информации или дорогие зоомагазины.

Исследования в области новой роли собак могут служить тому

лишним подтверждением. Я все время напоминал себе о том, какое множество людей — в Монтклере и других городах — живет полной, счастливой жизнью рядом со своими собаками, которые просто бродят по улицам, играют с детьми, косят глазом на помойки и не участвуют в решении проблем, возникающих у их хозяев. Однако если посмотреть на собаку как на зеркало, в котором отражается вся Америка, — а мне такой подход представляется верным — перед нами откроется неприглядная изнанка нашей все более одинокой жизни. Этот факт не умаляет важности новых задач,

стоящих перед нашими собаками, — совсем наоборот. Иногда хочется поблагодарить Создателя за то, что он подарил нам собаку.

Мы можем осыпать наших собак дождем лакомств, игрушек и песен, устраивать им дни рождения и целовать в нос, но за всем этим стоит чувство вины. Мы пользуемся их любовью и никогда не платим сполна, хотя ищем у них защиты и ждем бескорыстной преданности.

Впрочем, дело не только в собаках, — люди не должны забывать и о собственном благополучии. В 1984 году в сборнике «Взаимодействие с домашним

животным: влияние на здоровье человека и качество жизни» психоаналитик Леонард Саймон опубликовал статью: «В западн: негативное влияние домашнего питомца на семью и личность». Саймон беседовал с сотнями людей об их питомцах и убедился в том, что наличие домашнего животного помогает людям выжить в ситуациях, которые в противном случае могли бы разрушить их личность, — например, иногда собака становится для ребенка источником любви, которой его лишили родители.

Однако такие отношения не всегда благотворны. Саймон пришел

к выводу, что в некоторых случаях жизнь индивида могла бы развиваться по другой модели, нередко более предпочтительной, не заведи он собаку или кошку. «Слишком уж часто я слышал о потерянных годах и бесцветном существовании, поскольку почти вся деятельность человека была направлена на его любимца. Я слышал о разводах, которых вполне можно было избежать, о событиях, которых пришлось дожидаться годами и реализовавшихся только после смерти животного. Я слышал о детях, которые могли бы родиться, если бы у их родителей не было

четвероногого друга; о детях, пострадавших от укусов собак, что ясно свидетельствовало об агрессивности последних, и тем не менее хозяева не находили в себе сил расстаться с ними».

Подводя итог своему исследованию, Саймон утверждает, что решение завести животное может быть чревато непрогнозируемыми последствиями. Это отличает такое решение от множества других, которые каждый вынужден принимать; в данном случае человек не представляет (да и не может представить), какими изменениями в жизни оно обернется.

Предостережение Саймона

показалось мне особенно верным, когда я закончил работу над данной книгой и, оглянувшись назад, вспомнил всех, с кем познакомился — людей и собак. Решение завести собаку кажется таким невинным по сравнению, например, с решением вступить в брак или родить ребенка. Возможно, именно по этой причине люди относятся к нему достаточно легкомысленно. Тем не менее, психологические последствия такого поступка не всегда предсказуемы.

Эти рассуждения возвращают нас в дебри теории привязанности, позволяющей многое прояснить.

С моей точки зрения, в том, что касается собак, теория привязанности выходит за рамки собственно теории и приобретает практическое значение, поскольку помогает прояснить природу взаимоотношений между нашими видами. Мы получаем возможность, наконец, осознать определяющее значение раннего эмоционального опыта и понимаем, что общение с животными объясняется нашей неудовлетворенной потребностью в любви и защищенности, а следовательно, на основе полученных знаний можем строить более реалистичные и полноценные

отношения со своими собаками.

Знание основ теории поможет людям принимать правильные решения по таким вопросам, как стоит ли им заводить собаку или пора от нее избавиться. Для специалистов, работающих с собаками — в приютах, питомниках, отрядах спасения, — она может стать необходимым инструментом, который позволит им лучше подбирать конкретного хозяина для конкретной собаки.

Она станет компасом в море поведенческих проблем, с которыми неизбежно сталкиваются собаководы, научит их быть

терпеливыми, умелыми
дрессировщиками. Даст советы
инструкторам, как обходить
подводные камни в процессе
обучения хозяев воспитанию их
собак.

Когда с умом выбранная собака
общается с разумным хозяином,
между ними устанавливаются
разумные и искренние отношения,
собака чувствует себя в
безопасности, она счастлива,
спокойна и лучше себя ведет.
Человек, знакомый с теорией
привязанности, понимает, что конура
не является орудием пытки, что
дорогие игрушки и печенье

необходимы людям, а не собакам, а поводок для агрессивной собаки служит основным залогом благополучия и безопасности — как для самой собаки, так и для окружающих.

Теория может пролить свет на явление, распространяющееся со скоростью эпидемии: все чаще хозяева выбрасывают своих собак на улицу. Тот факт, что в приюты ежегодно поступает около 10 миллионов собак, из которых около половины подвергается уничтожению, однозначно свидетельствует о том, что с нами что-то не так.

В теорией привязанности стоит руководствоваться в тех случаях, когда мы сталкиваемся с необходимостью принять самое ужасное для каждого хозяина решение, — я говорю о необходимости усыпить животное. Часто мы не в силах расстаться с нашими собаками, даже если они испытывают страдания или обречены на неизбежное ухудшение качества жизни, или находятся в коме, — и в этих случаях, увы, мы заботимся о собственных интересах, а вовсе не об интересах собак.

Возможно, только разобравшись в собственных эмоциях, мы научимся

понимать наших собак и видеть в них то, что они представляют собой в действительности, а не то, что нам хотелось бы видеть. Осознав, что именно связывает нас с нашими собаками, мы научимся полноценно любить их и в полной мере принимать ответную любовь; более того: мы научимся видеть в собаках именно собак и относиться к ним соответствующим образом, а не воспринимать их как — приведу выражение одной дамы из Монтклера — «мохнатых детишек».

В некотором смысле новая роль собаки объясняется потребностью американцев в серьезных, крепких

отношениях, часто невозможных в условиях современной жизни.

Наблюдая за хозяевами и их собаками, я вновь убедился, что в каждом случае мы имеем дело с уникальными отношениями, неповторимыми, как отпечатки пальцев. Становление этих отношений определяется множеством факторов, в том числе личностными качествами, образованием и прошлым опытом хозяина. Никакая теория не в состоянии исчерпывающе объяснить каждый конкретный случай.

Джеймс Серпелл, сотрудник
Ветеринарного колледжа

Пенсильванского университета, провел целый ряд исследований, посвященных поведению животных в свете теории привязанности. Выяснив, какие ожидания люди связывают со своими питомцами, Серпелл создал образ «идеальной» собаки. Оказалось, что большинство хозяев хотело бы, чтобы их собака была жизнерадостной, спокойно вела себя в незнакомой обстановке, питала к хозяину самые нежные чувства, умела себя вести и была послушной; при этом она должна быть активной и энергичной, дружелюбной, в том числе к посторонним, — не говоря уже об

уме и чистоплотности. Кроме того, собака должна уметь мириться с одиночеством и не допускать проявлений агрессивности.

Именно такой видят хозяева «идеальную» собаку, то есть собаку, которая ведет себя как хорошо воспитанный человек. «Настоящие» собаки — то есть те, что ведут себя именно как собаки, — не вызывают у хозяев столь горячей любви.

Исследование Серпелла позволяет разобраться в сложном и часто уязвимом положении собак в современной Америке. Пока они соответствуют нашими завышенным ожиданиям, — то есть, любят нас

бескорыстно и не угрожают нам и нашим друзьям, — мы готовы любить их в ответ. Другое дело, если они не выполняют этих требований. Но это все равно, что сказать своему ребенку: «Я буду любить тебя и заботиться о тебе, пока ты чисто вымыт, приветлив, воспитан, хорошо учишься и забиваешь голы футбольных матчах. Но если ты будешь себя плохо вести и создавать нам проблемы, мы отдадим тебя в другую семью».

Серпелл приводит данные опроса, проведенного в 1984 году среди людей, сдавших собак в приюты. «Поведенческие проблемы»

стоят на втором месте среди причин, которые приводят владельцы, решившие расстаться со своими подопечными.

Это может показаться нелепым, особенно с учетом того факта, что владельцы чрезвычайно редко обращаются к услугам профессионального дрессировщика — в соответствии с данными одной ветеринарной ассоциации, количество таких людей составляет менее 5 процентов от общего числа собаководов. Люди хотят, чтобы их собаки вели себя «идеально», но не желают тратить время и деньги (разумеется, они могут обучать своих

собак самостоятельно и совершенно бесплатно) на то, чтобы научить их себя вести.

Мы должны все-таки осознать меру собственной ответственности и не забывать о том, что собаки отличаются от людей, а между нашим и их собственным представлением о благополучии огромная пропасть. Любая беспечность грозит бедой, — и собакам, и самим хозяевам, и их ближайшему окружению.

Прогуливаясь по Монтклеру, я замечал, как быстро растет пугающий арсенал средств, с помощью которых человек пытается

приблизить собак к созданному им идеалу. Чего здесь только нет — от удавок и строгих ошейников до электрошокеров, электрической изгороди и приспособлений, разбрызгивающих вонючие химикалии в глаза, когда собака начинает лаять. Представители зооиндустрии, очевидно, предполагают, что большинство людей не хочет или не умеет воспитывать своих собак, но экономить на подобных средствах не станет.

Никто не удивится, увидев человека, который криком кричит на свою собаку, бесконечно повторяет

одну и ту же команду, дергает за поводок. Такие напряженные моменты, возникающие даже у любящих хозяев, нередко оставляют горький осадок. Однако в этих случаях достаточно вспомнить известную истину: собаки не похожи на нас. Они не похожи на наших детей. Их мозг устроен по-другому.

Они не являются членами нашей семьи в буквальном смысле этого слова. Они — животные, хотя порой и становятся смыслом нашей жизни. Мы будем правы, сравнивая их с Луной, а не с Солнцем: это они вращаются вокруг нас, а не наоборот.

Собаки обладают массой достоинств, но особых, отличных от наших. Забывая об этом, о тех сложных чувствах и опыте, которые человек привносит в отношения с питомцем, мы обрекаем и себя и собак на серьезные неприятности.

Едва ли можно рассчитывать на то, что американцы согласятся поддержать дебаты, посвященные собачьим вопросам. В наши дни перед национальной политикой стоят куда более важные задачи. Единственное, что нам остается — завести себе хотя бы одну собаку, чтобы как можно больше узнать о ней и о себе, о наших побуждениях и

потребностях, чтобы сделать все возможное для этой единственной собаки.

В Догвилле я понял, что мы относимся к нашим собакам точно так же, как в свое время другие относились к нам самим. Мы переносим на них свои самые сокровенные чувства, стремления, все наши страхи, неуверенность в себе, желание подчинить себе любимое существо. Наш опыт сосуществования строится на всем хорошем и плохом, что скрыто в тайниках нашей души, и эти отношения выявляют хорошее и плохое в нас самих.

Через три дня после окончания Шотландского фестиваля мы с Гомером и Девонем, как и обещали, прибыли на окраину Истона, штат Пенсильвания. Целью нашего путешествия был небольшой двухэтажный деревянный дом, в котором жили обучающиеся в местной школе дети-инвалиды.

В разное время здесь проживало от шести до двенадцати детей, водитель, медицинский персонал. Периодически их навещал опытный социальный работник. Учителя, жившие отдельно, уезжали после окончания рабочего дня. Такая организация дела позволяла

обитателям этого дома не чувствовать себя пациентами больницы — они могли свободно выходить, делать покупки в магазинах и иногда подрабатывать в общине.

Дом выглядел обжитым, зато окружающий пейзаж производил гнетущее впечатление, — вокруг простирались заброшенные пустыри, по соседству располагалось несколько обшарпанных магазинчиков и какая-то фабрика.

В этом доме и жил Джои. Родители были вынуждены поместить его сюда, поскольку он подрос и стал слишком силен, чтобы

они могли справиться с ним собственными силами. Сюда он вернулся после знакомства с Девонем.

Я захватил с собой и Гомера. Откровенно говоря, я всегда считал его более общительным, с ним не приходилось опасаться неожиданностей при встречах с детьми и посторонними, — он проявлял неизменное дружелюбие по отношению к любому живому существу за исключением овец.

В ожидании нашего приезда Чарлин собрала целую кипу рисунков и поделок Джои — все они были посвящены Девону. Она

сказала, что знакомство с собакой оказало на мальчика самый неожиданный эффект, вызвав у него невиданное желание общения, вылившееся в поток рисунков и сочинений. Раньше с ним не случалось ничего подобного. Она позвонила его родителям и поделилась с ними этой новостью. Они тоже очень разволновались и выразили надежду на то, что эта встреча не станет последней и Девон сможет регулярно навещать Джои. Разумеется, никто из нас не был уверен в успехе. Впрочем, что может порадовать истинного собаководда

больше, чем возможность помочь такому ребенку, как Джои?

Джои ждал нас во дворе. Следуя за Чарлин, мы прошли через дом, наткнувшись по дороге на группу воспитанников, которые при виде собаки тотчас же принялись кричать и хлопать в ладоши. Гомер в ужасе прижал уши.

Нужно было успокоить его и уговорить не обращать внимания на шум и крики, но, разумеется, не в такой обстановке. Поэтому мы вернулись к моему грузовику, и я посадил Гомера на заднее сиденье, а сам вернулся обратно вместе с

Девонем. Шум нервировал и его, но не так сильно, как Гомера.

Джои, которого предупредили о нашем приезде, был одет точно так же, как в день нашего знакомства (минус бейсболка) и держал в руках кружку-непроливайку — обычно из таких поят младенцев. При виде Девона он громко завопил и рефлекторным движением бросил в него кружкой.

Кружка ударилась собаке в плечо. Девон подскочил и быстро отступил к двери, поглядывая на меня. Я сунул ему несколько кусочков вяленой говядины, надеясь, что угощение, как обычно, успокоит

пса. Он расслабился и взглянул на Джои. Должно быть, он вспомнил мальчика, потому что его хвост неуверенно шевельнулся. Чарлин встала рядом с креслом Джои и напомнила ему о том, что он должен обращаться с Девонем осторожно, если не хочет, чтобы тот ушел.

— Де-он! Де-он! — закричал Джои. Девон подошел к его креслу и, вильнув хвостом, лизнул Джои руку. На этот раз он не стал вскакивать мальчику на колени, а сел на траву рядом с креслом, чтобы Джои мог дотянуться до него и погладить. Чарлин снова взяла мальчика за руку и показала ему, как это делается. Я

выдал Девону очередную порцию лакомства и отошел к стулу, поставленному для меня в противоположном конце двора.

Меня поразило, что пес, отличавшийся крайней возбудимостью и редко отходивший от моей ноги, сидел как привязанный возле кресла ребенка-инвалида, неожиданно проникшегося к нему любовью. Казалось, эти двое общаются друг с другом каким-то неведомым мне способом. Через пару минут Джои успокоился, и его лицо осветилось лучезарной улыбкой. Девон лежал почти неподвижно, — я никогда не видел

его таким спокойным и умиротворенным. Но в одном я уверен на сто процентов: пес понимал, что делает нечто важное, и был, судя по всему, увлечен этим ничуть не меньше, чем Гомер своими овцами.

Позднее Чарлин, тоже поразившаяся царившему между ними согласию, спросила меня, что, по моему мнению, думает в этой ситуации собака.

— Вам не кажется, что он понимает, как в нем нуждается Джои? Мне очень хотелось бы иметь возможность подтвердить это предположение, и я с трудом

удержался от искушения. Но я знал, что у Девона есть и собственные проблемы. Предыдущий хозяин готовил его к соревнованиям по послушанию и воспитывал очень жестко, однако Девон провалился на испытаниях, и его заменили, а потом и вовсе отослали прочь. Когда я взял его, он ходил за мной, как привязанный, и даже выпрыгивал в окно, если я уходил из дома.

Львиная доля работы, которую я провел с ним за последние два года, была сосредоточена на формировании в нем ощущения безопасности — в моем присутствии или без него. Он по-прежнему

следил за мной с зоркостью ястреба, требовал внимания, оттеснял беднягу Гомера, когда я протягивал руку, чтобы его погладить, втискивался в постель между мной и моей супругой. При каждом удобном случае Девон охотно забывал об овцах, предпочитая постоять рядом со мной, чего не сделал бы на его месте ни один истинный бордер-колли.

А Джои звал его по имени, фокусировал на нем все свое внимание. Я подозревал, что Девон, которому так и не удалось окончательно победить свою чрезмерную потребность ощущать

внимание к своей персоне, отвечал именно на это поведение мальчика.

Однако Чарлин уверяла, что я недооцениваю свою собаку. Он работает, когда общается с Джои. Девон представлялся ей некоей диснеевской собакой, героическим представителем семейства псовых, со всех ног примчавшимся на помощь больному ребенку.

Может быть, она была права, — об этом я размышлял всю обратную дорогу. Может быть, я склонен к излишней циничности в истолковании собачьего поведения. Впрочем, имеет ли значение, какими мотивами руководствовался Девон?

Следовало принимать в расчет лишь то очевидно благотворное воздействие, которое он оказывал на Джои и, как мы рассчитывали, будет оказывать в обозримом будущем.

Самым поразительным казалось то, что Девон — моя собака, мой собственный источник бескорыстной любви, мой заветный друг (по версии Дороти Берлингхэм) — на моих же глазах сменил специальность. Он отказался от древнего искусства пастуха, которое, впрочем, никогда не было для него смыслом жизни, как, скажем, для Гомера, и всеми четырьмя ногами увяз в новой профессии. И все же я понимал, что

его истинным предназначением является не работа с овцами и даже не визиты к Джои, а помощь своему хозяину, то есть мне.

«Земляничный кряж» Кэролин Уилки — ее ферма, а по совместительству и тренировочная база — находилась неподалеку от школы Джои. Я посадил Девона в контейнер для перевозки и вышел с Гомером, чтобы потренироваться в работе со своенравными и непокорными баранами. Эти бараны не имели ничего общего с престарелыми, кроткими созданиями, привыкшими к общению с собаками, которых

обычно показывают на
выступлениях. Их было около
дюжины, и при приближении собаки
они не собирались в отару, а
разбегались в разные стороны,
лягались, прятались в колючем
кустарнике.

Мне приходилось наблюдать за
тем, как многие собаки, в том числе
и мои, буквально валялись с ног
после погони за ними. Но Кэролин
считала, что Гомеру такая задача
вполне по плечу.

Выпущенные из загона
мятежные бараны немедленно
рассыпались по лугу, не испытывая
никакого желания встречаться с

пастухом. Они ринулись за амбар, затем отбежали к лесу и кустам — слишком колючим, чтобы я решился полезть за ними вслед. Но Гомер с энтузиазмом принялся за дело. Целый час под палящим солнцем он выслеживал и загонял баранов одного за другим, не обращая внимания на шипы и колючки, впившиеся в его шерсть. Он задыхался, хромал, — подушечки на лапах были сбиты, — и я несколько раз протягивал руку к рации, намереваясь вызвать Кэролин на помощь.

Однако Гомер не собирался сдаваться, и я не решился его останавливать. Каждый раз, когда я

хвотался за рацию, из кустарника выскакивал очередной баран, и Гомер упрямо начинал преследование.

В экстазе почти религиозном я наблюдал за тем, как в моей молодой собаке пробуждаются древние инстинкты, заставляющие ее гоняться за проклятым бараном и опережать его, предугадывая его маневры. В конечном итоге, свернув по тропинке к пастбищу, я с величайшим изумлением увидел Гомера, сидящего возле пасущейся отары. Он бдительно следил за овцами и не давал им разбежаться. Казалось, они смирились со своим

поражением и признали его авторитет. Впрочем, не исключено, что они решили спокойно попасться.

Я не мог не подумать о том, как, должно быть, ценили такую настойчивость предыдущие поколения ирландских фермеров. Язык моего Гомера свисал до земли, а лапы кровоточили, но он практически без моего вмешательства сообразил, что от него требовалось, и не отступил, пока не выполнил свою задачу.

Потом, когда овцы вернулись в загон, — для этого нам потребовалось выдержать еще одно сражение, — я выпустил Девона. Он

покосился на овец и припал грудью к земле, приглашая Гомера поиграть. А тому никакая усталость не могла помешать принять такое предложение.

Собаки принялись носиться по ферме, описывая круги, пугая белок и кроликов и гоняясь друг за другом; их энтузиазм был настолько заразителен, что я громко рассмеялся. Какое удовольствие наблюдать за этими созданиями, с таким увлечением отдающимися игре и работе.

Потом они снова меня удивят, и не один раз. Кэролин настояла на том, чтобы я не откладывал

тренировки в долгий ящик. Пройдет несколько недель и месяцев, и уже Гомер будет сидеть на коленях у Джои, а Девон заинтересуется овцами. Собаки не стоят на месте, точно так же, как и их работа.

Приложение

За эту книгу я чувствую себя в неоплатном долгу перед многими людьми. На этот раз у меня значительно больше соавторов, чем во время работы над предыдущими одиннадцатью книгами,

написанными сравнительно самостоятельно.

Во-первых, я хочу упомянуть свою жену Паулу Спэн. Она не только пожертвовала своим временем, выслушивая бесконечные собачьи истории, но и оказала решающую помощь в выработке концепции книги, в работе над ней, а впоследствии и в издании. Моя дочь Эмма Спэн из славной девчушки выросла в преданного и надежного товарища.

Ричард Эбат отвечал за креативный настрой, обеспечивал общее руководство и поддержку.

Выдержка Брюса Трейси, его терпимость к моим чудачествам, граничащим с безумием, и талант редактора оказали мне неоценимую помощь.

Брайан МакЛендон давным-давно стал для меня не просто издателем, но и бесценным советчиком.

Кэролин Уилки, хозяйка фермы «Земляничный кряж» и руководитель учебного центра в Бангоре, Пенсильвания, не только мой близкий друг, но и основной вдохновитель.

Возможности интернета представляются мне настоящим

чудом, особенно после того, как он познакомил меня с Деброй Катц, директором Учебного центра Департамента психиатрии при Университете в Лексингтоне, Кентукки. Она оказала решающее влияние на мое представление о собаках, людях и их взаимоотношениях. За время работы над книгой мы успели подружиться.

Я благодарен Лесли Броулесу, Кати Кинг и особенно Тагу Хейстеру из Университета шт. Кентукки за бесценные исследования, проведенные ими по моей просьбе.

Я в долгу перед многими и многими людьми, поделившимися со

мной своим опытом в общении с собаками, в частности перед Карен Симпсон и Регги, Джоном и Синтией Палмер и Бумером, Уве Нимбергом и Спиритом. И, конечно, Дейвом. Я хочу еще раз поблагодарить Маргарет Уотерсон из книжного магазина «Баттенкилл» в Кембридже, Нью-Йорк, — именно она подсказала мне идею книги, появившейся на свет с ее подачи.

Я благодарю людей, познакомивших меня с миром спасателей, — многие из них пожелали остаться безымянными — за то, что они не пожалели для меня своего времени и позволили мне

составить представление об этой необычной субкультуре.

Считаю своим долгом поблагодарить Теренса Рейди, сотрудника муниципалитета Монтклера, предоставившего мне информацию, касающуюся собачьего населения города. И ветеринарного врача доктора Бренду Кинг за то, что она позволила мне принять участие в ее работе и поделилась опытом и некоторыми наблюдениями. Такую же благодарность я выражаю Мэтту Мейсону, Мэри Тодд и Полу Хартуниену, которые особенно помогли мне в начале моей работы над этой книгой.

Я благодарю Джоэла Тейбора из Зоомагазина Монтклера за его любовь к собакам и содействие в знакомстве с их хозяевами. Не могу не упомянуть также и Кейт Хамильтон.

Я благодарен всем людям, согласившимся ответить на мои вопросы и впусивших меня в свои дома и жизни.

Библиография

Robert D. Putnam, *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American*

Community (Simon & Schuster, 2000);

Susan J. Pharr and Robert Putnam, eds., *Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries?* (Princeton University Press, 2000);

Richard Sennett, *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism* (Norton, 1998);

John Bowlby, *Attachment* (Basic Books, 1969);

Dr. Peter Fonagy, *Attachment Theory and Psychoanalysis* (Other Press, 2001);

Stanley Coren, *The Pawprints of History: Dogs and the Course of Human*

Events (Free Press, 2002);

Patricia B. McConnell, Ph. D., The Other End of the Leash: Why We Do What We Do Around Dogs (Ballantine Books, 2002);

Caroline Knapp, Pack of Two: The Intricate Bond Between People and Dogs (Delta, 1999);

Elizabeth Marshall Thomas, The Hidden Life of Dogs (Pocket Books, 1993);

Stephen Budiansky, The Truth about Dogs: An Inquiry into the Ancestry, Social Conventions, Mental Habits, and Moral Fiber of *Canis familiaris* (Viking, 2000);

Pat Miller, *The Power of Positive Dog Training* (Howell House Books, 2001);

Dr. Marty Becker, *The Healing Power of Pets: Harnessing the Amazing Ability of Pets to Make and Keep People Healthy and Happy* (Hyperion, 2002);

Marjorie Garber, *Dog Love* (Simon & Schuster, 1997);

Dorothy Burlingham, *Twins* (International University Press, 1952);

Alexa Albert and Kris Bulcroft, «Pets, Families, and the Life Course,» *Journal of Marriage and the Family*, May 1988;

Karl Heinz Brisch, Kenneth Kronenberg, and Lotte Kohler, *Treating Attachment Disorders* (Guilford Press, 2002);

National Council on Pet Population Study and Policy
(www.petpopulation.org/statsurvey.html)

Rebecca Gardyn, «Animal Magnetism,» *American Demographics*, May 2002;

Pat Sable, «Pets, Attachment, and Weil-Being Across the Life Cycle,» *Social Work*, May 1995;

E. K. Rynearson, «Humans and Pets and Attachment,» *British Journal of Psychiatry*, vol. 133, 1978;

John Archer, «Why Do People Love Their Pets?» Evolution and Human Behavior, vol. 18,1997;

Humane Society of the United States (www.hsus.org), «The Crisis of Pet Overpopulation»;

Marcel Heiman, M. D., «The Relationship Between Man and Dog,» presented before the New York Psychoanalytic Society, June 10,1952;

J. C. Berryman, K. Howells, and M. Lloyd-Evans, «Pet Owner Attitudes to Pets and People: A Psychological Study,» Veterinary Record, December 21–28,1985;

American Veterinary Medical Association, Center for Information

Management, «Dog Ownership in the United States, 1996» (www.avma.org);

Ivan Sherrick, «The Significance of Pets for Children,» *Psychoanalytic Study of the Child*, 36, 1981;

Edna Adelson and Vivian Shapiro, «Ghosts in the Nursery: A Psychoanalytic Approach to the Problems of Impaired Infant-Mother Relationships,» from a lecture given at the Beata Rank Memorial Lecture Series, Boston Psychoanalytic Society and Institute, May 1974;

Kenneth M. G. Keddie, «Pathological Mourning after the Death of a Domestic Pet,» *British Journal of Psychiatry*, vol. 131, 1977;

Also Lenore C. Terr, «Childhood Traumas: An Outline and Overview,» American Journal of Psychiatry, January 1991;

Aaron H. Esman, «Rescue Fantasies,» Psychoanalytic Quarterly, 56,1987;

Victoria L. Voith, John C. Wright, and Peggy J. Danneman, «Is There a Relationship Between Canine Behavior Problems and Spoiling Activities, Anthropomorphism, and Obedience Training?» Applied Animal Behavior Science, 34, 1992;

Victoria Voith, «Attachment of People to Companion Animals,»

Veterinary Clinics of North America:
Small Animal Practice, March 1985;

J. Topal, A. Miklosi, and V. Csanyi,
«How Dog-Human Relationship Affects
Problem Solving in the Dog,»
Anthrozoos, 10(4), 1997;

James Serpell, «Evidence for an
Association Between Pet Behavior and
Owner Attachment Levels,» Applied
Animal Behavior Science, 47,1996;

Janet Haggerty Davis and Anne
McCreary Juhasz, «The
Preadolescent/Pet Bond and
Psychological Development,» in Marvin
B. Sussman, ed., Pets and the Family
(Haworth Press, 1985);

Peter R. Messent and James A. Serpell, «An Historical and Biological View of the Pet-Owner Bond,» in Bruce Fogle, ed., Interrelations Between People and Pets (Charles C. Thomas, 1981);

Leonard J. Simon, «The Pet Trap: Negative Effects of Pet Ownership on Families and Individuals,» in Robert K. Anderson, Benjamin L. Hart, and Lynette A. Hart, The Pet Connection: Its Influence on Our Health and Quality of Life, Minneapolis Center to Study Human-Animal Relationships and Environments, 1984.

Об авторе

Джон Катц — автор двенадцати книг: шести романов и шести научно-популярных произведений. Дважды становился финалистом конкурса National Magazine Award, сотрудничал с «New York Times», «Wall Street Journal», «Rolling Stone» и «Wired». Является одним из редакторов радиостанции «Marketplace» и журнала «Bark». Член Ассоциации инструкторов по дрессировке собак. Джон Катц живет на севере штата Нью Джерси со своей женой, Паулой Спэн, репортером «Washington Post», дочерью Эммой Спэн, студенткой колледжа, и двумя собаками. В

настоящее время Катц работает над очередной книгой, посвященной взаимоотношениям между женщинами и их собаками. Вы можете связаться с ним по адресу: jonkatz3@comcast.net.

[\[1\]](#) WSPA (World Society for the Protection of Animals) — Всемирное общество защиты животных (*прим. ред.*)

[\[2\]](#) Цератония (Ceratonia siliqua) (*прим. ред.*)